

ISSN 2500-2988

УДК 32:93:316

ЛОКУС

 ЛЮДИ
 ОБЩЕСТВО
 КУЛЬТУРЫ
 СМЫСЛЫ

2025. Т. 16. № 1

**Учредитель
и издатель:**

 Московский
 педагогический
 государственный
 университет

 Издается с 2010 г.
 Выходит 4 раза в год

 Свидетельство
 о регистрации СМИ:
 ПИ № ФС 77–67762
 от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:

 109240, Москва,
 ул. В. Радищевская,
 д. 16–18, каб. 223

 Журнал входит в Перечень ведущих
 рецензируемых научных журналов
 и изданий ВАК РФ:

Политические науки

- 5.4.5. Политическая социология
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

 Сайт журнала: j-locus.ru
 E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2025. Vol. 16. No. 1

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia, Verh-
nyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Ольга Викторовна Ерохина – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Виленович Бруз – доктор исторических наук; профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления экономического факультета Государственного университета просвещения, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Москва

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Татьяна Владиславовна Каширина – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, г. Москва; доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Olga V. Erokhina – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Bruz – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Public Procurement, Management and Public Administration of the Faculty of Economics, State University of Education, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Tatyana V. Kashirina – Dr. Hab. in History; Head at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; project manager, Expert Institute of Social Research, Moscow; Associate Professor at the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History of the Institute of History and Philology, Federal State University of Education, Russian Federation

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

М.В. Моисеев

Опасные дороги: степные маршруты русских дипломатов в XVI в. 11

А.В. Тихонова

Швейцарские ювелиры и художники на производстве в Российской империи первой половины XIX в. 30

В. Виталь

Генерал-лейтенант Густав Йонсон: биографический портрет командующего 22-м территориальным стрелковым корпусом РККА 44

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Ю.В. Куликова

Новые данные о внутренней политике гальского императора Постума 60

А.М. Родригес-Фернандес

Катар в эпицентре внутриаравийских пограничных конфликтов (XX в.) 75

И.Г. Жиряков

Права человека и положение в Австрии бывших граждан СССР еврейской национальности в конце 1970-х – начале 1980-х гг. (взгляд советских дипломатов) 88

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.И. Гокджен

Турецкий поток и отношения энергетической безопасности между Турцией и Россией в 2020–2024 гг. 108

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

Н.А. Шавеко

Теория демократии участия в трудах ее основоположников и их критика 120

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО:
ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ, УПРАВЛЕНИЕ

А.В. Смирнов

Отечественная мультипликация
как источник образов ордынского владычества
в российском историческом сознании 136

ДОКУМЕНТ С КОММЕНТАРИЕМ

А.А. Маслова

Плоды деятельности Комиссии составления законов
в царствование Павла I (1800 г.) 151

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

А.Б. Ананченко, С.Д. Половецкий

Рецензия на книгу:
Киселев А.Ф., Лубков А.В. Национальная идея
в историческом бытии России 165

Contents

RUSSIAN HISTORY

M.V. Moiseev

Dangerous roads: Steppe routes of Russian diplomats
in the 16th century 11

A.V. Tikhonova

Swiss jewelers and artists in the production in Russia
in the first half of the XIX century 30

V. Vital

Lieutenant General Gustav Yonson:
A biographical portrait of the commander
of the 22nd Territorial Rifle Corps
of the Red Army 44

GENERAL HISTORY

Yu.V. Kulikova

New information on the domestic policy
of the Gallic Emperor Postumus 60

A.M. Rodrigues-Fernandes

Qatar in the epicenter of intra-Arabian border conflicts
(XX century) 75

I.G. Zhiryakov

Human rights and the situation in Austria
of former Soviet citizens of Jewish nationality
in the late 1970's – early 1980's
(the view of Soviet diplomats) 88

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

M.I. Gokcen

TurkStream and energy security relations
between Turkey and Russia in 2020–2024 108

THEORY AND HISTORY OF POLITICS

N.A. Shaveko

Participatory democracy:
Basic approaches to justification and their criticism 120

STATE AND SOCIETY:
PROCESSES, TECHNOLOGIES, MANAGEMENT

A.V. Smirnov

Russian animation as a source of images
of the Horde rule in the Russian historical consciousness 136

SOURCE WITH COMMENT

A.A. Maslova

The success of the Commission for Drafting Laws
during the reign of Paul I (1800) 151

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

A.B. Ananchenko, S.D. Polovetsky

Review of the book: Kiselev A.F., Lubkov A.V.
National idea in the historical existence of Russia.
Moscow, 2024 165

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-11-29

УДК 94

М.В. Моисеев

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Опасные дороги: степные маршруты русских дипломатов в XVI в.

В статье на основе посольских документов исследуются обстоятельства путешествия посольских караванов через степную зону, которая географически ограничена Днепром и Волгой. Вне внимания оставлен Волжско-Уральский регион. Исследование опирается, в первую очередь, на изучение посольских отчетов. Именно поэтому подробно рассмотрен процесс развития отчетов в русской посольской практике: от кратких устных сообщений до подробных письменных сообщений. Особое внимание уделено криминальной экономике, вовлеченности в нее разных групп пограничного населения. Показаны препятствия в пути, вызванные природными условиями, климатическими изменениями. Рассмотрены случаи, когда посольства или группы гонцов были вынуждены преодолевать степные просторы пешком или на лыжах. В статье показано, что степная зона на протяжении конца XV–XVI вв. оставалась зоной повышенной опасности. Источники фиксируют, что Дикое поле не было «пустым», «ничейным» местом. Здесь постоянно курсировали посольские и купеческие караваны, отряды татар, ногаев и русских. Кочевали татары и ногаи, передвигались неустановленные лица и беглые полоняники. В ряде случаев документы фиксируют климатические изменения, вызванные малым ледниковым периодом. Это проявлялось в обильных снегах и длительном сковывании льдом снежного

© Моисеев М.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

наста и поздним ледоходом на реках. Проведенное исследование показывает, что в условиях слабой освоенности степного региона, низкой плотности городской сети добиться безопасности движения посольств и купцов было невозможно.

Ключевые слова: посольские книги, посольский обычай, посольский отчет, статейный список, русско-турецкие отношения в XVI в., русские послы в конце XV и в XVI в., гонцы, «сурожане», криминальная экономика в русском степном приграничье XVI в., Азов, Каффа

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Моисеев М.В. Опасные дороги: степные маршруты русских дипломатов в XVI в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 11–29. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-11-29

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-11-29

M.V. Moiseev

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Dangerous roads: Steppe routes of Russian diplomats in the 16th century

Based on the embassy documents, the article examines the circumstances of the embassy caravans traveling through the steppe zone, which is geographically bounded by the Dnepr and Volga rivers. The Volga-Ural region has been left out of the spotlight. The study is based primarily on the study of embassy reports. That is why the process of developing reports in Russian embassy practice is considered in detail: from brief oral reports to detailed written reports. Special attention is paid to the criminal economy and the involvement of various groups of the border population in it. The obstacles in the way caused by natural conditions and climatic changes are shown. The cases when embassies or groups of messengers were forced to cross the steppe expanses on foot or on skis are considered. The article shows that the steppe zone during the late 15th – 16th centuries remained a high-risk area. Sources record that the Wild Field was not

an “empty”, “no man’s land”. Embassy and merchant caravans, detachments of Tatars, Nogais and Russians constantly plied here. Tatars and Nogai roamed, unidentified persons and fugitive migrants moved. In some cases, the documents record the climatic changes caused by the Little Ice Age. This manifested itself in heavy snow and prolonged ice-encasing of the snow formation and late ice drift on the rivers. The conducted research shows that it was impossible to achieve safe movement of embassies and merchants in conditions of poor development of the steppe region and low density of the urban network.

Key words: embassy books, embassy custom, embassy report, stateynyi spisok, Russian-Turkish relations in the 16th century, Russian ambassadors in the late 15th – 16th centuries, messengers, “sourozhan”, criminal economy in the Russian steppe borderland of the 16th century, Azov, Kaffa

CITATION: Moiseev M.V. Dangerous roads: Steppe routes of Russian diplomats in the 16th century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 11–29. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-11-29

Одной из особенностей дипломатии в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени было отсутствие системы работающего международного права, которое бы действительно защищала персону посла и его окружения от агрессии на всем протяжении дипломатических функций от пункта отправления до пункта назначения. Избиения, ограбления, заточение в тюрьму – все это нередко случалось с послами уже на месте службы, но все-таки наиболее опасным было само путешествие. Опасность таила в себе природа: штормы, снегопады, сильные ветра, мороз или, наоборот, сильная жара, эпидемии могли до крайности затруднить путь следования посольскому каравану.

Русский посол в Османскую империю Б. Благово так вспоминал свое плавание ноябрьским Азовским и Черным морями в Каффу: «и носило морем от Азова до Кафы четыре недели да три дни и карабля мало не разбило»¹. Каспийская навигация была не менее опасна. Русский посол в Сефевидское иранское государство в 1588–1589 гг. Г.Б. Васильчиков, вспоминая об обстоятельствах возвращения из Ирана в Россию Каспийским морем, сообщал следующее: «...шли есмя, государь, морем от Гилян до Асторахани восемь недель, а на море, государь, нас ждали турецкие люди меж Баки и Гилянские земли и туркменсково пристанища на острове, на Рудоносе, и отъезжая по морю на дву каторгах,

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 363.

да на две стругех. Да приходили, государь, на нас на море туркменские люди и у бус² наших сандал у нас отбили. А в другой ряд, государь, приходили на нас те же туркменские люди в осми сандалех, щиты поделав на судех, и к бусе приступали и с нами, государь, билися, и мы, государь, з бусы побили их в сандалех людей многих и отошли от них здорово»³. Осенняя навигация на Каспии была весьма опасной. Посол в Бухарское ханство И. Хохлов (1620–1622) вспоминал, как их буса попала в шторм и ее выбросило к мысу Тюб-Караган (в этих местах ныне находится г. Форт-Шевченко). Корабль разбился, значительная часть припасов погибла, а что осталось, в значительной степени было испорчено морской водой [6, с. 65]. Сильная жара могла вызвать серьезные болезни членов посольства. Из-за «огненной немощи» вымерло почти все посольство арзамасского наместника кн. В.В. Тюфякина⁴. Однако при всех опасностях водного пути, путь сушей, особенно через степь, оставался наиболее опасным и сложным.

Целью нашего исследования будет рассмотрение степных маршрутов движения русских послов. Однако это весьма большой регион, поэтому мы ограничим его междуречьем Днепра и Волги, случаи же из Волжско-Уральского междуречья будем приводить время от времени как примеры общности проблем, с которыми сталкивались посольские караваны.

Для решения поставленной цели нам необходимо решить несколько задач:

- 1) проанализировать источниковедческое значение отчетов русских послов;
- 2) рассмотреть казусы криминального воздействия на посольские караваны;
- 3) изучить разные способы передвижения послов и гонцов через степи.

Прежде чем перейти к изложению материала, необходимо сделать методологическое отступление. Дело в том, что сведения об обстоятельствах путешествия сохранились преимущественно в отчетах послов – «отписках» или статейных списках. Этот тип документа появился во внешнеполитической документации не сразу. Первоначально он имел устный характер. Затем отчеты стали письменными и пересылались

² Бус, производное от «буса – большая долбленая лодка, однодеревка, с острым носом, отрубистою кормой и округлым дном, большею частию с наделками, набоями, насадами, т.е. с набивными досками по бортам» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2006. Т. 1. А–З. С. 214).

³ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. I. Царствование Федора Ивановича. СПб., 1890. С. 7–8.

⁴ Там же. С. 432–435.

в Москву в ходе исполнения миссии. Ранние такие грамоты фиксируются в 1495 г., когда послы вел. кн. Ивана III Васильевича кн. С.И. Ряполовский и боярин М.Я. Русалка отчитывались о ходе венчания его дочери княжны Елены и литовского князя Александра Казимировича. Уже в 1518 г. появляется посольский список, имевший характер заключительного отчета. Это был список посла в Священной Римской империи германской нации В. Племянникова. Однако вплоть до 1560-х гг. преобладающей формой посольской отчетности были грамоты с «вестями», но с 1560-х гг. итоговые отчеты все чаще фиксируются в посольской документации [10, с. 325–328⁵].

Отчетная документация русского посольского ведомства включала в себя такие типы документов, как статейный список, вестовой список и вестовая отписка. Статейный список – это итоговый отчет, сдаваемый по возвращению дипломата. Вестовым списком являлся промежуточный отчет, который посылался в Москву во время осуществления миссии, вестовая отписка – это ситуативное донесение в случае получения важной информации [11, с. 21–22]. В историографии уже установлено, что статейный список создавался на основе вестовых списков и отписок, сведения которых подвергались существенному сокращению [9, с. 59–78]. К сожалению, далеко не от всех миссий сохранились отчеты, а в сохранившихся не всегда подробно фиксировались обстоятельства пути следования. Поэтому информация имеет мозаичный характер и ее анализ возможен только в рамках кейс-анализа, т.е. изучения конкретных случаев.

Путешествия русских послов XVI в. только недавно стали исследовательской проблематикой и исследуются преимущественно в рамках филологии и литературоведения. П.В. Алексеев относит посольские отчеты и «хождения» к первым русским ориентальным травелогам [3, с. 38]. Б.В. Кричевский исследовал образ Константинополя у русских. В этой работе статейные списки использованы довольно скудно и не они были главным источником. Автор писал, что в статейных списках почти отсутствуют описания этого города. И объяснял это тем, что «после того, как Константинополь “обасурманили”, проявлять какое-либо внимание к его достопримечательностям считалось почти кощунственным» [8, с. 56]. В целом, на этом историографию путешествий русских послов на Восток в XVI в. можно завершить.

⁵ Часть текста (с. 325 – середина с. 328) о рождении и эволюции отписок – статейных списков в общей статье Д.С. Лихачева о повестях русских послов была написана Я.С. Лурье.

Впервые в посольской книге по связям с Крымским ханством кн. В. Ромодановский рассказал о ходе своей миссии в 1491 г., но считать это полноценным посольским отчетом нельзя, т.к. он не сообщал ни о обстоятельствах своего путешествия, ни о возникших происшествиях. Князь сосредоточился на изложении непосредственно хода миссии, а также оперативной информации о событиях в степи и отношениях между постордынскими государственными образованиями⁶.

Впрочем, происшествия в степной зоне фиксируются и другими источниками. Например, вел. кн. Иван III отправил послу кн. Ромодановскому 21 июня 1491 г. грамоту следующего содержания: «Бил ми челом Митя Саларев, а сказывает, что шол из Перекопи с Дмитрием с Шеиным, да наняв де татарина Бурнаша везти своей рухляди в дву сумках в пансырных; а рухляди его сказывает было в тех сумках на тридцать рублей на кафинскую, шолковой рухляди да калья краски, да перевозилися деи Дон, ино деи с тою рухлядью уплыл на плоте Сидяк татарин базарець, да ту рухлядь похоронил, да сам деи был в Азове, да идучи из Азова ту рухлядь поймал да и в Перекоп привез. И ты бы от меня царю Менли-Гирею молвил, чтобы тому татарину Сидяку велел моему человеку Мите ту рухлядь отдати, чтобы в том мой человек не изгибл»⁷. Здесь изложена история банальной кражи, но почему для урегулирования этой ситуации вмешался великий князь?

Во-первых, купцы всегда совершали свои торговые путешествия вместе с послами, поэтому нападения на купцов подразумевали и нападения на посольство. Во-вторых, заинтересованность в этом происшествии Ивана III кроется в персонах участников. Дело в том, что Сидяк (Саид-Ахмед) был не простым татаринцом с криминальными наклонностями, а являлся базарцем, т.е. купцом, причем можно полагать, что в источнике просто не полностью прописано слово «ордобазарець». Ордобазарцы являлись привилегированными торговцами и непосредственно обслуживали хана и других аристократов. Митя же Саларев происходил из довольно влиятельной семьи гостей-сурожан. Его предки участвовали в Куликовской битве, Гавриил Саларев одолжил удельному князю Андрею Васильевичу крупную сумму в 300 руб., что оказалось зафиксировано в духовной должника в 1481 г., а Федор Саларев продал Дмитрию Ховрину в 1491–1492 гг. деревню Красулинскую в Подмосковье [2, с. 680–681; 17, с. 149–153; 20, с. 92]. Купеческая семья Саларевых в конце XV в. была достаточно влиятельной и близкой ко двору.

⁶ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 112–114.

⁷ Там же. С. 117–118.

В 1488–1489 гг. Фома Саларев был в Риме⁸. Фома и Гавриил Саларевы входили в число тех сурожан, кого вел. кн. Иван III переселил в Великий Новгород для укрепления своей власти [5, с. 33–34]. Все это указывает на довольно тесные связи семьи Саларевых с великокняжеским двором, поэтому участие великого князя в деле о возмещении убытков, понесенных Дмитрием Саларевым, более чем логично.

В целом для периода конца XV в., по всей видимости, характерно сохранение устной формы отчета. Отталкиваясь от скурых данных источников, мы можем реконструировать схему коммуникации между послами и великим князем: по завершению миссии дипломат сообщал об основных событиях в ходе осуществления миссии, после чего власти принимали определенные решения. Например, если посол пострадал от нападений и грабежа, то составлялась грамота к тому правителю, подданные которого были виновны в происшествии, с требованием возместить убытки и покарать преступников.

Так, например, крымские татары не раз нападали на русских послов, ехавших к волошским господарям. В 1497 г. Иван III на это специально указал хану Менгли-Гирею в своей грамоте: «Посылал есми к Стефану, к воеводе к волошскому, посла своего Ивана Ощерина. И тот наш посол Иван ныне к нам приехал; и сказывал нам, что зимусь твои люди его пограбили, которые ходили воевати Ляцкие земли, да и волошского посла с ним пограбили, что ни было у них их рухляди, да и кони: и платье, то у них все взяли, а сами от них толко головами поутекали. И Стефан воевода о том грабеже и посылал к тебе: и ты иное не великое сыскав да и отдал, а болшей грабежь весь и ныне у твоих людей. А и наперед того наш посол Иван Субота ехал из Волох, ино его на Днепре Черкасци пограбили и твои люди у тех Черкасцов тот грабеж нашего посла Иванов весь отняли; и наш посол и бил тебе челом, и ты и хотел велети отдати, да того ему грабежу ничего не воротилося. И яз к тебе и приказывал с своими боары, что будет того грабежу в лицах, и ты бы то велел отдати; и что того грабежу и в лицах было, и ты и того не велел отдати. Ино сам и поразумей, гораздо ли так чинитца от твоих людей нашим людям? Другу или недругу что слышети? Сами есмя в братстве и в любви,

⁸ Фома Саларев упоминается в «Повести о белом клобуке» как московский гость, с которым Дмитрий Ралев передал это сочинение, добытое им в римской библиотеке, новгородскому архиепископу Геннадию (см.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под редакцию Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. I. СПб., 1860. С. 288). Впоследствии с именем этого купца в историографии произошел курьез. И.Х. Гамель, опираясь на текст повести, называет его Фомой и указывает, что в разных ее вариантах его фамилия искажалась [7, с. 175]. В монографии А.Л. Хорошкевич этот купец превращается в Семена, хотя исследовательница опиралась на текст Гамеля [22, с. 49]; а вот В.Б. Перхавко указывает его как Фому, но при этом ссылается на А.Л. Хорошкевич [17, с. 151]. Впрочем, не исключено, что сообщения о Фоме Салареве имеют легендарный характер.

и люди твои такие дела делают. И яз к тебе и ныне приказывал с своим боарином со князем с Иваном, что будешь сыскал Суботина грабежу, и ты бы то отдал брату его Михайлу. И ты бы, брате, и ныне то отдал Михайлу что будет в лицах, нас для. А нынешней грабеж посла нашего Иванов Ощерина, и ты бы у своих людей велел сыскати да отдати боарину нашему князю Ивану. А вперед бы еси заказал своим людем, чтобы нашим людем от твоих людей такого лиха не было»⁹.

Подобные претензии не оставались без ответа. Так, например, подьячий Юшка в августе 1498 г. в устной форме изложил Ивану III обстоятельный ответ на серию обвинений его подданных в грабежах русских подданных, включая нападение на русского посла в Молдавию И.А. Субботу-Плещеева¹⁰. Впрочем, усилия правительств имели ограниченный успех, и в ряде городов процветала перепродажа краденного. Так, подьячий Юшка в Каффе обнаружил в погребке армянина Харандуна двух крымских татар, которые продавали соболей, украденных у Ивана Ощерина¹¹.

Крупнейшим центром не только работоторговли, но и криминальной экономики вскоре стал Азов [19, с. 205–206]. В 1540–1460-х гг. в Азове успешно на криминальной ниве подвизалась семейная шайка двух братьев – Ахмеда и Али: «Днем и ночью они заняты обманом и мошенничеством» [16, с. 112]. Причем эти братья не были представителями социальных низов и маргиналами. Ахмед был кетхудой воинов азовского гарнизона, владел тремя домами в Венецианской крепости¹², вместе с братом они владели стационарной ловлей рыбы, Али одно время был комендантом Темрюка [Там же, с. 110–113]. Попытки османских властей навести здесь порядок имели ограниченный и временный успех [14, с. 179; 15, с. 184–185;

⁹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 240.

¹⁰ Там же. С. 253–255. В официальной летописи указывается, что грабили «татарове ординские» казаки (см.: Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 12. С. 287). То есть вина возлагалась не на крымских татар, а на татар Большой Орды.

¹¹ Установить это позволило то, что на этих соболях была написана их принадлежность: «от великие княгини от Олены Степанову воеводину сыну Александру». В русской посольской практике соболя, шедшие в «поминках», обязательно подписывались и печатались казначеем: «А которые с ними соболи посланы, и те соболи все подписаны ж, кому которой соболю дати; а печать у соболей Дмитрея ж Володимерова» (см.: Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 310, 352). Эти соболя входили в состав «поминоков» – посольских даров, которые отправил Елена Волошанка своему брату Александру в Молдавское государство. Александр (как и Елена) – ребенок от брака молдавского господаря Стефана Великого и Евдокии Олелковны, одно время рассматривался как преемник отца на престоле.

¹² Османский Азак (Азов) делился на несколько частей. К 1540-м гг. город имел четырехчастную структуру: две Венецианские крепости (внутреннюю и внешнюю) и Генуэзскую каменные крепости и Земляную крепость, которая представляла собой предместье [1, с. 238].

16, с. 110–113; 19, с. 206]. В немалой степени это объясняется тем, что объемы криминальной экономики были весьма значительны. Только за несколько лет конца XV в. общая сумма грабежей, по подсчетам В.Е. Сыроечковского, составила более 7612 руб. [20, с. 78].

Однако нападения на посольства совершались не только с целью грабежа. В ряде случаев можно полагать, что нападавшие преследовали политические цели. На рубеже XV–XVI вв. терроризировали русские посольства Угуз-Черкас и Карабай. 17 апреля 1500 г. их отряд напал на посольство кн. И.С. Кубенского «и грабиша их на Поле, а иных гостей полониша, а иных побиша»¹³. Сам же князь это событие описывал несколько подробнее и отлично от летописного текста. Напали на посольский караван 150 азовских казаков и 50 заволжских (большеордынских), возглавляли их Караман (азовский отряд) и Ак-Кубек (большеордынский). Отряд охраны и великокняжеские гонцы – служилые татары – приняли бой, смогли вырваться и достичь Крымского ханства. Очевидно, им пришлось отбиваться вплоть до Перекопа. Кубенской сообщает об этом следующими словами: «с бою пришли со мною в орду»¹⁴, а вот списки «поминков» – посольских даров утонули при спешной переправе через неизвестную речку.

Это нападение встревожило и крымского хана Менгли-Гирея, и он отправил за нападавшими погоню, но те уже скрылись в османском Азове. Там они распродали краденное (из упомянутого в грамоте – шуба сокольника), а также пленников: толмача Михаила, Копыла Боброва брата¹⁵, всего 50 человек. Часть пленников все же убежала в степи.

¹³ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 12. С. 250.

¹⁴ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 321.

¹⁵ И Копыл, и Бобер – все это гости-сурожане. Бобер в это время уже вполне авторитетный представитель этой корпорации, а вот Копыл, очевидно, только начинал свою карьеру. По поздним данным можно полагать, что Копыл в итоге был выкуплен из плена, судьба остальных полоняников не ясна. Сведения о пленных участниках посольского каравана и имуществе см.: Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 332–335. Василий Бобр известная и авторитетная личность. Его двор стоял в московском районе Зарядье на Большом посаде, именно с его двора начался пожар 1500 г., в 1507 г. ему было поручено организовать в Великом Новгороде «торги и ряды», а улицы «розмерити по-московскы» (Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. С. 136). В новгородских летописях его называли боярином. В 1514 г., видимо, недалеко от своего двора он (вместе с братьями Вепрем и Юшкой) ставит каменную церковь Святой Варвары, архитектором церкви был Алевиз Фрязин. Копыл, его брат, известен под прозвищем Спящий, и его двор тоже располагался в этом районе [21, с. 114] (см. также: Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. С. 136; Там же. Т. 8. СПб., 1859. С. 240, 255). Не исключено, что Бобр имел земли в Дмитровском уезде. В разрезной грамоте вел. кн. Ивана Васильевича с кн. Юрием Ивановичем от 16 июня 1504 г. упоминаются как собственники земли Юрий Иванович и Василий Бобровы. У Василия Бобра известен брат Юшка – Юрий. Если это так, то отец у них был Иван (см.: Духовные и договорные грамоты. М.; Л., 1950. С. 391–392).

Учитывая, что Азов являлся османским владением, то Менгли-Гирей направил посольство к кафинскому наместнику Мехмеду-шахзаде. Мехмед отреагировал на эти известия жестко: «послал, государь, салтан из Кафы в Азов дву человек добрых, а велел деи паша шубашей азовских переимати, которые тем татаром норовили и рухлядь у них покупали, а казну деи, государь, велел твою всю по правде сыскать да к себе в Кафу привезти»¹⁶. Четырех пленников, уже купленных одним турком в Азове и привезшим их в Кафу, отпустили к русскому послу безвозмездно¹⁷. Впрочем, уже через год все те же Угуз-Черкас и Карабай вновь напали на русских послов: «грабиша на Поле на Полузоровском перелеске великого князя послов, князя Феодора Ромодановского да Андрея Лапенка, – и Андреи тамо и скончался, – и гостей многих пограбиша»¹⁸.

Интересно, что в посольской документации история с нападением на посольство князя Ромодановского изложена иначе, чем в летописи. Приведу посольскую версию полностью: «Да здесе пришли к нам татарове, которые были поиманы с нашим послом, со князем с Феодором Ромодановским; и они сказывают, что нашего посла поимали князя Феодора, да с ним его шесть человек, да толмача нашего Илейку самого третьего, да дву наших людей ординцов, которые поминки везли, да нашего человека путивльца, да татарина нашего Карачюрина человека Петреца, да повели деи их всех в Азов. А имали деи их Азовские татарове Кудайчик, да Садылла, да Индырчей, да Даньяр, да Кара, да шубаша азовского толмач, да два турчанина, живут в Азове ж; да ординские татарове Саиндый да Карачя Багатырь, а всех деи их было сто и сорок человек. Ино ты брат наш сам ведаешь, как ти их доставати, занже они на твоём пути поиманы»¹⁹. Итак, отряд, напавший на послов, вновь состоял из большеордынцев и азовских казаков, но в нем приняли участие два турка и толмач азовского коменданта (шубаши), так что можно говорить об участии в этих бандитских акциях представителей османской местной администрации. Но, что весьма любопытно, исходя из текста послания, случилось это на той части маршрута, безопасность которого должен был обеспечивать крымский хан. Следовательно, мы можем полагать, что в рамках русско-крымских отношений были выработаны принципы обеспечения безопасности посольских миссий, когда часть пути охранялась русскими властями, а часть крымскими. Очень жалко,

¹⁶ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 321.

¹⁷ Там же. С. 322.

¹⁸ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 12. С. 253.

¹⁹ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 349.

что конкретных географических данных об этих коридорах безопасности не сохранилось (или мы их пока не выявили)!

Однако предпринимаемых мер было недостаточно. Нападения эти были подготовлены, грабители поджидали посольства в течение трех месяцев²⁰. Учитывая, что в этих акциях активное участие принимали большеордынцы, можно полагать, что тем самым Большая Орда пыталась перерезать пути сообщения между Московским государством и Крымским ханством и, как следствие, затруднить координацию союзнических действий против нее.

Конечно, всплеск криминала в степной зоне отчасти был связан с агонией Большой Орды и образованием здесь большого количества вольных сообществ казаков, для которых грабеж был способом выживания. Но свести объяснение проблемы только к этому нельзя. Дело в том, что, кроме ордынцев, выбитых из привычной жизни, в нападениях принимали участие и крымские аристократы, и представители османского гарнизона Азова, а позднее и русские казаки. Поэтому даже после коллапса Большой Орды и относительного успокоения международных отношений в этом регионе нападения на посольские караваны продолжались с заметной регулярностью. Рассмотрим некоторые кейсы, выявленные в русско-турецкой посольской документации.

Казус с посольством Камал-бека, 1514 г.

Грамоты русского посла Михаила Ивашова сына Алексеева вел. кн. Василию III Ивановичу содержат информацию о сложностях пути к русским границам. Надо отметить, что эти сведения изложены Алексеевым несколько путанно. Попробуем обобщить сведения из двух посланий и реконструировать ход событий. В первой грамоте он сообщает следующее: «Бог нас донес до Усмани поздраву. А идет к тебе ко государю посол Кал-бег от салтан-Салим-хонкеря от брата твоего и от друга, и яз холоп твой с ним же сухою головою. А что ни было животца чюжего и своего, а то на Дону, на Литве оставлено, везли турки и татарове, да пометали. И яз холоп твой оставил с нею шесть человек, а сухою головою пеш с ним шол; а всех нас, государь, тритцать человек. А пошли есмя, государь, на Федорове неделе в четверг, как, государь, люди голодни и истомны, так ся лошадок не осталось ни у кого коей служить»²¹. Второе послание дополняет первое: «Провожали, государь, азовские татарове Камал-бега посла Хонкерева да Дерт-Кульяка Бийсуф

²⁰ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 322.

²¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 7 об.

с товарищи, а сниматься им верх Сосны; а взяли с собою Михаля Камаретцкого в вожи, а их с четыреста. А пойти им на села на две Знаби, а от Знобей на Росоднов, от Росодного на Войкина, от Войкина на Бологин, от Бологина на Бирину, от Бирина х Хотешину на Северьские села, в том и нас туде не вели; и тебе бы государю сведомо было»²².

Итак, путь свой посольство начало на Фёдоровой неделе в четверг, т.е. на первой неделе Великого поста. В 1514 г. Великий пост длился с 27 февраля по 15 апреля. 27 февраля в 1514 г. приходилось на понедельник, следовательно, четверг – это 2 марта. Однако в завершение Алексеев пишет, что посольство путь искало 6 месяцев, а послание датировано 14 апреля 1514 г. Получается, что свое путешествие они начали еще в октябре 1513 г. Камал же в своей грамоте великому князю указывает, что покинули они Константинополь 1 августа!²³ Скорее всего, Алексеев в своем письме начинает отсчет времени пути после того, как они покинули Азов, т.к. он пишет о поиске пути, что естественно при движении по суше, тогда как мы знаем, что сообщение между Константинополем и Азовом чаще всего шло по воде: на галерах до Каффы (Кефе), а затем в Азов. А вот уже от Азова путешествие было сухопутным.

Хотя ни Михаил Алексеев, ни Камал не пишут прямо о том, что они вышли из Азова, но упоминаются «азовские татарове», которые их сопровождали. Что же привело к тому, что посольский караван 6 месяцев искал пути в степи до русских границ? Объяснение этому кроется в несколько туманных сообщениях русского посла, о том, что эти «азовские татарове» шли на Северщину и конечной точкой их движения должна была стать р. Сосна, правый приток Дона, но в итоге послы оказались на левом притоке Дона – Усмани. Михаил же вспоминает, что имущество, которое было с ними, они оставили «на Дону, на Литве»²⁴. Если точнее, то оно было брошено татарами.

После этого русский посол оставил для охранения брошенного «живота» шесть человек, а сам с Камалом и с оставшимися людьми продолжил путь пешком. Всего их было 30 человек. К этому времени из-за трудности пути и голода они потеряли лошадей («лошадок не осталось ни у кого коей служить»). Очевидно, что именно это пешее странствие без проводников и заняло у них полгода. Уже на Усмани они встретили двух яранцев – Давыдка и Сухого. Эта встреча оказалась для

²² Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1.Л. 8 об.

²³ Там же. Л. 8, 9.

²⁴ Там же. Л. 7 об.

послов и их свиты спасительной. Не исключено, что от них они получили коней, что дало возможность отправить гонцов, которые прибыли в Рязань. В конечном счете в Москве узнали об отчаянном положении послов. Сам Камал писал, что они «...больши чаем смерти нежели живота»²⁵.

Казус Дмитрия Быка Степанова

Весной 1517 г. при московском дворе приняли решение отправить к османскому падишаху посланника Митю Быка Степанова рязанца и отправили его в Рязань. В апреле подготовили комплект посланий и инструкцию («память») и отправили вдогонку с И. Щокиным-Меньшим. Приехав в Рязань, Митю Быка он уже не застал. Тот, не дожидаясь документов, поехал в Степь через три недели после Пасхи. В 1517 г. она приходилась на 12 апреля (старого стиля), следовательно, покинул он Рязань в начале мая. Путешествие его оказалось недолгим: «И Митю Степанова на Дону татарове убили, до салтана не дошел»²⁶.

Путешествие гонцов И.С. Морозова-Брюхова, 1524 г.

«А как Миша (Тверетин) пошли из Крыму, всех их четыре человеки; и как пришли на Конскую воду в четвертой день от Крыма, а с ними осмеро лошадей, и тут их татарове розгоняли, – они сами за реку пеши перешли, а лошадей лед не поднял, и они лошади пометали за рекою. И татарове лошади поймали, а за ними за реку не полезли. А угадывают, что их розгоняли сторожи крымские, которые стерегут от нагай, да и того чают: нечто будет за ними погоня была». Событие имело место или 25 февраля 1524 г., или вскоре после этой даты.

«А про Останю, сказывают, не слыхали. А пришли, сказывают, после розгони, Миша с товарицы на первой ташлык от Конской воды²⁷ в пятницу на зборной неделе. Да нашли, сказывают, стан, – люди стояли перед ними ден за пять, за шесть. И тут, на стану том, покинуты две коробьи, а в них спуски птичьи да кипы резаны ужища, да рогожи, да и сани метаны и хомуты, да мешки холщовые. И они потому угадывают, что то Останя стоял да клался с саней на вьюки. Да шли, сказывают, оттоле верст с пять, да нашли котлик покинут – худ медян. И оттоле

²⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 9 об.

²⁶ Там же. Л. 104–105, 106 об.

²⁷ Конские воды (Илкысу) – ныне р. Конка, ранее левый приток Днепра, теперь впадает в Каховское водохранилище в Запорожской области.

пошли, – ино порошка была пала; да учили сходить – ино ископытъ и встречу есть. И Миша с товарицы и того угадывают: нечто, деи, будет их розгоняли»²⁸. «Зборная неделя» (Соборная неделя) – это День всех святых, празднуется в 8-е воскресенье после Пасхи. Пасха в 1524 г. была 27 марта, следовательно, День всех святых – 22 мая, событие же имело место 20 мая 1524 г.

«Да назавтрее (21 мая 1524.), сказывают, нашли след пешего человека шол, от Крыма к Самару. Да как пришли к Самару²⁹ на песок, и след у них утерялся, а oprичъ того, сказывают, на поле дороги не видали»³⁰. Всего Михаил Тверетин с товарищами преодолел от Конских вод до Самары не менее 120 верст пешком³¹, затратив на это не менее трех месяцев.

Миссия Ивана Новосильцева

Новосильцев начал свое путешествие в столицу Османской империи 24 января 1570 г.³² В Рыльске он находился до 10 марта, т.к. сначала ожидал, когда приедут для сопровождения и охраны посольского каравана дети боярские и казаки Мишки Черкашенина и когда они получат снабжение³³. Дорога была крайне тяжелой: «а снѣги, господарь, на поле добръ велики а осеренило их с Великого мясоѣду³⁴ и с лошедами будет итти

²⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 271 об.

²⁹ Самара – река в Оренбургской и Самарской областях России, левый приток Волги (впадает в Саратовское водохранилище).

³⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 272.

³¹ Это расстояние основывается на данных «Книги Большому чертежу», в которой указано, что от Волчьих вод до Конских вод более 100 верст, а от Волчьих до Самары – 20 верст (См.: Книга Большому чертежу / подгот. к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.–Л., 1950. С. 65).

³² Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 35 об.

³³ Там же. Кн. 1. Л. 36–36 об. Отряд охранения состоял из детей боярских новгородцев (вероятно, из Новгорода Северского), путивльцев, севрюков и казаков Михаила Черкашенина. Михаил Черкашенин – казачий атаман, путивлец. Первые сведения о нем относятся к 1548 г. [13, с. 78, 124, 341–342]. Н.А. Мининков к казачьим атаманам относил и Истому Извольского, отмечая, что он был мелким тульским помещиком [Там же, с. 124]. Однако это заблуждение. Истому Извольский продолжал службу по Туле, хотя службами он и был связан с русско-крымско-османско-ногайским пограничьем. Известен летописец Извольских [4, с. 174–186]. Служебную биографию Истомы Извольского см. [18]. С.М. Маркедонов, отталкиваясь от прозвища Михаила, полагал, что он происходил из украинских земель Великого княжества Литовского [12, с. 75–78]. Погиб при обороне Пскова от Стефана Батория в 1581 г. [Там же, с. 78] (см. также: Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 193).

³⁴ Имеется ввиду зимний мясоед – время от завершения Рождественского поста до Великого поста.

вперед не мощно серень³⁵ не подымет»³⁶. Именно поэтому посольский отряд принял решение следовать далее на «саласках» до Северского Донца.

Следующая вестовая грамота Новосильцева конкретизировала способ передвижения посольства: «а шли есмя господарь не спешно потому лошадами было нам итти нелзѣ снѣги добрѣ великие, а серен лошадеи не поднял, а шли есмя, господарь, до Донца на ртах пѣши. А твою господареву казну и свое запасишко везли на саласках сами»³⁷. То есть члены посольства и сопровождающий их отряд охранения были вынуждены идти на лыжах, таща за собой сани, груженные «господаревой казной» и своими запасами. Кони же не могли идти из-за того, что наледь, сковавшая снежный покров, их не выдерживала, и они глубоко проваливались, т.к. посол констатировал, что снега выпали весьма большие³⁸.

В этих условиях посольский караван добрался до Северского Донца. Здесь они в течение недели делали каюки – речные грузовые суда, род полубарки с двускатной крышей, загнутым носом и каюткой в корме³⁹. После ждали, когда пройдет лед, что случилось «на третей неделе после Велика дни в среду»⁴⁰. Пасха (Великий день) в 1570 г. приходилась на 26 марта, третья неделя после Пасхи начиналась с 10 апреля, лед же пошел в среду 12 апреля, а 13 апреля посольский караван двинулся в путь⁴¹. Дальнейшее путешествие до Константинополя прошло без происшествий.

Возвращение Ивана Новосильцева из Стамбула

10 ноября 1571 г. в своей отписке он сообщал, что за его посольским караваном из Азова вышла погоня. Их преследовали атаман Сенка Ложников со своими казаками (80 человек), отряд казыевских ногаев и два отряда крымских татар (300 человек). Новосильцеву стало известно,

³⁵ Серен – гололедица, наст. форма написания серень соответствует калужскому говору (см.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2006. Т. 4. Р–Я. С. 217).

³⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 36 об.

³⁷ Там же. Л. 37 об.

³⁸ Это свидетельство весьма красноречиво описывает климатические изменения, вызванные вторым ледниковым периодом. Из-за этого стали меняться маршруты кочевания, в этой же грамоте фиксируется отсутствие татар на всем протяжении пути (см.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 38 об. – 39).

³⁹ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2006. Т. 2. И–О. С. 104.

⁴⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 38.

⁴¹ Там же. Л. 38 об.

что они хотят взять их в клещи и ограбить или на Дону, или уже непосредственно на границе. Погоня шла в зоне видимости, сопровождавшие караван для безопасности донские казаки регулярно докладывали об этом послу. Легко представить, какая тревога охватывала всех членов этого каравана, который состоял не только из посла, его свиты и сил охранения, но здесь шли купцы, выкупленные и освобожденные пленники, монахи, греческий поп и выезжавшие на русскую службу греки-урумляне⁴², всего 111 человек⁴³. Новосильцев сетовал на то, что далеко не все донцы согласились охранять его караван и людей для защиты было недостаточно⁴⁴. Оценивая возможность уйти от преследователей, он избрал путь на Ряжск вместо Донкова, но отмечал, что провианта им хватит только до устья р. Медведицы⁴⁵.

14 ноября 1571 г. царь Иван IV Васильевич распорядился направить из Ряжска на Воронежское устье отряд из детей боярских и казаков с подводами для встречи посольского каравана и сопровождения его в Ряжск⁴⁶. История эта закончилась благополучно. Посольский караван вырвался из готовившихся для него клещей, а Иван Новосильцев предстал перед царем с докладом в Александровской слободе 19 декабря 1571 г.⁴⁷

* * *

Итак, степная зона на протяжении конца XV и XVI вв. оставалась зоной повышенной опасности. Источники фиксируют, что Дикое поле не было «пустым», «ничейным» местом. Здесь постоянно курсировали посольские и купеческие караваны, отряды татар, ногаев и русских. Кочевали татары и ногаи, передвигались неустановленные лица и беглые полоняники. Здесь же совершались преступления, в пограничных городах процветала криминальная экономика.

Документы показывают, что через степь передвигались не только верхом на конях, но и пешком.

В ряде случаев документы фиксируют климатические изменения, вызванные малым ледниковым периодом. Это проявлялось в обильных снегах и длительном сковывании льдом снежного наста и поздним

⁴² Так называли тюркоязычных греков, проживавших в Крыму и на Кавказе.

⁴³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. Л. 49 об. – 50. Подсчеты даны без учета численности самого посольства и его охраны.

⁴⁴ Там же. Л. 50 об.

⁴⁵ Там же. Л. 50 об. – 51.

⁴⁶ Там же. Л. 51 об. – 52.

⁴⁷ Там же. Л. 56.

ледоходом на реках. Следствием этого становилась откочевка кочевников с привычных мест кочевания, что также фиксировалось изученными документами.

Проведенное исследование показывает, что в условиях слабой освоенности степного региона, низкой плотности городской сети добиться безопасности движения посольств и купцов было невозможно. Однако в рассматриваемое время русское правительство пока не перешло к политике строительства городов и укреплений в степной зоне.

Библиографический список / References

1. Аваков П.А. Османский Азов 1475–1696 гг.: топонимия, планировка и фортификационные сооружения // Восток (Oriens). 2021. № 2. С. 229–243. [Avakov P.A. The Ottoman Azov of 1475–1696: Toponymy, layout and fortifications. *Oriens*. 2021. No. 2. Pp. 229–243. (In Rus.)]
2. Аверьянов К.А. Сурожане на Куликовом поле // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2024. Т. 34. Вып. 3. С. 678–684. [Averyanov K.A. Sourzohans on Kulikovo field. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology*. 2024. Vol. 34. Issue 3. Pp. 678–684. (In Rus.)]
3. Алексеев П.В. Русский ориентальный тревелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // Филология и человек. 2014. № 2. С. 34–46. [Alekseev P.V. Russian oriental travelogue as a genre of travel prose of the end of the XVIII – first third of the XIX century. *Filologiya i chelovek*. 2014. No. 2. Pp. 34–46. (In Rus.)]
4. Белов Н.В. Летописные заметки русских служилых людей второй половины XVI в. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 174–186. [Belov N.V. Chronicle notes of Russian military men of the second half of the XVI century. *Paleorosia. Ancient Rus: In Time, in Personalities, in Ideas*. 2020. No. 1 (12). Pp. 174–186. (In Rus.)]
5. Варенцов В.А. Московские гости в Новгороде // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 31–42. [Varentsov V. A. Moscow merchants to Novgorod. *Voprosy istorii*. 1982. No. 8. Pp. 31–42. (In Rus.)]
6. Веселовский Н.И. Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и Бухару в XVII веке) // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Ч. CCLXXIII. 1891. Январь. С. 48–72. [Veselovsky N.I. Ivan Danilovich Khokhlov (Russian envoy to Persia and Bukhara in the 17th century). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1891. January. Part CCLXXIII. Pp. 48–72. (In Rus.)]
7. Гамель И.Х. Англичане в России XVI и XVII столетиях. Статья первая. СПб., 1865. (Приложение к VIII тому Записок императорской Академии Наук). [Hamel I.H. Anglichane v Rossii XVI i XVII stoletiyah. *Statya pervaya* [The British in Russia in the XVI and XVII centuries. The first article]. St. Petersburg, 1865. (Appendix to volume VIII of the Notes of the Imperial Academy of Sciences.)]
8. Кричевский Б.В. Образ Константинополя в русских средневековых путевых текстах // Университетский научный журнал. 2021. № 62. С. 49–61.

- [Krichevsky B.V. The image of Constantinople in Russian medieval travel texts. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal*. 2021. No. 62. Pp. 49–61. (In Rus.)]
9. Куненков Б.А. Порядок составления дипломатической отчетности: статейный список и посольские отписки // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 59–78. [Kunenkov B.A. The procedure for compiling diplomatic reports: An article list and embassy replies. «*Chtoby ne perestala pamyat roditeley nashih i nasha, i svecha by ne ugasla...*»: k 70-letiyu Nikolaya Mihaylovicha Rogozhina. Moscow, 2019. Pp. 59–78. (In Rus.)]
 10. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008. С. 319–346. [Likhachev D.S. The stories of Russian ambassadors as literary monuments. *Puteshestviya russkih poslov XVI–XVII vv. Stateynye spiski*. St. Petersburg, 2008. Pp. 319–346. (In Rus.)]
 11. Малов А.В. Состав и структура Тринадцатой крымской посольской книги (1567–1572 гг.) // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / отв. ред. М.В. Моисеев. М., 2016. С. 4–33. [Malov A.V. Composition and structure of the Thirteenth Crimean Embassy Book (1567–1572). *Posolskaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg.* M.V. Moiseev (ed.). Moscow, 2016. Pp. 4–33. (In Rus.)]
 12. Маркедонов С.М. Казачий атаман Михаил Черкашенин // Донской временник. Ростов-н/Д., 1997. Вып. 9. С. 75–78. [Markedonov S.M. Cossack chieftain Mikhail Cherkashenin. *Donskoy vremennik*. Rostov-on-Don, 1997. Issue 9. Pp. 75–78. (In Rus.)]
 13. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-н/Д., 1998. [Mininkov N.A. Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego srednevekovya (do 1671 g.). Rostov-on-Don, 1998.]
 14. Мустакимов И.А., Сень Д.В. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса. 2012. Вып. 3. С. 172–189. [Mustakimov I.A., Sen D.V. Azov and the Don Cossacks according to the Ottoman documents of the 1560s – 1570s. *Vestnik Tanaisa*. 2012. Issue 3. 2012. Pp. 172–189. (In Rus.)]
 15. Мустакимов И.А. Из истории азовских (татарских) казаков второй половины XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 184–189. [Mustakimov I.A. From the history of the Azov (Tatar) Cossacks of the second half of the XVI century. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2017. No. 9. Pp. 184–189. (In Rus.)]
 16. Мустакимов И.А. «Не проходит и дня, чтобы не пришли известия об их выходках»: конфликты между жителями османского Азова XVI века и принимаемые меры // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 110–115. [Mustakimov I.A. “Not a day goes by without news of their antics”: Conflicts between the inhabitants of the Ottoman Azov of the XVI century and the measures taken. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2018. No. 10. Pp. 110–115. (In Rus.)]
 17. Перхавко В.Б. Гости-сурожане // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 149–153. [Perkhavko V.B. Merchants-sourozhans. *Voprosy istorii*. 1993. No. 6. Pp. 149–153. (In Rus.)]

18. Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование. URL: <https://russian-court.spbu.ru/personalii/details/1/842.html> (дата обращения: 10.01.2025). [Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva v pravlenie Ivana Groznogo [The ruling elite of the Russian State during the reign of Ivan the Terrible]. An electronic database and historical research. URL: <https://russian-court.spbu.ru/personalii/details/1/842.html>]
19. Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия Академии наук СССР. Отдел общественных наук. VII серия. 1932. № 3. С. 193–237. [Syroechkovsky V.E. Ways and conditions of Moscow's relations with Crimea at the turn of the XVI century. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdel obshchestvennykh nauk. VII seriya*. 1932. No. 3. Pp. 193–237. (In Rus.)]
20. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М.-Л., 1935. [Syroechkovsky V.E. *Gosti-surozhane [Merchants-sourozhans]*. Moscow; Leningrad, 1935.]
21. Фехнер М.В. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI века // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. М.; Л., 1949. С. 106–124. [Fechner M.V. Moscow and its immediate surroundings in the XV and early XVI centuries. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 12: Materialy i issledovaniya po arheologii Moskvy*. Vol. II. Moscow; Leningrad, 1949. Pp. 106–124. (In Rus.)]
22. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. [Khoroshkevich A.L. *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy kontsa XV – nachala XVI v.* [The Russian state in the system of international relations of the late XV – early XVI century]. Moscow, 1980.]

Статья поступила в редакцию 13.01.2025, принята к публикации 06.02.2025
 The article was received on 13.01.2025, accepted for publication 06.02.2025

Сведения об авторе / About the author

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук; доцент кафедры методики преподавания истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Maxim V. Moiseev – PhD in History; associate professor at the Department of Methods of Teaching History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: maksi-moiseev@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-30-43

УДК 94:(739.2+.3+.8)+74

А.В. ТихоноваСмоленский государственный университет,
214000, г. Смоленск, Российская Федерация

Швейцарские ювелиры и художники на производстве в Российской империи первой половины XIX в.

Статья, основанная на научных публикациях и документах Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации, посвящена швейцарским художникам, мастерство которых связано с ремеслами – ювелирным, костяным и фарфоровым. Специфика материала, а также высочайший профессионализм и гарантии качества исполнения способствовали тому, что речь идет о деятелях, принадлежавших к придворному ведомству или обслуживавших аристократию Российской империи. Выбранные хронологические рамки ограничены первой половиной XIX в. В статье рассматриваются произведения для царской семьи знаменитых семей ювелиров Дюваля и Зефтигенов, работы для российской элиты миниатюристов Д.-И.-Б. Арло, А.-Ф.-Г. Виолье, Р. Губер и К. Перрего, деятельность на Императорском фарфоровом заводе художников Г.А. Адама и Ф.И. Гаттенбергера. В большинстве своем иностранные мастера приезжали в Россию лишь на определенный период, а затем возвращались на родину. Тем не менее, то, что они сделали за это время, оказалось значимым в художественном отношении и определило тенденции развития конкретных ремесел и производств. Признанием ценности произведений швейцарских художников стало сохранение ими созданного наследия в музейных собраниях ведущих российских музеев.

Ключевые слова: швейцарские ювелиры, швейцарские художники-миниатюристы, Императорский фарфоровый завод, Российская империя, иностранцы в России, Россия в первой половине XIX в., Дюваль, Л.-К. Зефтиген, А.-Ф.-Г. Виолье, Г.А. Адам, Ф.И. Гаттенбергер

© Тихонова А.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Тихонова А.В. Швейцарские ювелиры и художники на производстве в российской империи первой половины XIX в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 30–43. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-30-43

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-30-43

A.V. Tikhonova

Smolensk State University,
214000, Smolensk, Russian Federation

Swiss jewelers and artists in the production in Russia in the first half of the XIX century

The article is based on scientific publications and documents of the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Russian Federation. It is dedicated to Swiss artists whose skills are associated with crafts – jewelry, bone, porcelain. The specificity of the material itself, as well as the highest professionalism and guarantees of quality of execution, contributed to the fact that the article deals with the figures who belonged to the court department or serving the aristocracy of the Russian Empire. The selected chronological framework is limited to the first half of the 19th century. The article examines works for the royal family of the famous families of jewelers Duval and Saefftigen, works for the Russian elite of miniaturists D.-I.-B. Arlo, A.-F.-G. Violier, R. Huber and C. Perrego, activities at the Imperial Porcelain Factory of artists G.A. Adam and F.I. Hattenberger. For the most part, foreign masters came to Russia only for a certain period of time and then returned to their homeland. Nevertheless, what they did during that time turned out to be significant artistically and determined the trends in the development of specific production. Recognition of the value of the works of Swiss artists was the preservation of what they created in the museum collections of leading Russian museums.

Key words: Swiss jewelers, Swiss miniaturists, Imperial Porcelain Factory, Russian Empire, foreigners in Russia, Russia in the first half of the 19th century, Duval, L.-K. Saefftigen, A.-F.-G. Violier, G.A. Adam, F.I. Hattenberger

FOR CITATION: Tikhonova A.V. Swiss jewelers and artists in the production in Russia in the first half of the XIX century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 30–43. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-30-43

В числе швейцарских иммигрантов, работавших в России, заметное место занимали ювелиры, учитывая именно значение ими созданного. Самыми знаменитыми ювелирами-швейцарцами второй половины XVIII – начала XIX в. были представители семейства женеваца Луи-Давида Дюваля (Louis-David Duval, 1727–1788): он сам, а затем его сыновья Яков-Давид (Jacob-David Duval, 1768–1844) и Жан-Франсуа-Андре или кратко Франсуа (Jean-François-Andrè Duval, 1776–1854), Луи-Этьен-Жан-Франсуа (1782–?), выполнявшими заказы при дворе Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I и Александра I [12, с. 334]. Луи-Давид Дюваль стал владельцем собственного дома на Невском проспекте [9, с. 226]. Ему не довелось вернуться на родину, он умер в Петербурге в 1788 г. [Там же, с. 227]. Сыновья после успешной работы в России вернулись в Швейцарию: Яков-Давид Дюваль, имея на русской службе чин коллежского советника¹ (VI класс Табели о рангах) – в 1803 г. (несколько раз приезжал в течение последующих лет и окончательно покинул Россию в 1806 г. [8, с. 102–103]), Луи-Этьен-Жан-Франсуа – в 1814 г. [Там же, с. 104]; Жан-Франсуа-Андре – в 1816 г. [Там же, с. 107].

Среди самых известных произведений Якова-Давида Дюваля начала XIX в. – Малая императорская корона, созданная совместно с Жаном-Франсуа Лубье и возложенная на супругу Александра I Елизавету Алексеевну во время коронации в 1801 г. [3, с. 15–27] и две сапфировые диадемы для Елизаветы Алексеевны, выполненные в 1805 г. (с братом Франсуа) и в 1806 г. [9, с. 222–230].

Любопытно, что коллежский советник Яков Давидович Дюваль упоминается в «Месяцесловах» с общим штатом Российской империи и как ювелир при государыне Марии Федоровне с 1805 по 1828 гг.² При этом

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1349 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства). Оп. 6. Д. 512. Л. 19 об. – 20.

² Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова... СПб., 1805. Ч. 1. С. 17; Там же. СПб., 1806. Т. 1. С. 20; Там же. СПб., 1807. Ч. 1. С. 22; Там же. СПб., 1809. Ч. 1. С. 24; Там же. СПб., 1810. Ч. 1. С. 25; Там же. СПб., 1811. Ч. 1. С. 26; Там же. СПб., 1812. Ч. 1. С. 28; Там же. СПб., 1813. Ч. 1. С. 29; Там же. СПб., 1815. Ч. 1. С. 31; Там же. СПб., 1821. Ч. 1. С. 27; Там же. СПб., 1822. Ч. 1. С. 22; Там же. СПб., 1823. Ч. 1. С. 23; Там же. СПб., 1824. Ч. 1. С. 23; Там же. СПб., 1825. Ч. 1. С. 25; Там же. СПб., 1826. Ч. 1. С. 26; Там же. СПб., 1827. Ч. 1. С. 37; Там же. СПб., 1828. Ч. 1. С. 40.

лишь с 1824 г. появляется приписка о том, что иностранец «находится в Швейцарии».

По мнению ведущего научного сотрудника Эрмитажа Л.К. Кузнецовой, к наследию Франсуа Дюваля можно отнести головную булавку в виде гирлянды из мелких изумрудов и бриллиантов, подаренную вдовствующей императрицей Марией Федоровной сыну Александру I [8, с. 110–111], а также ее знаменитые бриллиантовые серьги «Вишенки» [Там же, с. 125–126] и драгоценный фермуар 1811 г., ставший подарком императрице Елизавете Алексеевне [Там же, с. 136].

Жан-Франсуа-Андре Дюваль был известен не только как ювелир, но и знаток и коллекционер живописи: «именно из галереи Франсуа Дюваля в 1805 и 1807 годах приобрели для Императорского Эрмитажа несколько картин: “Внутренность караульни” Ле-Дюка, “Вид деревни на островке реки Мааса” Ван-дер Нера и “Пейзаж” Себастьяна Бурдона» [Там же, с. 107]. Во дворец императрицы Марии Федоровны в 1807 г. поступили от Франсуа Дюваля купленные ею «четыре картины: Себастьяна Бурдона, Жака Стелла, Карло Маратти, а также “исполненная во вкусе Рембрандта” неизвестным художником» [Там же]. Кстати, Дювали были заказчиками портретов у Ореста Кипренского³. Жан-Франсуа-Андре Дюваль в 1816 г. вместе с художником отправился в Женеву и способствовал тому, что работы Кипренского были выставлены в Женеве. Живописца избрали в почетные члены женевского Общества изящных искусств (1817 г.). Такой чести он удостоился первым и единственным из русских художников⁴.

После отъезда Франсуа Дюваля из России мастерской «Братья Дюваль» в Петербурге некоторое время занимался его племянник Жан Сеген [8, с. 190], «однако вскоре в Северную Пальмиру приехал кузен сыновей Луи-Давида Дюваля, А. Филиппен Дюваль. Теперь он становился главой семейного дела в Петербурге, а заодно и придворным ювелиром императрицы Марии Федоровны. К сожалению, о нем пока почти ничего неизвестно, хотя, несомненно, вице-консул Швейцарского Союза не мог быть заурядной личностью» [Там же]. Дело в том, что первым почетным консулом Швейцарии в России являлся Франсуа Дюваль, соответствующий патент от сейма он получил 27 августа 1816 г., но свои обязанности передал брату А. Филлипину-Дювалю, который

³ Орест Адамович Кипренский (1782–1836). К 200-летию со дня рождения: Каталог (сводный) по материалам выставок в Ленинграде, Москве и Киеве (1982–1983 гг.). Т. 1. Живопись. Л., 1988. С. 143–146, № 37, 38; Там же. Т. 2. Графика. Л., 1990. С. 225–226, № 485–487.

⁴ Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников / сост., авторы вступ. ст. и комм.: Я.В. Брук, Е.Н. Петрова. СПб., 1994. С. 123.

занимал пост вице-консула⁵. «Антон Антонович Филлипин-Дюваль» упоминается в «Месяцесловах» с указанием общего штата Российской империи как член Санкт-Петербургского минералогического общества в 1821–1829 и 1833 гг.⁶ При этом лишь в 1828–1829 гг. он обозначен как «вице-консул», несмотря на то, что исполнял эти обязанности с момента учреждения консульства, т.к. Франсуа Дюваль так и не приступил к своим обязанностям в Петербурге⁷.

В начале 1830-х гг. швейцарец выстроил в Петербурге дачу со службами, располагавшуюся на Каменном острове возле Большого канала, но к настоящему времени не сохранившуюся [7, с. 190]. Известно, что А. Филиппин-Дюваль выполнял в 1818 г. ювелирные украшения, которые предназначались для пожалований в ходе путешествия по России великого князя Михаила Павловича и в связи с рождением первенца у великой княгини Анны Павловны, супруги наследного принца Оранского [8, с. 191–192], а в начале 1820-х гг. мастер трудился для великих княгинь Марии Павловны и Елены Павловны [Там же, с. 196].

В настоящее время пять произведений ювелиров Дювалей имеет Эрмитаж, а пять – хранятся в Алмазном фонде. Прежде считалось, что в Алмазном фонде находятся шесть произведений Дювалей [9, с. 227–228]. Однако в настоящее время установлено, что Малая императорская корона Елизаветы Алексеевны не сохранилась, а находящаяся в Алмазном фонде Малая императорская корона выполнена другими мастерами и принадлежала Марии Александровне⁸.

После кончины своей покровительницы, вдовствующей императрицы Марии Федоровны⁹, ювелирное дело Дювалей постепенно было свернуто, но в Петербурге был открыт банкирский дом Дюваль-Сеген, который просуществовал в столице до Крымской войны 1853–1856 гг. [Там же, с. 227].

⁵ Россия – Швейцария – Russie – Suisse – Russland – Schweiz. 1813–1955: Документы и материалы. М., 1995. С. 62.

⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова... Ч. 1. СПб., 1821. С. 706; Там же. Т. 1. СПб., 1822. С. 558; Там же. Ч. 1. СПб., 1823. С. 585; Там же. Ч. 1. СПб., 1824. С. 588; Там же. Ч. 1. СПб., 1825. С. 605; Там же. Ч. 1. СПб., 1826. С. 619; Там же. Ч. 1. СПб., 1827. С. 655; Там же. Ч. 1. СПб., 1828. С. 682; Там же. Ч. 1. СПб., 1829. С. 645; Месяцеслов и общий штат Российской империи... Ч. 1. СПб., 1833. С. 569.

⁷ Россия – Швейцария – Russie – Suisse – Russland – Schweiz. 1813–1955: Документы и материалы. М., 1995. С. 579.

⁸ Гафифуллин Р.Р. Корона русских императриц // Русский антикварь: Альманах для любителей искусства и старины. Вып. 1. М.; СПб., 2002. С. 21–28.

⁹ Мария Федоровна в завещании упомянула Дювалей: «Особенно прошу детей моих не лишать своего покровительства семейство Дюваль, как людей в полном смысле [слова] прекрасных» (Завещание императрицы Марии Федоровны, 1-го ноября 1826 года // Русская старина. 1882. Т. 34. С. 103, 128, раздел XXXIX).

Семейство Дювалей владело и столичным магазином ювелирных украшений и часов [12, с. 334].

В каталоге «Алфавитный указатель С.-Петербургских золотых и серебряных дел мастеров, ювелиров, граверов и проч. 1714–1814» упоминается имя уроженца Женевы Андрея Франжуса (1758–?), который подписывался «Bengamen Frangas». Он принял российское подданство и был записан «в 1811 г. в вечный русский цех»¹⁰.

Действительно, иногда было трудно отделить ювелирное искусство от ремесла, например, это в полной мере касается творчества швейцарских эмальеров. По мнению искусствоведов, «с третьей четверти XVIII в. техника расписной эмали заняла главное место в ювелирном искусстве Швейцарии, достигнув своего расцвета» [16, с. 9].

В коллекции швейцарских ювелирных изделий с эмалью, хранящейся в Государственном Эрмитаже, особое место занимает работа женевского мастера-эмальера Генри-Альберта Адама (Adams Henri Albert, 1770 – после 1820¹¹), приехавшего в российскую столицу в 1808 г. и работавшего на Императорском фарфоровом заводе [11, с. 372]. Речь идет о золотой круглой табакерке с расписной и цветной эмалью с изображением сцены «Прощание Гектора с Андромахой». На щите Гектора по борту можно прочесть подпись: «H. Adam fec.». Табакерку датируют концом XVIII в. Это пример полихромной живописи с крупными цветовыми пятнами, «роспись выполнена в живописной манере тончайшим лессировочным мазком с мягкой моделировкой лиц» [16, с. 13]. Л.А. Яковлева полагает, что «такая живопись не свойственна женевской школе эмалевой росписи с ее четким контуром фигур» и является проявлением авторской манеры эмальера [Там же, с. 13–14].

Известно, что Г.-А. Адам прежде работал на Севрской мануфактуре, откуда и был приглашен в Петербург гр. Д.А. Гурьевым. С 1808 по 1820 гг. швейцарец трудился на Императорском фарфоровом заводе, до 1816 г. Г.-А. Адам являлся начальником «по художественной части, как по живописному, так и по модельмейстерскому отделению» [11, с. 376], а с 1816 г. занимался отдельными заказами и обучал живописи по фарфору русских учеников С. Голова и В. Мещерякова [Там же]. Иностранец принимал участие в создании знаменитого «Гурьевского сервиза», заказанного гр. Д.А. Гурьевым для Императорского

¹⁰ Фелькерзам А.Е. Алфавитный указатель С.-Петербургских золотых и серебряных дел мастеров, ювелиров, граверов и проч. 1714–1814. Приложение к журналу «Старые годы». СПб., 1907. С. 56.

¹¹ Амбир в России. Стиль жизни. Фарфор // Государственный Эрмитаж. URL: <https://edu.hermitage.ru/catalogs/1424282991/themes/1424283074/article/1424283088> (дата обращения: 05.01.2024).

кабинета в 1809 г. [5, с. 394–395]. Адам «гравировал рисунки Е. Карнева для альбома “Народности России”, изданного в 1812 г.» [11, с. 372], а также в качестве литографа участвовал в подготовке первого литографированного альбома «Gravures sur pierre faites à St. Petersbourg» («Гравюры на камне в Петербурге») (Петербург, март–ноябрь 1816 г.)¹². Адам являлся автором литографии «Коринна» 1816 г. (по мотивам романа де Сталь «Коринна, или Италия») [11, с. 372]. Его произведения с росписями по фарфору хранятся в крупных музеях страны: Эрмитаже, Государственном Русском музее, Оружейной палате, дворцах Павловска, Петродворца и Пушкина [Там же].

Установить его авторство при изучении росписей по фарфору удастся благодаря характерным для этого мастера стилистическим особенностям, которые, по мнению И.П. Поповой, выражаются «в четком, уверенном рисунке, светотеневой моделировке объемов, обозначенной мелкой серо-голубой штриховкой», а также в «использовании и умелом сочетании ярких, локальных, нередко контрастных красок, возможности передать тонкие градации цвета, создании ясных, законченных композиций, разнообразных по тематике и колористическому решению. Такой богатой, изысканной цветовой гаммы мы не встречаем ни у одного из художников, работавших в это время на Императорском фарфоровом заводе» [11, с. 376].

Трудно переоценить роль в истории этого завода другого швейцарца – Франца Гаттенбергера (Jean-François-André Hattenberger, 1744–1820 [1, с. 8, 56]), уроженца Солотурна, который получил хорошее образование и являлся профессором технологии Женевского университета к моменту своего приезда в Россию в 1780 г. [Там же, с. 16]. Современным представителям семьи Гаттенбергера удалось узнать, что их предок до приезда в Россию имел опыт работы «на фаянсовой фабрике семьи Ганнон в Страсбурге (Франция) и фарфоровом заводе в городе Франкенталь (Германия) того же хозяина, преподавал рисование на пластических материалах в городах Страсбурге и Безансоне» [2, с. 42].

Уже в России Франц Гаттенбергер участвовал в отделке Екатерининского дворца в Лефортово, работал технологом и скульптором малых форм на фарфоровом заводе «Вербилки» у англичанина Ф.Я. Гарднера [Там же, с. 43], позже, в 1796–1802 гг., являлся управляющим Императорской Александровской бумагопрядильной мануфактурой при Дворе его императорского величества Павла Петровича [Там же, с. 49]. Так швейцарец оказался на государственной службе, получив чин надворного советника, дававшего право на дворянство [Там же, с. 50].

¹² Gravures sur pierre faites à St. Petersbourg [Текст]. [Петербург, март–ноябрь 1816 г.]. [17] л. литогр.; 32,5 × 48 см (РГБ. МК МК Н-269).

Решение приехать в Россию, вероятно, было вызвано надеждой открыть в империи собственное фарфоровое и фаянсовое предприятие. Таковую попытку Ф.И. Гаттенбергер предпринял в Жиздринской округе Брянского уезда, но производство, несмотря на все усилия и изобретенные усовершенствования, просуществовало недолго (1797–1800 гг.) [2, с. 57]. Из предметов, созданных на этом заводе, как удалось выяснить Н.П. Ахметьевой, ныне сохранились две чашки, два блюда и молочник от фарфорового сервиза-дежене, которые находятся в музее «Павловский дворец» [Там же, с. 58].

В 1803 г. по поручению управляющего Кабинетом Его Величества гр. Д.А. Гурьева Франц Гаттенбергер обследовал Императорский фарфоровый завод и дал заключение, в котором отметил его мастеров, «столь искусных, что они могли бы стать первыми людьми на любой европейской фабрике» [Цит. по: 7, с. 513]. Иностранец выявил и главные недостатки – копияность форм и моделей при отсутствии собственных разработок и устаревшее оборудование. Швейцарец предложил свой проект «О новом учреждении фарфорового завода», послуживший основой для нового «Положения» предприятия. Вскоре иностранцу было предложено занять пост директора Императорского фарфорового завода [7, с. 513]. В результате он принял приглашение и находился на этой должности в 1803–1806 гг. Известно, что 21 февраля 1804 г. швейцарец подал записку «с предложением изготовить на Императорском фарфоровом заводе изделия с изображением героев и событий из русской истории»¹³, что свидетельствует о творческом подходе директора к продукции, выпускаемой предприятием.

В 1807 г. Франц Гаттенбергер стал советником по искусству в Кабинете Его императорского величества Александра I [2, с. 78], а с 1808 г. еще и являлся художником Императорского стеклянного завода [Там же, с. 115]. По проектам иностранного мастера еще при его жизни были выполнены в 1810 г. чайник из хрусталя с бронзовой ручкой в виде наяды и в 1810–1820 гг. настольное украшение в виде бронзового амура с хрустальным колчаном, ныне находящиеся в Эрмитаже [Там же, с. 116].

Сохранились альбомы с акварельными рисунками Гаттенбергера, созданными в 1801, 1804–1806 и 1806–1807 гг. и содержащими изображения серебряных сливочников, фарфоровых и стеклянных столовых приборов, а также «различных комнатных украшений, как-то: ваз, бронзовых столов, зеркал, жирондолей, ламп» [7, с. 514]. В 1805 г.

¹³ Российский государственный исторический архив. Ф. 14 (Канцелярия Н.Н. Новосильцева). Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

Гаттенбергер издал коллекцию гравированных, раскрашенных им вручную рисунков «машин для выделки фарфора и фаянса» [7, с. 516]. Свое издание, как и вышеупомянутые альбомы, мастер посвятил Александру I. С декабря 1806 г. швейцарец оставил должность директора Императорского завода, но сохранял интерес к фарфоровому производству: в 1811 г. пытался на практике применить изобретенный им станок, а в 1815 г. был намерен открыть собственную фаянсовую фабрику в столице, но, вероятно, эти проекты не осуществились. Н.П. Ахметьева приводит интересный, но нереализованный Проект-предложение Гаттенбергера об устройстве в России Музея техники фарфорового и фаянсового производства (май 1812 г.) [2, с. 94–95].

Как и его соотечественник Г.-А. Адам, Франц Иванович Гаттенбергер (в качестве специалиста по технологии производства) участвовал в создании «Гурьевского сервиза» (1809–1814) и в издании вышеназванного альбома литографий 1816 г. [Там же, с. 90]. Оценивая вклад Франца Гаттенбергера в развитие русской культуры, специалисты отмечают, что его «лучшие проекты... стали своеобразной школой проектирования в стиле ампир. Многие его композиции впоследствии были использованы инвенторами Императорского завода и во многом определили стилистику петербургского фарфора первой четверти XIX в.» [7, с. 515].

Кроме того, Н.П. Ахметьева обнаружила в Российском государственном историческом архиве (РГИА) 5 гравюр, созданных Францем Гаттенбергером в 1809 г. в честь предстоящего бракосочетания принца Георга Ольденбургского и великой княжны Екатерины Павловны [2, с. 68]; в Эрмитаже – настольный памятник из серебра генерал-лейтенанту гр. Н.М. Каменскому и бланк грамоты ложи «Палестина» 1810 г. [Там же, с. 123], а также камею-бюст Александра I из бисквитной пасты в 1819 г. [Там же, с. 74]. Ныне неизвестно местонахождение разрисованных Гаттенбергером фарфоровых скульптурок солдат и офицеров Российской армии в новой военной форме, введенной в 1816 г. [Там же, с. 89]. Из нереализованных проектов швейцарца известно о проекте памятника 1814 г. в честь побед русской армии, возглавляемой императором Александром I [Там же, с. 74].

Н.П. Ахметьева сумела определить места проживания Ф.И. Гаттенбергера: после приезда в Россию до 1796 г. – в Немецкой слободе в Москве [Там же, с. 42], позже, «будучи директором Императорского фарфорового завода в 1803–1806 гг., он проживал в казенной квартире при заводе, а в период 1807–1810 гг. он проживал, по-видимому, в Павловске, выполняя работы по обустройству Дворца и парка. В 1810–1814 гг. Франц Иванович работал на Киево-Межигорской фарфорово-фаянсовой фабрике» [Там же, с. 65]. В фонде Главного

правления мануфактур Министерства внутренних дел РГИА хранится дело «По проекту ст[атского] сов[етника] проф[ессора] Гаттенбергера об усовершенствовании производства Киево-Межигорской фаянсовой фабрики и отдаче фабрики в аренду Гаттенбергеру»¹⁴ за 1808–1810 гг., свидетельствующее, что Франц Иванович был арендатором предприятия. Во время своей работы на этой фабрике Ф.И. Гаттенбергер проживал в Киеве [2, с. 65].

Затем швейцарец вернулся в российскую столицу. Установлен адрес семейства Гаттенбергеров в 1815 г. в Петербурге – ул. Моховая, д. 8 [Там же]. Точная дата смерти Ф.И. Гаттенбергера неизвестна – примерно в начале 1820 г. [1, с. 56]. С 1815 г. на Киево-Межигорской фарфоровой фабрике мастером работал сын Ф.И. Гаттенбергера – Франц, а другой сын – Иосиф – трудился ювелиром на пуговичной фабрике братьев Бух в Петербурге и жил по адресу: Васильевский остров, 4-я линия, д. 4 (это адрес и самой фабрики) [Там же, с. 57].

Швейцарцы были в числе художников-миниатюристов, выполнявших портреты российских аристократов, используя в качестве основы кость. Миниатюры на пластинках из слоновой кости были менее дорогими, чем на эмали [6, с. 19], а технология наложения красок требовала мастерства и кропотливости: краски наносили «тонким пунктиром – маленькими цветными точками, продолговатыми штрихами или крестиками, которые, сливаясь, формировали рисунок и моделировали формы изображения, создавали общий живописный фон» [Там же, с. 21].

В качестве примера можно привести представителя семейства Арло (Arlaud) Д.-И.-Б. Арло, работавшего в конце XVIII – начале XIX в. «В 1791–1800-е гг. он экспонировал свои работы на выставках в Лондоне и в 1801–1825 гг. в Женеве» [13, с. 294]. Одно из его произведений – портрет А.А. Полторацкой, выполненный акварелью, гуашью на кости в 1790-х гг., хранится в Государственном Историческом музее [Там же, с. 99]. В этом же музее находятся миниатюры кн. И.А. Гагарина и его супруги Е.И. Гагариной, гр. Ф.М. Ефимовской, созданные в 1790-х гг. Анри-Франсуа-Габриелем Виоллье или Виолье (Hend-François-Gabriel Viollier, 1750–1829). Он родился в Женеве в семье часовщика [4, с. 168] или ювелира [13, с. 301] и около полувека прожил в России, где служил придворным художником «малого двора» великого князя Павла Петровича и его супруги, а уже в правление Павла I в 1797 г. стал инспектором его миниатюрного кабинета. В 1801 г. имел чин коллежского советника [Там же]. Являлся и архитектором,

¹⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 17 (Главное правление мануфактур МВД). Оп. 1. Д. 590. 56 л.

и декоратором театральных постановок в Гатчине. А.-Ф.-Г. Виолье с 1802 по 1812 гг. уезжал в Европу и жил в Париже, но, вернувшись, до конца дней оставался в Российской империи [14, с. 167]. К сожалению, информации о его произведениях за период с 1812 по 1829 гг. встретить не удалось.

Уроженец Базеля Рудольф Губер (Rudolf Huber, 1770–1844) работал как художник и гравер в Одессе и Петербурге в 1803–1813 гг. К его работам относится портрет А.Р. Томилова 1806 г. из собрания Государственного Русского музея [10, с. 146, 352]. В том же музее хранятся четыре миниатюры женева Шарля Перрго или Перрего (Charles Perregaux, 1768–1842). Как полагают специалисты, он трудился в России в 1820–1830-е гг. и создал портреты трех дочерей Николая I – Марии, Ольги и Александры, а также портрет Софьи Станиславовны Киселевой, урожденной гр. Потоцкой [Там же, с. 256, 425–426]. Шарль Перрего упоминается в списках иностранцев, пересекавших границу Российской империи. Он указан в числе приехавших 6 октября 1822 г. и выбывших 12 мая 1823 г., а затем упоминается 8 июня 1825 г. и 9 августа 1830 г.¹⁵ Несколько раз в «Книге для записки и билетов проезжающих чрез Москву иностранцев и о выдаче оных обратно» из фонда Московской управы благочиния встречается имя «Жорж Перего». Он швейцарский подданный, купец, ездивший в Москву и обратно в сентябре 1818 г., марте 1819 г., феврале 1820 г. Имел билет петербургского оберполицмейстера, а в Москве останавливался на ул. Мясницкой¹⁶. В книге есть подпись иностранца – Perregaux¹⁷. О том ли художнике идет речь, сказать трудно, но факт наименования его купцом возможен, т.к. он мог продавать свои работы.

Время наивысшего расцвета портретной миниатюры выпало именно на первую треть XIX в. Н.Н. Врангель заметил, что «количество миниатюр, выполненных в царствование Александра I, превышает в десятки раз все, что было сделано раньше и после» [6, с. 23].

Известным придворным ювелиром в середине XIX в. был швейцарец Адольф-Леопольд Зефтиген (Леопольд Карлович, Seftigen, 1821–1888) из семьи потомственных ювелиров (этим ремеслом в Ревеле занимались его дед Карл-Фридрих и отец Карл-Эммануил). Родной брат Л.К. Зефтигена Константин (Фридрих) Карлович (1814–1889) служил оценщиком Кабинета Его Императорского Величества (1848–1857), был

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165 (Особенная канцелярия Министерства внутренних дел). Оп. 2. Д. 122. Л. 108 об.

¹⁶ Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года. Ф. 105 (Московская управа благочиния). Оп. 4. Д. 2051. Л. 16, 22, 52.

¹⁷ Там же. Л. 16, 22.

придворным ювелиром императрицы Марии Александровны [12, с. 229]. Находящаяся в Алмазном фонде единственная сохранившаяся Малая императорская корона была выполнена братьями Константином и Леопольдом Зефтиген в 1855 г. для коронации императрицы Марии Александровны [3, с. 21].

Фирма «Леопольд Зефтиген» являлась поставщиком Высочайшего Двора с 1859 г. Адольф-Леопольд (Леопольд Карлович) Зефтиген имел свой ювелирный магазин в Петербурге (в доме купца Елисеева на Большой Морской улице [9, с. 228]) и с 1861 г. был оценщиком Кабинета его императорского величества, а с 1869 по 1888 гг. – придворным ювелиром [15]. По оценке журнала «Русский ювелир», в 1880-х гг. Л.К. Зефтиген являлся самым богатым ювелиром российской столицы [12, с. 228]. Он был российским подданным, петербургским купцом 2-й гильдии, кавалером ордена Св. Станислава 3-й ст., с 1865 г. был возведен в потомственное почетное гражданство [9, с. 228]. Его брат Константин (Фридрих) Карлович стал создателем короны Александра II [Там же, с. 229].

Оценивая деятельность в России первой половины XIX в. швейцарских ювелиров и художников, связанных с производством предметов декоративно-прикладного искусства, можно констатировать, что в независимости от того, оставались ли иностранцы в Российской империи или покидали ее, возвращаясь на родину, их произведения оказали значительное влияние на развитие российского искусства и стилевых предпочтений эпохи. В силу элитарности ювелирного, эмалевого и фарфорового производств и высокой стоимости изделий швейцарских мастеров, последние предназначались для царского двора и состоятельных представителей российской аристократии. Сохранившиеся экземпляры ныне составляют гордость музейных собраний нашей страны.

Библиографический список / References

1. Ахметьева Н.П. Франц Иванович Гаттенбергер – технолог, художник и скульптор фарфорового и фаянсового производства в России. М., 2019. [Akhmetyeva N.P. Franc Ivanovicha Gattenberger – tekhnolog, hudozhnik i skulptor farforovogo i fayansovogo proizvodstva v Rossii [Franz Ivanovich Hattenberger is – technologist, artist and sculptor of porcelain and earthenware production in Russia]. Moscow, 2019.]
2. Ахметьева Н.П., Сепя Ф. Франц Иванович Гаттенбергер: жизнь иностранца в России в конце XVIII – начале XIX веков. М., 2023. [Akhmetyeva N.P., Sepa F. Franc Ivanovich Gattenberger: zhizn inostranca v Rossii v konce XVIII – nachale XIX vekov [Franz Ivanovich Hattenberger: The life of a foreigner in Russia at the end of the XVIII – beginning of the XIX centuries]. Moscow, 2023.]

3. Быкова Ю.И. Малые короны российских императриц в XVIII – первой половине XIX века. Создание, бытование, художественные особенности // *Культура и искусство*. 2020. № 9. С. 15–27. [Bykova Yu.I. Small crowns of Russian empresses in the 18th – first half of the 19th centuries. Creation, existence, artistic features. *Culture and Art*. 2020. No. 9. Pp. 15–27. (In Rus.)]
4. Виолье Б. Семейство Виолье. Краткие сведения // Швейцарцы в Петербурге: сб. ст. / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб., 2002. С. 168–172. [Violier B. The Violier family. Brief information. *Shvejrcary v Peterburge*. M.I. Luthi, E. Meder, E. Tarkhanova (eds.). St. Petersburg, 2002. Pp. 168–172. (In Rus.)]
5. Власов В.Г. Русский фарфор // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. Т. VIII. СПб., 2008. С. 394–395. [Vlasov V.G. Russian porcelain. *New encyclopedic dictionary of fine arts*. Vol. VIII. St. Petersburg, 2008. Pp. 394–395. (In Rus.)]
6. Комелова Г.Н., Принцева Г.А. Портретная миниатюра в России XVIII – начала XX века. Из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1986. [Komelova G.N., Princeva G.A. *Portretnaya miniatyura v Rossii XVIII – nachala XX veka*. Iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Portrait miniature in Russia in the XVIII – early XX centuries. From the collection of the State Hermitage]. Leningrad, 1986.]
7. Кудрявцева Т.В. Франц Иванович Гаттенбергер, директор Императорского фарфорового завода, художник и технолог // Швейцарцы в Петербурге: сб. ст. / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб., 2002. С. 511–519. [Kudryavtseva T.V. Franz Ivanovich Hattenberger, director of the Imperial Porcelain Factory, artist and technologist. *Shvejrcary v Peterburge*. M.I. Luthi, E. Meder, E. Tarkhanova (eds.). St. Petersburg, 2002. Pp. 511–519. (In Rus.)]
8. Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры XIX века: дней Александровых прекрасное начало. М.; СПб., 2012. [Kuznetsova L.K. *Peterburgskie yuveliry XIX veka: dnei Aleksandrovyyh прекрасное nachalo* [St. Petersburg jewelers of the XIX century: The days of the Alexandr's are a wonderful beginning]. Moscow; St. Petersburg, 2012.]
9. Лопато М.Н. Швейцарские ювелиры в Петербурге // Швейцарцы в Петербурге: сб. ст. / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб., 2002. С. 222–230. [Lopato M.N. Swiss jewelers in St. Petersburg. *Shvejrcary v Peterburge*. M.I. Luthi, E. Meder, E. Tarkhanova (eds.). St. Petersburg, 2002. Pp. 222–230. (In Rus.)]
10. Михайлова К.В., Смирнов Г.В. Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского музея / под ред. Г.В. Пушкирева. Л., 1979. [Mikhailova K.V., Smirnov G.V. *Portretnaya miniatyura iz sobraniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya* [Portrait miniature from the collection of the State Russian Museum]. G.V. Pushkarev (ed.). Leningrad, 1979.]
11. Попова И.П. Анри-Альберт Адам – живописец Императорского фарфорового завода первой четверти XIX века // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: ежегодник, 1987. М., 1988. С. 372–377. [Popova I.P. Henri-Albert Adam – painter of the Imperial Porcelain Factory of the first quarter of the 19th century. *Pamyatniki kultury. Novye otkrytiya. Pismennost. Iskusstvo. Arkheologiya: ezhegodnik*, 1987. Moscow, 1988. Pp. 372–377. (In Rus.)]

12. Раубер У. Швейцарские промышленники в Санкт-Петербурге // Швейцарцы в Петербурге: сб. ст. / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб., 2002. С. 331–342. [Rauber U. Swiss industrialists in St. Petersburg. *Shvejcarcy v Peterburge*. M.I. Luthi, E. Meder, E. Tarkhanova (eds.). St. Petersburg, 2002. Pp. 331–342. (In Rus.)]
13. Селинова Т.А. Портретная миниатюра в России XVIII–XIX веков из собрания Государственного Исторического музея / под ред. Г.В. Пушкарева. М., 1988. [Selinova T.A. Portretnaya miniatyura v Rossii XVIII–XIX vekov iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Portrait miniature in Russia of the 18th–19th centuries from the collection of the State Historical Museum]. G.V. Pushkarev (ed.) Moscow, 1988.]
14. Хайкина Л.В. Франц-Гавриил Виолье, коллежский советник из Женевы // Швейцарцы в Петербурге: сб. ст. / сост. М.И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб., 2002. С. 162–167. [Khaikina L.V. Franz-Gabriel Violier, collegiate adviser from Geneva. *Shvejcarcy v Peterburge*. M.I. Luthi, E. Meder, E. Tarkhanova (eds.). St. Petersburg, 2002. Pp. 162–167. (In Rus.)]
15. Шаталова И.В. Словарь художников, архитекторов, мастеров декоративно-прикладного искусства и ювелирных фирм // Шаталова И.В. Стили ювелирных украшений. М., 2004. С. ??–??. [Shatalova I.V. Dictionary of artists, architects, decorative arts and jewelry firms. *Shatalova I.V. Stili yuvelirnyh ukrashenij*. Moscow, 2004. Pp. ??–??. (In Rus.)]
16. Яковлева Л.А. Швейцарские часы и табакерки XVIII–XIX вв. СПб., 1993. [Yakovleva L.A. *Shvejcarskie chasy i tabakerki XVIII–XIX vv.* [Swiss watches and snuff boxes from the XVIII– XIX centuries]. St. Petersburg, 1993.]

Статья поступила в редакцию 30.06.2024, принята к публикации 01.08.2024
 The article was received on 30.06.2024, accepted for publication 01.08.2024

Сведения об авторе / About the author

Тихонова Анастасия Владимировна – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России факультета истории и права, Смоленский государственный университет

Anastasia V. Tikhonova – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of History of Russia of the Faculty of History and Law, Smolensk State University
 E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-44-59

УДК 929

В. Виталь

Независимый исследователь,
12614 г. Таллин, Эстонская Республика

Генерал-лейтенант Густав Йонсон: биографический портрет командующего 22-м территориальным стрелковым корпусом РККА

В статье рассматривается биография генерал-лейтенанта Густава Йонсона, командующего в 1940–1941 гг. 22-м территориальным стрелковым корпусом РККА. Его личность показана через призму эпохи, главнейших событий первой половины XX в., происходившими в Российской империи и в независимой Эстонской Республике: от ее рождения в 1918 г. до утраты суверенитета и вхождения в состав СССР в 1940 г. Густав Йонсон был талантливым профессиональным военным и офицером трех армий: начал карьеру как офицер военного времени в Российской императорской армии, продолжил ее как офицер Эстонской Республики, когда пик его карьеры пришелся на период авторитарного режима президента Константина Пятса, после июньского переворота летом 1940 г. вернулся на службу как главком Эстонской народной армии, а затем, получив генеральское звание РККА, принял под командование сформированный на базе Эстонской народной армии 22-й территориальный стрелковый корпус. В его лице показана судьба большинства эстонских высших офицеров со схожей судьбой: сражался на фронтах Первой мировой войны как храбрый офицер-орденоносец, перешел на сторону эстонского правительства и воевал за суверенитет Эстонии от Советской России, после войны верно служил эстонскому государству и, в конце концов, приняв советскую присягу, пал жертвой политических репрессий.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Константин Пятс, Эстония, Первая мировая война, Гражданская война в России, СССР,

© Виталь В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Эстонская ССР, страны Балтии, генерал-лейтенант Густав Йонсон, генерал Йохан Лайдонер, 22-й эстонский территориальный стрелковый корпус

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Виталь В. Генерал-лейтенант Густав Йонсон: биографический портрет командующего 22-м территориальным стрелковым корпусом РККА // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 44–59. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-44-59

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-44-59

V. Vital

Independent researcher,
Tallinn, 12614, Republic of Estonia

Lieutenant General Gustav Yonson: A biographical portrait of the commander of the 22nd Territorial Rifle Corps of the Red Army

The article examines the biography of General Lieutenant Gustav Yonson who commanded the 22nd Territorial Rifle Corps of the Red Army from 1940 to 1941. His life is viewed through the lens of his era. General Yonson's story is intertwined with the major events of the first half of the 20th century that unfolded in the Russian Empire and the independent Republic of Estonia: from his birth in 1918 to the loss of Estonia's sovereignty and its incorporation into the USSR in 1940. The article demonstrates that Gustav Yonson was a talented professional military officer who served in three different armies: he began his career as an officer in the Imperial Russian Army during World War I, continued as an officer in the Estonian Republic, where the peak of his career coincided with the authoritarian regime of President Konstantin Päts. After the June coup of 1940, Jonson returned to service as the commander of the Estonian People's Army, and later, after receiving the rank of general in the Red Army, he took command of the 22nd Territorial Rifle Corps, which was formed based on the Estonian People's Army. His fate mirrors that of many Estonian senior officers with similar experiences: he fought on the frontlines of World War I as a brave, decorated officer, joined the Estonian government to fight for

Estonia's sovereignty against Soviet Russia, served faithfully in the Estonian military, and ultimately, after taking the Soviet oath of allegiance, became a victim of political repression.

Key words: Civil War, White Movement, Konstantin Päts, Estonia, World War I, Russian Civil War, USSR, Estonian SSR, Baltic States, General Johan Laidoner, General Lieutenant Gustav Yonson, 22 Estonian Territorial Rifle Corps

CITATION: Vital V. Lieutenant General Gustav Yonson: A biographical portrait of the commander of the 22nd Territorial Rifle Corps of the Red Army. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 44–59. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-44-59

В эстонской историографии советского периода биографии генералитета эстонского 22-го территориального корпуса Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) не были исследованы по идеологическим причинам, т.к. это были офицеры буржуазного периода и носители идеологии, враждебной официальной марксистско-ленинской. К тому же практически все они были арестованы и расстреляны «за борьбу с революционным движением», что уже само по себе не предусматривало реабилитации даже в период хрущевской оттепели, в отличие от репрессированных красных командиров, например, Михаила Тухачевского¹, Иоакима Вацетиса² и др.

Но и с повторным обретением независимости в эстонской историографии более-менее существенное освещение получила личность только генерала Йохана Лайдонера³, а остальные остались в его тени. Генерал Густав Йонсон упоминается в общем справочнике эстонских генералов до 1940 г., опубликованном в армейском периодическом журнале *Sõdur*

¹ Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) – российский и советский военный деятель, военачальник времен Гражданской войны и один из первых маршалов Советского Союза, репрессирован и расстрелян в 1937 г. по троцкистскому делу. Реабилитирован в 1957 г.

² Иоаким Иоакимович Вацетис (1873–1938) – российский и советский военный деятель, командующий латышскими стрелками в годы Гражданской войны, первый главнокомандующий Вооруженных сил РСФСР, военный теоретик и преподаватель в Военной академии им. М.В. Фрунзе. Командарм 2-го ранга. Репрессирован и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1957 г.

³ Йохан Лайдонер (1884–1953) – офицер, подполковник Российской императорской армии, окончил Императорскую Николаевскую военную академию, участник Первой мировой войны, награжден золотым георгиевским оружием «За храбрость» и орденами. Один из создателей эстонской армии, главнокомандующий Эстонской армией, генерал-лейтенант, с 1934 г. главнокомандующий Эстонской армией в правительстве президента К. Пятса. Репрессирован советскими органами государственной безопасности, скончался во Владимирской тюрьме в 1953 г.

(«Солдат») [11]. Также ему была посвящена одна статья в сборнике Эстонского военного музея им. генерала Лайдонера и в общем справочнике по генералам и адмиралам Эстонской Республики [12; 13].

В российской историографии фигура генерала остается также слабо изучена и ему посвящена лишь одна полноценная статья [8], а все остальное – лишь краткие биографические справки [6; 9].

Будущий эстонский генерал Густав Йонсон родился 7 января 1880 г. (26 декабря 1879 г. ст. ст.) в крестьянской семье лютеранского вероисповедания на хуторе Куду в волости Пяри, Феллинского уезда Лифляндской губернии⁴. Учился сначала в волостной, приходской, затем в городской школе г. Феллинн (совр. Вильянди), в реальном училище г. Юрьев (совр. Тарту). Учился он неплохо, хотя и не был круглым отличником⁵.

С 1901 по 1907 г. Йонсон учился в Рижском политехническом училище, состоял в корпорации студентов-эстонцев «Вирония», но здесь его застали бурные события первой русской революции, а в студенческой среде революционные настроения распространялись особенно быстро. Густав был обвинен в участии в революционной студенческой сходке и вынужденно отправился в Германию, в Дрезденский технический университет. В Дрездене, проучившись лишь год, столкнулся с финансовыми трудностями и вернулся домой. Он не мечтал о военной карьере, но армия была одним из немногочисленных социальных лифтов для коренного населения Эстляндской и Лифляндской губерний, где все более-менее значимые посты занимали балтийские немцы. И в 1908 г. Густав Йонсон поступил на службу в качестве вольноопределяющегося в кавалерийскую батарею запасного конноартиллерийского полка в Двинске, где служил до 1909 г.

Видимо, военная служба тяготила Густава и, сдав экзамен на звание прапорщика запаса, он ушел из армии. Вернувшись в Ригу, устроился младшим контролером в Рижскую палату мер и весов.

Но мирная жизнь была слишком короткой. С началом Первой мировой войны, летом 1914 г., прапорщик запаса Густав Йонсон был мобилизован, воевал под Варшавой, в марте 1915 г. был определен во 2-й Кавказский корпус офицером мортирной батареи 2-го мортирного дивизиона, затем прошел бои с австрийцами в Галиции. Несомненно, артиллерист Йонсон отличался и профессионализмом, и храбростью, и к концу 1917 г. дослужился до звания штабс-капитана, проведя

⁴ Ныне Вильяндиский уезд. По старому административному делению северная половина тогдашней Лифляндской губернии – это территории современной центральной и южной Эстонии.

⁵ Kindralmajor Gustav Jonson teenistus kirjad // Eesti Rahvusarhiiv (ERA).495.1.717.

на передовой в общей сложности 2 года и 7 месяцев. За свою службу он удостоился таких наград, как золотое георгиевское оружие «За храбрость», орден Св. Анны 2-й и 3-й ст. с мечами и бантом, орден Св. Станислава 2-й и 3-й ст. с мечами и бантом, знак отличия ордена Св. Георгия 4-й ст. с лавровой ветвью⁶.

В 1915 г., после многочисленных просьб, в Российской императорской армии были сформированы латышские национальные части и опыт их применения был удачен, т.к. в боях латышские стрелки показали себя как мотивированные и обладающие высоким профессионализмом, а также отличились крепкой товарищеской спайкой и чувством землячества. В латышских частях, помимо латышей, служили и эстонцы, т.к. северная часть Лифляндской губернии была преимущественно населена этническими эстонцами. Примеру латышей решили последовать и эстонцы, и начали искать возможность создать свои национальные части.

Такая возможность вскоре появилась на волне революционных событий. После Февральской революции 1917 г. объединение эстонцев в Петрограде потребовало от Временного правительства создания своей национальной автономии. На Невском проспекте 26 марта (6 апреля н. ст.) 1917 г. была проведена манифестация за создание Эстонской автономии, объединяющей северную часть Лифляндской и Эстляндскую губернию со столицей в Ревеле (совр. Таллин). В шествии автономистов приняли участие как петроградские эстонцы, так и сочувствующие горожане, солдаты-эстонцы, а также солдаты и матросы петроградского гарнизона⁷.

Автономистам удалось добиться разрешения на создание эстонских национальных частей. Генеральный штаб утвердил отправку воинов-эстонцев петроградского гарнизона в Ревель, на формирование в Крепостной полк Морской крепости им. Императора Петра Великого, который стал фактически национальным формированием. Затем 22 апреля военный министр Временного правительства А.И. Гучков дал разрешение на дальнейшее создание новых национальных частей, и эстонцам из тыловых регионов империи и фронтов было позволено отправиться на формирование в родные края – в Эстонию. В Петрограде был организован Центральный комитет военнослужащих-эстонцев, а многочисленные бюро немедленно организовывали сбор личного состава. Было создано четыре основных центра промежуточного сбора военнослужащих-эстонцев, не считая многочисленных бюро: Ревель,

⁶ Kindralmajor Gustav Jonson teenistus kirjad // ERA.495.1.717.

⁷ В результате 12 апреля 1917 г. Временное правительство утвердило создание из Эстляндской и части Лифляндской губерний Эстонской губернии и позволило образовать самоуправление – Временный земский совет.

Петроград, Рига и в Финляндии (Выборг и Лаппеенранта). Так как уже в начале апреля Крепостной полк состоял преимущественно из этнических эстонцев, в начале мая 1917 г. на его основе был сформирован 1-й Эстонский пехотный полк, который под командованием кадрового полковника Александра Тыниссона⁸ принял участие в оборонительных боях на Моонзунде и под Ригой. Все это время в печати активно распространялись воззвания к соотечественникам. Формирование национальных частей шло на территории самой Эстонии, и шло достаточно успешно: количество добровольцев позволяло сформировать сначала один полк, затем второй, а к декабрю – первую национальную дивизию [10].

Зимой, 7 января 1918 г., штабс-капитану Густаву Йонсону было поручено формирование 1-го кавалерийского полка в Ревеле.

В это же время ослаблением центральной власти в России воспользовались политические силы – члены образованного Комитета спасения Эстонии во главе с Константином Пятсом⁹, выступавшие за независимость от России и поспешившие 24 февраля 1918 г. в Ревеле опубликовать Манифест, провозгласивший государственный суверенитет¹⁰.

Независимость, хотя и была провозглашена, но из-за стремительного наступления немецких войск фактически поставлена под угрозу. Оккупационная администрация быстро навела свой порядок, а самих подписантов, в т.ч. первого премьер-министра Константина Пятса, бросили в лагерь. Эстонские национальные части были расформированы. Сам Густав Йонсон поспешил укрыться в Петрограде. Но и там он подвергся испытаниям: был арестован красногвардейцами и содержался в тюрьме «Кресты», однако после разбирательства отпущен на свободу. Лишь после ноября 1918 г., когда немецкие войска ушли с эстонской земли,

⁸ Александр Тыниссон, или Александр Иванович Тениссон (1875–1941). Родился в крестьянской семье Дерптского уезда Лифляндской губернии (ныне Тартуский уезд Эстонии). Окончил Виленское пехотное училище, участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1915–1916 гг. занимался формированием эстонских национальных частей. В 1917 г. принял под командование 1-й Эстонский пехотный полк, а потом и дивизию. Полковник Российской императорской армии. Участник войны за независимость Эстонии. В межвоенный период в независимой Эстонии занимал посты военного министра и министра обороны. С 1934 г. в отставке, мэр городов Тарту и Таллина, в период правления президента Пятса – депутат Рийгикогу (парламента). Арестован органами НКВД и расстрелян в таллинской тюрьме 30 июня 1941 г.

⁹ Константин Пятс (1874–1956) – один из создателей Эстонской Республики, возглавлявший страну с 1918 по 1940 гг. С 1934 по 1940 гг. в результате государственного переворота сосредоточил власть в своих руках. После советизации Эстонии был арестован и отправлен в ссылку, позже содержался в психиатрических больницах. Последней была больница под Калинином (совр. Тверь), где бывший президент и скончался.

¹⁰ Манифест ко всем народам Эстонии. 24 февраля 1918 г. URL: <https://president.ee/ru/estonskaya-respublika/manifest-nezavisimosti> (дата обращения: 27.09.2024).

Йонсон вернулся в родные края и, получив звание капитана, принялся с энтузиазмом создавать кавалерию молодой армии независимой Эстонии, а спустя короткое время принял под командование 1-й Кавалерийский полк.

После ухода немцев в Эстонию пришли красногвардейцы. Лишь жесткие меры эстонских властей и принудительная мобилизация позволили собрать местных крестьян под знамена Эстонской Республики. Пришла помощь Антанты, шведские, финские и датские добровольцы, а также части добровольческой Северо-Западной армии, которые смогли отбросить красные войска за Нарву и Юрьев (ныне г. Тарту). Кавалеристы подполковника Йонсона сражались в Освободительной войне¹¹ на южном фронте против немецко-балтийского ландвера и на юго-восточном фронте против частей Красной Армии. Положительную роль сыграл тот факт, что, в отличие от латышских частей, которые были разбросаны по разным фронтам Гражданской войны, а воевали преимущественно на стороне красных, эстонские части в массе своей остались на территории Эстонии, что позволило армии иметь мощный профессиональный костяк.

Война за независимость для эстонцев закончилась Тартуским мирным договором 2 февраля 1920 г., по которому советское руководство первым признало суверенитет Эстонии, что повлекло денежные и другие материальные выплаты и компенсации со стороны РСФСР.

После того, как смолкли орудия, карьера подполковника Йонсона, кавалера орденов Креста Свободы 1-й ст. 3 кл. и 2-й ст. 2 кл., развивалась успешно. В 1921–1923 гг. он повышал свой образовательный уровень на Курсах Генерального штаба в Таллине, получив по окончании звание полковника. В 1923 г. полковник Йонсон занял должность помощника начальника Генерального штаба, параллельно являясь инспектором кавалерии, посещал с группой офицеров Францию, т.к. французская военная мысль была в те годы передовой и ее опыт был полезен для военных молодой республики. Посещая маневры, перенимал опыт и знакомился с французскими кавалерийскими частями, что произвело на него сильное впечатление. Йонсон был также активным участником создания и укрепления иррегулярной добровольческой воензированной организации Кайтселийт. Затем занял пост начальника Объединенных военных учебных заведений. В 1928 г. ему было присвоено звание генерал-майора. В 1930–1934 гг. генерал-майор Йонсон командует 3-й пехотной дивизией и Таллинским гарнизоном [11].

¹¹ В эстонской историографии Освободительной войной 1918–1920 гг. называется то, что в российской историографии рассматривается в рамках Гражданской войны (часть Западного похода РККА) и иностранной военной интервенции.

В личной жизни лихому кавалеристу также сопутствовал успех. Густав Йонсон удачно женился на очаровательной Юлии Кикельбах (1902 г. рождения), которая была на 22 года его моложе. 19 декабря 1926 г. у супругов родилась дочь Хальди.

13 марта 1934 г. в Эстонии произошел государственный переворот. Под предлогом защиты государства от радикального движения фашистского типа «Лига ветеранов Освободительной войны» (вапсов)¹² были введены цензура и чрезвычайное положение. В результате переворота была установлена президентская диктатура, цензура, введено военное положение, которое автоматически продлевалось все годы правления Пятса и неслучайно этот период в эстонской историографии назван «эрой молчания». Высокопоставленные военные, в т.ч. и Йонсон, выступили на стороне Пятса, а сама армия стала главным столпом и опорой авторитарной власти. Именно в период правления Пятса эстонская армия начала свою переориентацию на Германию в рамках закупок вооружения, а сотрудничество эстонской и германской военных разведок на антисоветской почве стало более тесными [3].

Генерал-майор Йонсон в 1934–1939 гг., в период авторитарного правления Константина Пятса, был генералом для поручений при президенте и помощником Главнокомандующего Вооруженными Силами Эстонии, параллельно все это время оставаясь инспектором кавалерии [6]. Так как он владел французским, немецким и русским языками, то исполнял и представительские функции (рис. 1). Так, например, он был отправлен от Эстонии на похороны первого президента Турции Мустафы Кемала Ататюрка¹³.

С 1939 г., достигнув предельного возраста, по указу президента Пятса он ушел в отставку и, казалось бы, мог спокойно наслаждаться заслуженным отдыхом. Отставной генерал преуспел и в коммерческой деятельности, войдя в совет прядильно-ткацкой Кренгольмской мануфактуры в Нарве. Но надвигались события, которые навсегда изменили жизнь не только Густава Йонсона, но и всей Эстонии. В Европе назрел общеполитический кризис, который двигал державы к новой войне.

В результате подписания Договора о ненападении между Германией и СССР, Эстония, как и другие балтийские государства – Латвия и Литва, по секретному протоколу вошли в зону политических интересов Советского Союза [1].

¹² Вапсы (от эст. *vapsid*) – радикальное националистическое движение «Эстонский союз ветеранов Освободительной войны» (эст. *Vabadussõjalaste liit*), идеология которого была во многом схожа с итальянским фашизмом. Организацию номинально возглавлял отставной генерал-майор Андрес Ларка (1879–1943), а фактическим руководителем был эстонский военный и политик Артур Сирк (1900–1937).

¹³ Kindralmajor Gustav Jonson teenistus kirjad // ERA.495.1.717.

Рис. 1. Генерал Густав Йонсон. Вторая половина 1930-х гг.
Униформа Эстонской Республики образца 1936 г. (кавалерийский доломан)
Eesti Ajalooarhiiv EAA.2111.1.7449.2

Эстонии, Латвии и Литве, через чуть более чем две недели с момента нападения Германии на Польшу, было предложено подписать соглашения о дружбе и сотрудничестве и договоры о базах с Советским Союзом, по которым советская сторона имела бы право разместить воинские контингенты на территории этих стран и построить военные базы, аэродромы и разместить личный состав сухопутных частей РККА, Военно-воздушных сил и Военно-морского флота СССР. Конечно, не секрет, что обсуждение условий соглашения сопровождалось дипломатическим давлением со стороны Москвы. Кремль рассматривал территории балтийских республик как вероятный плацдарм для нападения на СССР. Пятс и Лайдонер были «в тупике», ведь все военные планы эстонского Генерального Штаба сводились к тому, что наиболее вероятным противником для Эстонии был и будет СССР [3]. В желании избежать советского военного присутствия и заручиться поддержкой сильной державы эстонское руководство обратилось к Германии по линии разведки, но получило от Берлина однозначную рекомендацию: пойти на уступки требованиям Москвы. Занятая в Польше, Германия не могла тогда идти на конфронтацию с Советским Союзом. Сыграло роль и то, что блокада Балтийского моря фактически прекратила торговлю Эстонии с европейскими странами, и Таллину волей-неволей пришлось принять советские торгово-экономические предложения.

После подписания 28 сентября Пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонской Республикой, а также соглашения о базах, контингент сухопутных, морских и военно-воздушных сил СССР вошел на территорию Эстонии [4].

Внешне все осталось по-прежнему, и суверенитет Эстонской Республики не ставился Москвой под сомнение. Руководство Эстонии успокаивало народ заверениями о нейтралитете и дружбе с СССР. В частях советских войск распространялись циркуляры, запрещающие любое вмешательство во внутренние дела страны, поддержка каких-либо политических действий, просоветских настроений, открытое выражение симпатии к местным коммунистам, а также поощрения разговоров о вхождении страны в состав СССР. Любые нарушения жестко пресекались советским руководством, командирами и политработниками. Боевой генерал Йохан Лайдонер, «правая рука» президента Пятса, в Москве поднимал бокал за здоровье И.В. Сталина и затем лично приветствовал советского генерала К.А. Мерецкова¹⁴, под чьим руководством в Эстонию вошли части 65-го Особого стрелкового корпуса РККА [3].

¹⁴ Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897–1968) – советский военачальник, Маршал Советского Союза.

Эстонская армия также не предпринимала каких-либо действий и внешне сохраняла нейтралитет¹⁵, выжидала, даже тогда, когда советская авиация совершала налеты на дружественную эстонцам Финляндию, в период Зимней войны 1939–1940 гг. с аэродромов, расположенных на эстонской территории [7].

Вскоре ситуация резко поменялась в связи с удачами германской армии на Западном театре военных действий. Советское руководство летом 1940 г. перешло к более решительным действиям: после настойчивых предложений Москвы был увеличен советский контингент, который разместился на территории Эстонии 15–17 июня 1940 г.

В это же время в Таллине 21 июня прошли события, получившие в советской историографии названия Июньская революция или «солнечная революция», а в современной эстонской историографии – июньский переворот. В столице состоялись многочисленные митинги с требованием отставки действующего правительства премьер-министра Юри Улуотса. Если в среде эстонского военно-политического руководства преобладали антисоветские настроения и оно втайне надеялось на германское вмешательство, то среди широких слоев населения, напротив, были сильны опасения германской оккупации, и в соглашениях с Советским Союзом народ видел некие гарантии безопасности и нейтралитета [3].

Вследствие антиправительственных выступлений в Таллине и требований демонстрантов к президенту Пятсу, а также давления со стороны советских представителей, ему пришлось сформировать новое правительство, которое, по мнению митингующих, должно было быть более лояльно к Москве.

На другой день по радио и в газетах было объявлено, что президент Пятс сформировал правительство, в котором пока не было коммунистов, но его возглавил эстонский социалист Йоханнес Варес-Барбарус¹⁶. Президентским указом № 58 от 22 июня 1940 г. был восстановлен на службе и назначен главнокомандующим вооруженными силами генерал Густав Йонсон¹⁷.

В июле 1940 г. в Эстонии прошли многолюдные митинги, где демонстрантами были выдвинуты требования о полной смене руководства

¹⁵ В то же время официальные эстонские власти не препятствовали отправке добровольцев на советско-финскую (Зимнюю) войну 1939–1940 гг., естественно, на стороне Финляндии.

¹⁶ Йоханнес Варес (псевдоним Барбарус) (1890–1946) – эстонский поэт, писатель, общественно-политический деятель, заслуженный писатель ЭССР. С 21 июня по 25 августа 1940 г. премьер-министр Эстонии, а затем Председатель Президиума Верховного Совета ЭССР. Депутат Верховного Совета СССР.

¹⁷ Vabariigi Presidendi käskkirj № 58. 22 juunil 1940a // ERA.989.1.795.

страны, отставке авторитарного президента. Пятс был отстранен от своей должности и позже был выслан в РСФСР.

Ни накануне, ни в дни «солнечной революции», ни позднее ни одно воинское подразделение эстонской армии не предприняло каких-либо активных попыток оказать сопротивление. Ни генерал Йонсон, ни другие эстонские генералы не отдали приказа к сопротивлению по примеру Финляндии. Да и о каком сопротивлении могла быть речь, если президент Пятс со страниц газет и по радио произносил успокаивающие речи, а главком Лайдонер не верил в возможность долгосрочного сопротивления? Более того, приказом президента был расформирован Кайтселийт – наиболее мотивированное, боеспособное и, к тому же, антисоветски настроенное добровольческое формирование, в создании и деятельности которого принимал активное участие сам генерал Йонсон [5].

Указом просоветского правительства Вареса-Барбаруса было провозглашено создание Эстонской народной армии (ЭНА), вместо обращения «господин» введено обращение «товарищ», а наряду с эстонским сине-черно-белым триколором в воинских частях поднимали красный флаг. В обращении генерала Йонсона к эстонским войскам вчерашний потенциальный противник эстонской независимости – СССР – был объявлен союзником [3]. 4 июля 1940 г. генерал Йонсон объявил о создании в армии института политических руководителей (политруков) по советскому образцу. Всем военнослужащим было предоставлено право участвовать в политической жизни.

21 июля 1940 г. новым составом парламента (Рийгиволикогу) было провозглашено образование Эстонской ССР¹⁸. И опять же никакого сопротивления не было, военные подчинились сначала президенту, а потом и новому просоветскому правительству.

6 августа 1940 г. Верховный Совет провозгласил вхождение Эстонии в состав СССР, а указом Народного комиссара обороны от 17 августа 1940 г. ЭНА была преобразована в 22-й территориальный стрелковый корпус РККА. Командующим корпусом был назначен бывший главком ЭНА генерал-лейтенант Густав Йонсон¹⁹.

После проведенной переаттестации офицеров старой армии прошли увольнения тех, кто не прошел переаттестацию, а оставшимся были присвоены новые воинские звания (рис. 2). 23 февраля 1941 г. весь личный состав 22-го территориального стрелкового корпуса торжественно принял воинскую присягу, текст которой зачитал и первым принял

¹⁸ В современной эстонской историографии данное событие, как и вхождение Эстонии в состав СССР, трактуется как незаконные акты.

¹⁹ Rahva Hääl. 30.08.1940, № 69.

Густав Йонсон. Таким образом, практически в полном составе бывшая эстонская армия была интегрирована в РККА. Далее началась рутинная служба по новым уставам и наставлениям и под новым флагом.

Рис. 2. Командующий 22-м территориальным стрелковым корпусом генерал-майор Густав Йонсон

Форма РККА образца 1935 г. (суконная генеральская гимнастерка), знаки различия высшего командного состава РККА образца 1940 г.

Из коллекции Alexander Nayda, администратора сайта photo-war.com

С приближением германского нападения советские органы государственной безопасности провели операции по аресту и выселению из Эстонии т.н. «классово чуждых элементов». 13–14 июня 1941 г. были проведены аресты и депортация арестованных в лагеря и на поселение в отдаленные районы РСФСР. В числе репрессированных оказались также действующие командиры 22-го территориального стрелкового корпуса [2].

Практически все высшее командование корпуса накануне войны под предлогом обучения на курсах высшего комсостава в Академии Генерального Штаба РККА было вызвано в Москву. В советской столице Густав Йонсон был арестован 17 июля 1941 г. в служебной гостинице. Следствие интересовало его контакты с различными военными и политическими деятелями в Европе, знакомства среди эстонского военного и политического руководства, также ему припомнили антисоветскую борьбу. Следствие длилось чуть меньше года, после чего особым совещанием НКВД бывший генерал-лейтенант РККА был обвинен по ст. 58«б», а 22 апреля 1942 г. приговорен к высшей мере наказания (расстрелу) с формулировкой «за активную борьбу против революционного движения» и 15 мая того же года расстрелян в тюрьме г. Саратова [8]. То, как приговоренный к смерти провел свои последние часы, неизвестно.

Биография эстонского генерала Густава Йонсона несомненно достойна внимания: его высокий профессионализм, вклад в становление, строительство и развитие эстонских вооруженных сил неоспоримы. Но несомненно и то, что именно атмосфера последних шести лет эстонского суверенитета – это эпоха авторитарного режима, в котором царили цензура и конформизм, которые способствовали утрате суверенитета. Все эти пороки системы напрямую повлияли на армию и на высшее военное и политическое руководство, особенно когда в кризисные для Эстонии 1939–1940 гг. решения принимал в кулуарах узкий круг лиц. С другой стороны, эстонское руководство понимало, что война в Европе и соотношение сил не позволит эстонской армии вести продолжительное сопротивление Красной армии. Поэтому, в ситуации политического слома 1940 г., без малейшей попытки организовать сопротивление, как и многие другие эстонские офицеры, призванный из запаса генерал Йонсон подчинился воле президента, затем просоветского правительства – воле своих вчерашних идеологических противников. Возможно, стоя перед сложным моральным выбором, генерал принял решение не проливать кровь народа, сберечь жизни и взять на себя ответственность за судьбу своих солдат и офицеров. Но генералу Густаву Йонсону не удалось пройти со своим корпусом дорогами войны, и, наряду с другими эстонскими генералами, он пал жертвой политических репрессий.

Имя генерала надолго было забыто, но после восстановления государственного суверенитета Эстонии в 1991 г. имя Густава Йонсона, наряду с именами других эстонских генералов эпохи первой республики, было восстановлено. Его портрет в униформе кавалериста занял почетное место в стенах Музея генерала Лайдонера. Лишь в 2001 г. генерал-лейтенант РККА Густав Йонсон был посмертно реабилитирован Генеральной прокуратурой Российской Федерации, однако место его захоронения до сих пор неизвестно [8].

Библиографический список / References

1. Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы в 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. М., 1990. [God krizisa. 1938–1939: Dokumenty i materialy [The year of crisis. 1938–1939: Documents and materials]. In 2 vols. Vol. 2. June 2, 1939 – September 4, 1939. Moscow, 1990.]
2. Дюков А.Р. Ликвидация «враждебного элемента». Националистический террор и советские репрессии в Восточной Европе. Избранные исследования. М., 2017. [Dyukov A.R. Likvidatsiya «vrazhdebnogo elementa». Natsionalisticheskiy terror i sovetskiye repressii v Vostochnoy Yevrope. Izbrannyye issledovaniya [Liquidation of the “hostile element”. Nationalist terror and Soviet repressions in Eastern Europe. Selected studies]. Moscow, 2017.]
3. Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940) / пер. с эстон. М., 2012. [Ilmjärv M. Bezmolvnyaya kapitulyatsiya. Vneshnyaya politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdvu dvumya voynami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-kh godov do anneksii v 1940) [[Hääletu alistumine: Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. aastate keskpaigast anneksioonini]. Transl. from Estonian. Moscow, 2012.]
4. Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990. [Polpredi soobshajut... Sbornik dokumentov ob otnosheniyach SSSR s Latviej, Litvoij i Estoniej. Avgust 1939g. – avgust 1940 g. [The plenipotentiaries report... Collection of documents on the relations of the USSR with Latvia, Lithuania and Estonia. August 1939 – August 1940]. Moscow, 1990.]
5. Симиндей В.В. «Эстонская угроза» в донесениях советской разведки во время Зимней войны 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 3. С. 103–104. [Simindey V.V. “The Estonian Threat” in Soviet intelligence reports during the Winter War of 1939–1940. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. 2018. No. 3. Pp. 103–104. (In Rus.)]
6. Смирнов Д.С. Жизнь за Родину // Военно-исторический журнал. 2008. № 12. С. 37–39. [Smirnov D.S. Life for the Motherland. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 2008. No. 12. Pp. 37–39. (In Rus.)]

7. Резиденты сообщают... Сборник документов о политической обстановке в Латвии, Литве и Эстонии, август 1939 г. – август 1940 г. / сост., предисл. А.Р. Дюков; коммент., биограф. справки А.Р. Дюков, А.В. Репников, В.В. Симиндей. М., 2020. [Rezidenty soobshchayut... Sbornik dokumentov o politicheskoj obstanovke v Latvii, Litve i Estonii, avgust 1939 g. – avgust 1940 g. [Residents report... Collection of documents on the political situation in Latvia, Lithuania and Estonia, August 1939 – August 1940]. A.R. Dyukov (compil., preface); A.R. Dyukov, A.V. Repnikov, V.V. Simindey (comment., biographical information). Moscow, 2020.]
8. Христофоров В.С., Хохлов Д.Ю. Генерал двух армий. По материалам архивного уголовного дела № Р-48022 // Военно-исторический журнал. 2009. № 2. С. 41. [Khristoforov V.S., Khokhlov D.Yu. General of two armies. Based on materials of archival criminal case No. R-48022. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 2009. No. 2. P. 41. (In Rus.)]
9. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы, и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012. [Cherushev N.S., Cherushev Yu.N. Rasstrelyannaya elita RKKA (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy, i im ravnyye). 1937–1941 [The executed elite of the Red Army (commanders of the 1st and 2nd ranks, corps commanders, division commanders, and their equals). 1937–1941]. Biographical dictionary. Moscow, 2012.]
10. Eesti rahvusväeasjad 1917–1918. Antalogia Uurimusi ja allikmaterjale eesti sõjaajaloost. 7 Rahvusarhiiv, Tartu, 2015.
11. Lään I. Ülekuulamine lõpetatud. Avaldamata andmed kindralmajor Gustav Jonsonist. Laidoneri Muuseumi Aastaraamat. 2005.
12. Ojalo H. Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid kuni 1940. Aastani. *Sõdur: Eesti sõjandusajakiri*. 2018. No. 1. Lk. 42–45.
13. Õun M. Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid. Tallinn, 2001.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024, принята к публикации 02.02.2025
 The article was received on 11.11.2024, accepted for publication 02.02.2025

Информация об авторе / About the author

Владимир Виталь – независимый исследователь, Таллин, Эстонская Республика

Vladimir Vital – independent researcher, Tallinn, Republic of Estonia

E-mail: laskur41@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-60-74

УДК 94(3)

Ю.В. КуликоваМосковский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Новые данные о внутренней политике галльского императора Постума

События середины III в. н. э. едва не оказались фатальными для Римской империи. Один за другим военачальники и наместники, поставленные императором Валерианом, провозглашались императорами, подрывая и без того нестабильную политическую обстановку, усугубляемую нарастающей инфляцией и вторжениями германцев. Поэтому приход к власти Постума стал знаковым явлением этого периода. Этот император сумел объединить значительные территории под своей властью, создав «Галльскую империю», которая своими экономическими ресурсами и военными силами способна была противостоять римскому императору Галлиену. Новые археологические, эпиграфические и нумизматические данные позволяют расширить представление о внутренней политике Постума, прояснить некоторые детали его правления, уточнить объем властных полномочий, границы контролируемых территорий. И то, что раньше возможно было вывести только в разряд гипотез, нашло свое более основательное подтверждение, меняя представление о направлениях политики и новых методах противостояния «Галльской империи» и Римского государства, таких, как идеологическая борьба.

Ключевые слова: Галльская империя, Римская империя, внутренняя политика Римской империи, идеологическая борьба в Римской империи III в., пропаганда в Римской империи III в., военные подразделения в Римской империи, римские провинции, римские военные кампании III в.

© Куликова Ю.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Куликова Ю.В. Новые данные о внутренней политике галльского императора Постума // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 60–74. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-60-74

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-60-74

Yu.V. Kulikova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

New information on the domestic policy of the Gallic Emperor Postumus

The events of the middle of the III century AD almost proved fatal for the Roman Empire. One by one, military commanders and governors installed by Emperor Valerian were proclaimed emperors, undermining an already unstable political situation exacerbated by rising inflation and German invasions. Therefore, the coming to power of Postumus became a landmark phenomenon of the period. The emperor managed to unite significant territories under his rule, creating the “Gallic Empire”, which with its economic resources and military forces was able to resist the Roman Emperor Gallienus. New archaeological, epigraphic, and numismatic data make it possible to expand the understanding of Postumus’ domestic policy, clarify some details of his reign, the scope of power, and the boundaries of the territories under his control. And what previously could only be reduced to the category of hypotheses found its more thorough confirmation, changing the idea of policy directions and new methods of confrontation between the “Gallic Empire” and the Roman state, such as ideological struggle.

Key word: Gallic Empire, Roman Empire, domestic politics of the Roman Empire, ideological struggle in the Roman Empire of the III century, propaganda in the Roman Empire of the III century, military units in the Roman Empire, Roman provinces, Roman military campaigns of the III century

CITATION: Kulikova Yu.V. New information on the domestic policy of the Gallic Emperor Postumus. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 60–74. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-60-74

Середина III в. н. э. традиционно считается пиком кризиса в истории Римской империи. Сложная ситуация складывалась на всех рубежах государства, активизировались вторжения варварских племен, которые стали объединяться в союзы и использовать для своих грабительских набегов корабли, получая таким образом возможность грабить поселения по берегам рек, в т.ч. затрагивая и побережье Черного моря. Это происходило и холодное время года, когда реки Рейн и Дунай замерзли, что облегчало для германцев вторжения по льду вглубь римской территории и переправу вместе с добычей. На восточных границах армия новой персидской династии Сасанидов стремилась вернуть территории и былое величие Персидской державы. К тому же на территорию империи начали активно вторгаться кочевые племена бедуинов.

Пришедший к власти, как и все императоры этого периода, в результате провозглашения легионами, Лициний Валериан, судя по его деятельности, прекрасно осознавал всю катастрофичность сложившейся ситуации, поэтому стремился сделать все, чтобы западные и восточные территории были надежно защищены легионами и вспомогательными подразделениями. Более того, он умело расставил самых выдающихся военачальников, обеспечив тем самым управление и защиту провинций.

Отправившись на Восток противостоять Сасанидам и не допустить захват столь важных со стратегической и экономической точек зрения территорий Малой Азии, Сирии и Месопотамии, император Валериан был пленен шахиншахом Шапуром и судьба его оказалась незавидной, но весьма показательной для общей ситуации в Римской империи [19]. У власти остался сын и соправитель Валериана Галлиен, которому во время правления пришлось столкнуться с многочисленными соперниками, провозглашаемыми легионами. И если на Востоке для противостояния персам и восставшим военачальникам Галлиен вынужден был признать власть Одената из рода Гайранидов, возвысившегося как раз в III в., то на Западе сложившееся положение стало угрожать целостности всей империи. Восстания наместников охватили, казалось, бы все провинции. Легионы, так необходимые для защиты государства, оказались вовлеченными в политическую борьбу и внутреннее противостояние, провозглашая все новых и новых императоров.

В. Эк справедливо отмечает, что участвовавшие нападения и вторжения в 258 г. франков на рейнском лимесе сделало возможным провозглашение одного из таких наместников Марка Кассиана Латиния Постума императором [13, S. 37]. Утверждение, что Постум контролировал только одну из Германий или занимался защитой лимеса, звучали уже давно [12, p. 22–24]. При этом современные исследователи отмечают постепенное расширение его полномочий, например, после назначения

под его опеку цезаря Салонина [20, S. 57]. Однако данные о каких-либо других наместниках Галлии и Германии отсутствуют. У исследователей нет даже малейшего предположения или гипотез, поэтому стоит обратить внимание на данные письменных источников о статусе и функциях Постума: *barbaris per Galliam praesidebat* (Aug. Vict., XXXIII, 8¹); *transrhenum limitis ducem et Galliae praesidem* (SHA, XXIV, III, 7); *ἀρχὴν ἐν Κελτοῖς στρατιωτῶν ἐμπειστευμένος...* (Zosim., I, 38, 2); *εἰς φυλακὴν τοῦ Ῥήνου ποταμοῦ ἔαθαίς* (Zonar., XII, 24); *ἀπολλυμένας τὰς ἐπαρχίας ταῦτάς ὑπό σοῦ* [Gallienus] *ταχθεῖς διασώζειν* (Petr. Patr., 164), из чего можно сделать вывод о том, что должность Постума не была ограничена только Нижней Германией, территорию которой даже в конце III в. населяли не только и не столько галлы, а в большей степени германцы. Кроме того, как справедливо заметила Е.М. Штаерман, провозглашение Постума невозможно объяснить только мятежом на Рейне, тем более что как раз рейнские легионы не сразу присягнули первому галльскому императору [4, с. 463].

Сосредоточенность Постума на лимесе после провозглашения императором вполне объяснима необходимостью восстановления оборонительной системы региона и проведением мероприятий, направленных на предотвращение вторжений германцев. Так, известно, что Постум еще в должности наместника совершал военные походы за Рейн, а уже в качестве императора заключил союзы с некоторыми из них и даже создал из них пограничные отряды, видимо, продолжив политику других императоров по расселению германцев. Был установлен контроль над Декуматскими полями, по крайней мере, вплоть до конца правления наследника Постума – Викторина. Также, несмотря на однозначный выбор императора Валериана в отношении Колонии Агриппины² (совр. Кёльн) в качестве нового центра и монетного двора в регионе, археологические данные указывают на серьезные проблемы на участке лимеса и самой крепости, возникшие в результате вторжения

¹ Сокращения: Anonym. – Anonymus. Fragmentae // FHG. 1885. Vol. IV. Pp. 191–192; Aug. Vict. – Sextus Aurelius Victor. De Caesaribus. Origo gentis Romanae. Liber de viris illustribus urbis Romae. Epitome de Caesaribus. Fr. Pichlmayr (ed.), R. Gruendel (corr.). Leipzig, 1966; CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1893–1936; Bastien – Bastien P. Le monnayage de bronze de Postum. Wetteren, 1967. (Numismatique Romaine, III); Eutr. – Eutropius. Breviarium ab Urbe condita. F. Rühl (ed.). Lipsia, 1901; Petr. Patr. – 70. Petrus Patricius. Fragmentae 9–11 // FGH. 1951. Vol. IV. Pp. 181–191; RIB – Collingwood R.G., Wright R.P. The Roman Inscriptions of Britain: Vol. 1–3. Oxford, 1965; RIC – The Roman Imperial Coins. H. Mattingly et al. (eds.). Roman Imperial Coinage. London, 1923–; SHA – Scriptorum Historiae Augustae. P. Magie (ed.). (Loeb). London, 1954; Zonar. – Zonaras. Epitome Historiarum. Dindorf (ed.). Leipzig, 1870; Zosim. – Zosimus. Historia Nova. F. Paschoud (ed.). Paris, 1971.

² При Валериане этот город получил название Civ. Col. Agripp. Aug. Valerian. Gallien. (CIL. XIII, 8261).

франков [13, С. 38]. Разрушения и перемещения ряда производств, в частности, гончарного, в другие локации указывают на потерю Колонией Агриппиной своего значения, на что также указывает тот факт, что изначально первый галльский император планировал сделать своей столицей именно Колонию Агриппину, но затем выбрал Августу Треверов (совр. Трир), расположенную в той же провинции, но дальше от лимеса. Тем более, Августа Треверов являлась резиденцией для высших представителей галльской аристократии, в ней располагались, согласно археологическим данным, богатые дома, а в округе – виллы знати [4, с. 464; 16, р. 409–410].

Уже в следующем 259 г. Постум сумел получить поддержку дислоцированных в регионе военных сил и местного населения, но, что более важно, местной аристократии, финансы которой были так необходимы, особенно на первом этапе. Более того, Постум сосредоточил в своих руках контроль над некоторыми, но значительными территориями западных провинций. Таким образом, галльский император вполне мог претендовать на власть в Риме: такое мнение было выражено некоторыми исследователями на основании самых разных легенд, встречающихся на монетах первого галльского императора [4, с. 455]. Этот аспект является дискуссионным, и решение может быть весьма неоднозначным. Дело в том, что в сложных военных условиях середины III в. Постум считался римским императором, потому что иного варианта (исключение – восточные титулы фактического правителя Пальмиры Одената) просто не существовало: провозглашенный римскими войсками император являлся римским императором, и его легитимность поддерживалась военными силами.

Пойдя на соглашение с Оденатом, Галлиен мог сосредоточить свои силы на уничтожении Постума, становившегося все более могущественным соперником, вполне реально опасаясь заключения союзов между Постумом и другими восставшими военачальниками, потому что такой союз угрожал власти римского императора и, возможно, существованию самой Римской империи.

Большая часть сведений о политике первого галльского императора до сих пор находилась в области предположений. Отдельную информацию предоставляли нумизматические данные, а сделанные за последние годы находки лишь подтвердили выдвинутые ранее гипотезы и, более того, предоставили новые сведения. Поэтому структуру управления «Галльской империи» считают если не копией, то схожей с системой управления Римской империей, в частности, в существовании сената, в который входили магистраты либо из числа военных и/или представителей галльской знати [2, с. 67, 141]. Неизвестно, в какой

степени были задействованы в системе управления представители Британии и Испании.

Придя к власти, Постум постепенно получил контроль над несколькими монетными дворами – в Лугдуна (совр. Лион), Нарбона, Августы Треверов (совр. Трир), Колонии-Агриппины (совр. Кёльн), а с середины 260-х гг. Медиолана (совр. Милан), которые стали чеканить его собственную монету [1, с. 136; 21, р. 855–860]. Исходя из того факта, что на огромных территориях оставалось значительное количество рудников, то можно говорить о том, что они продолжали свою работу на нового императора. С другой стороны, именно это обстоятельство опровергает факт контроля Постумом только одной прирейнской провинции.

Военные подразделения, оказавшиеся на момент провозглашения и признания Постума императором, имели различное происхождение, что ранее вызывало у исследователей недоумение [4, с. 449; 5, S. 218–279; 12, р. 27; 20, S. 89–91], однако в этот сложный период постоянные передислокации отдельных когорт и вспомогательных подразделений были необходимы и стали фактически нормой, кроме того, это была еще и попытка снизить политическое вмешательство армии. Современные исследователи указывают, что все военные подразделения, признавшие власть первого галльского императора, могли быть переформированы в новые военные структуры [14]. Более того, во главе этих подразделений были поставлены (или оставлены в случае присяги) верные офицеры, выстраивалась структура военного и административного управления в условиях территории «Галльской империи», не связанная с Римским государством. Остается нерешенным вопрос по поводу ретийских подразделений, которые должны оказаться под властью Постума после присяги наместника провинции, как и сам наместник Симплиций Гениалис, скорее всего, продолжал выполнять свои функции, но уже как наместник или легат в «Галльской империи» [2, с. 57].

Для оборонительной системы, воссоздаваемой первым галльским императором, требовалось укрепление и строительство фортов и лагерей, а также назначение трибунов и префектов. Интересную надпись и находки были сделаны на Рейне и Дунае, что позволило говорить о переброске отдельных подразделений из Британии на лимесы, а также о том, что оставшиеся в Паннонии, они могли полностью или частично слиться с подразделениями галльского императора [14, S. 139–141]. Об организации вспомогательных лагерей на лимесе для укрепления обороноспособности свидетельствуют также новые эпиграфические данные [Ibid., S. 140], и эти сведения можно было ранее только предположить на основании археологических данных, которые ясно указывали

на обширную программу строительства и реконструкции всей оборонительной системы региона [2, с. 78–99].

Сняв с себя полномочия наместника провинций, первый галльский император должен был обеспечить слаженное управление подчиненными территориями, поэтому возможно предположить, что им были проведены соответствующие назначения наместников и их аппарата. Нам, к сожалению, неизвестны имена этих военачальников за некоторым исключением. О том, что некоторые из должностных лиц присягнули галльскому императору и продолжили свою службу, свидетельствует одна надпись, отмеченная еще известным ученым Г. Дессау [11, р. 165], в которой указывается на то, что Цензор и Лепид, которые ранее были замечены в военно-административной системе Римской империи, получали консульские полномочия вместе с Постумом во временном промежутке 263–266 гг. или 267–268 гг. в «Галльской империи» [21, р. 907]. Также, безусловно, стоит отметить тех военачальников и офицеров, присягнувших первому галльскому императору подразделений, а также трибуна Викторина, перешедшего на его сторону вместе со своим подразделением и ставшим впоследствии преемником Постума. Некоторые подразделения за свою службу продемонстрировали особые качества, видимо, верность и отвагу, на что указывает присвоение им титула *Postumiana* (RIB I, 1883, 1886).

Интересное отличие политики Постума от политики Галлиена заключается в том, что галльский император продолжал назначать сенаторов на должности наместников с сохранением ими военных функций, а римский император проводил целенаправленную последовательную политику отстранения сенаторов от военной сферы (*Aur. Vict.*, XXXIII, 34) [9, р. 201; 10, р. 38]. Однако стоит отметить тот факт, что в сенате галльского императора, как и в римском, могли состоять назначаемые им магистраты, наместники, военачальники, обладающие военными функциями по долгу своей службы, как, впрочем, и сам Постум.

«Галльская империя» быстро расширила территорию за счет присяги Постуму не только Галлии, Нижней и Верхней Германий, Реции, но и Британии и Испании, что подтверждается, прежде всего, милевыми камнями, установленными в этих регионах, и эпиграфическими данными (RIB. I, 191, 590, 897, 1049, 1279, 2232, 2255, 2260; CIL. XIII, 6592; 6780; CIL. III, 3228; RIB. II/3, 2427), позволяющими утверждать, что власть над этими регионами сохраняли, по крайней мере, первые из наследников его власти.

Монеты Постума с реверсами *NEPT COMITI* и *NEPTVNO REDVCI* (RIC, Postum., 30, 76, 214–217) может, как предположил Дж. Манн, указывать на то, что он проводил «успешные операции в Северном

море» [22, р. 5]. Но Дж. Дринкуотер предполагает, что Постум отправился в Британию только для того, чтобы заручиться лояльностью острова [12, р. 168].

Вторым важным моментом была находка в Бонне, которая была ставкой наместника Постума и продолжала играть важную роль на рейнском лимесе. Об этой крепости было известно и раньше, именно положение Бонны стало тем фактом, на основании которого исследователи выводили предположение об изначальной должности будущего галльского императора – наместника Нижней Германии [8, р. 161–162; 12, р. 24–25; 17, р. 25–32; 20, S. 43–44; 25, S. 831–832]. Но если это было действительно так, то возможно, восстание на Рейне началось раньше, и это могло позволить Постуму подчинить себе Верхнюю Германию и Галлию, потому что к моменту провозглашения его императором, как указывают письменные источники, он контролировал эти территории. Можно ли разглядеть за словами античного автора, что бунт на Дунае и на Рейне – практически одновременное событие, ведь есть же предположение о том, что дунайские узурпаторы стремились к союзу с Постумом. Могло ли быть, что в результате вторжений германцев другой наместник был убит, именно этим вызвана необходимость отправить цезаря Салонина и префекта претория Сильвана на Рейн, но военная обстановка требовала согласованного, а зачастую – единоличного командования, обеспечить которое мог Постум.

Обнаружение победного алтаря в районе Бонн-Бюле указывает на осложнившееся положение этого сектора лимеса [13, S. 38–39]. Исходя из имеющихся данных, очевидно, что было масштабное вторжение, в результате которого галльскому императору Постуму пришлось предпринять ряд существенных действий. При этом исследователи полагают, что правый берег Рейна в этой части лимеса стал местом военных столкновений, и поражение германцев является лишь эпизодом, о чем свидетельствуют многочисленные монетные клады на территории Нижней Германии и постепенное разрушение секторов лимеса вместе с некоторыми крепостями и окрестными поселениями [Ibid., S. 39].

Информации, современной этому периоду, крайне мало, многие события в последующий период были перепутаны, подробности уже никто не мог рассказать, т.к. свидетелей не осталось, а вторжения германцев и расселение их на этой территории продолжалось. Поэтому неудивительно, что крупное военное столкновение в этом районе стало всего лишь одним из многочисленных, мелких и больших, военных сражений этого периода.

В 265 г., исходя из археологических и эпиграфических данных и выводов современных исследователей, «Галльская империя» оказалась

в одном шаге от своего крушения. В этот год Галлиен проводил военную кампанию против галльского императора под командованием командующего объединенными кавалерийскими силами Авреола и, очевидно, при личном участии самого римского императора. Возможно предположить, что активные военные действия, начатые Галлиеном в 264 г. (SHA, XXIII, 7; Zosim., I, 38; Zonar., XII, 24–25), могут являться не отдельными столкновениями, а этапами одной военной кампании против «Галльской империи». Неудачи первого и, скорее всего, спонтанного столкновения в 259 г., а затем уже продуманной и подготовленной кампании 264 г., когда, по свидетельству Зонары, Авреол, преследуя Постума по приказу Галлиена, имел возможность захватить «мятежника», но не стал этого делать (Zosim., I, 38; Zonar., XII, 24–25).

В 265 г. военную кампанию возглавил лично император Галлиен, прибывший для этой цели в регион (SHA, XXIII, 4; Zosim., I, 38; Zonar., XII, 24). Ему явно сопутствовала удача, вероятно, он объединил усилия нескольких талантливых военачальников этого периода, включая Авреола. Как результат, Постум с незначительной частью своих военных сил был отсечен от основных частей и вынужден был укрыться за оборонительными стенами ближайшего города – Вьенны, расположенного в долине р. Роны (SHA, XXIII, 9; Zonar., XII, 24; Pol. Silv., fr. 44–45). Существуют достаточно основательные доказательства, что Вьенна являлась одним из монетных дворов галльских императоров [23, р. 134; 24, р. 382].

Осада проходила сложно, неясно, то ли военные подразделения Галлиена устремились в погоню за галльскими, то ли оба императора оказались в стороне от основных военных действий с незначительными военными силами. Из сведений письменных источников известно, что Галлиен во время осады успел пообщаться с Постумом и был ранен стрелой (SHA, XXIII, 4; Petr. Patr., fr. 163; Anonym, fr. 6). По какой причине была снята осада – осталось неизвестным, возможно, военные подразделения Постума оказались возле города быстрее, и реальная угроза уже нависла над жизнью римского императора, либо здесь вновь вмешался Авреол, который вполне мог сообщить дезинформацию о продвижении военных сил Постума и спасти жизнь Галлиена.

Эта военная кампания на данный момент нашла свое подтверждение не только в письменных источниках, но и благодаря археологическим находкам, прежде всего, погребениями в Крефельд-Геллепе. Постум вынужден был отступить на север, а вот ранение Галлиена остается вопросом дискуссионным. В 266 г. первый галльский император чеканит монеты с пропагандой наступившего мира (RIC, 78–79), что свидетельствует об отступлении римских войск и императора Галлиена.

Это могло быть также связано с начавшимися брожениями в рядах войск, современные исследователи выдвигают предположение о мятежах внутри владений первого галльского императора, более того, именно военная кампания 265 г. основательно подорвала авторитет Постума, что, по мнению некоторых современных исследователей, и стало одной из причин бунта Лелиана и убийства самого Постума [7, S. 248; 13, S. 40; 20, S. 109]. Местная знать испытывала разочарование и оправданные опасения, с учетом того, что многие из них были близки римскому сенату. Возможно, эти очаги бунта целенаправленно подпитывались Галлиеном с целью расчленить «Галльскую империю», но эта поддержка, видимо, оказалась либо недостаточной, либо очаги недовольства были быстро изолированы и подавлены Постумом [13, S. 47].

Фактически нам ничего не известно о внутренней политике первого галльского императора, кроме тех, что можно выявить благодаря данным нумизматики и крайне скудных сведений из других источников.

В 1985 г. возле крепостных ворот г. Гелдубы (Крефельд-Геллеп), возведенных при Диоклетиане или Константине, найдена плита из песчаника толщиной 8–9 см, поврежденная с двух сторон. Сохранившаяся деталь имеет размеры 55,6 см в высоту и 39,8 см в ширину, в то время как первоначальный размер плиты около одного метра, поэтому можно утверждать, что сохранность составляет едва ли чуть более 35% от изначального текста, но и это большая научная удача. Интересно, что заметны следы использования поверхности для другой более ранней надписи, а новая надпись наносилась в явной спешке, судя по заметной разнице в высоте строк: 4,2–3,7–3,4 (до 3,2 и даже 3 см).

Imp. Caesar [M. Cassianius]

Latiniu[s Postumus]

p.f. invictus Au[g. p.m., tr. pot. X?, cos. III?, p.p]

per prodit[ionem hostium]

publicorum ba[lineum vi incendi]

consumptum a [fundament(is) refecit]

d(edicat-) [14, S. 143]

На плите невооруженным глазом заметно, что первые строки были намеренно повреждены. Датировка была проведена на основании сохранившегося имени императора Диоклетиана, нанесенного поверх другого имени, которое попытались уничтожить. Также известно, что сама крепость действовала в первой четверти IV в., но затем была заброшена и уничтожена, возможно, по причине вторжения и расселения германских племен.

Отсутствие необходимой информации в надписи может быть дополнено сведениями из других подобных же сохранившихся надписей с учетом количества букв и намеченных строк, в частности, надпись, размещенная на термах в Британии [13, S. 25]. Текст британской надписи указывает, что первый галльский император Постум через своего наместника в Британии, чье имя не сохранилось по причине повреждения надписи, для ala Sebussiana обновил балиней и базилику. Поэтому эти надписи оказываются единственными доказательствами деятельности первого галльского императора в направлении инфраструктурных изменений на территориях, входивших в «Галльскую империю». В надписи из Гелдубы Постум приказал восстановить термы, которые, вероятно, были разрушены в результате пожара в более раннее время и их точное расположение пока невозможно установить. Основной период восстановительных работ, по мнению современных исследователей, приходится на период непосредственно после фазы острого противостояния с Галлиеном – с 266 по 269 гг. [14, S. 143–144]. Надписи должны были доделать и прикрепить сразу по завершению работ, но с именем Постума явно возникают вопросы: либо имя было уничтожено позднее, что встречается на примере других памятников, например, надписи с победного алтаря из г. Аугсбурга, либо что его не успели нанести, т.к. пришло известие об убийстве первого галльского императора.

Что касается происходивших событий, которые могли стать причиной разрушения так и не завершенной постройки, как, очевидно, и многих других, то они связаны с последними годами правления первого галльского императора Постума. Исходя из комплекса источников известно, что установление власти Постума проходило относительно мирно, практически все военные подразделения (за некоторым исключением) и гражданское население в Галлии, обеих Германиях, Реции, Британии и на Пиренейском п-ове принесли ему присягу верности [2, с. 57]. Если это и сопровождалось вспышками недовольства, попытками бунта, то, скорее всего, они были не очень значительными, во всяком случае, сведений об этом не сохранилось, наоборот, письменные источники указывают на поддержку Постума (SHA, XXIV, III, 3; Zosim., I, 38).

Помимо организованных военных кампаний против «Галльской империи», началось и политическое противостояние галльского и римского императоров, которое заключалось в идеологической борьбе. Прежде всего, как провозглашенный император Постум отказался почитать культ Галлиена (а это включало многие аспекты, в т.ч. почитание Геня императора), но, в то же время, постарался ввести свой собственный императорский культ, который продолжили почитать его наследники, чтобы легитимизировать свою власть. Так, император Тетрик чеканит

монеты с изображением своих предшественников Постума и Викторина (RIC, Tetr. I, 197–199), тем самым стараясь укрепить заложенный императорский культ «Галльской империи», но уже явно объединяя его с римским, потому что на его монетах встречается изображение Клавдия II Готского (RIC, Tetr. I, 200).

Постум достаточно внимательно следил за чеканкой монеты своего противника Галлиена, и, видимо, наоборот [18, р. 337–338]. Это объясняет повторяющиеся монетные типы и легенды, в частности, атрибуты Геракла. Тем более, что Постум считал Геракла своим божественным покровителем [6]. Геракл выступает как умиротворитель (*Pacifer*) и покровитель древнего благочестия: вместе с императором приносит он жертву на алтарь (RIC, Postum., 135–136, 203–204) (см. также [15, р. 299]). Впервые на монетах Постума Геракл назван *Immortalis* и изображен влекущим за собой побежденного Цербера – символа смерти (Bastien, 52–55; RIC, Postum., 347) (см. также [15, р. 502–509]). На одной монете Геракл изображен очищающим авгиевы конюшни [4, с. 454; 6], не являлось ли это намеком на ситуацию в Римском государстве в целом и пониманием цели Постума в частности?

Сходство иконографии на монетах двух императоров можно проследить на примере легенд, посвященных юбилею правления: Постум праздновал *quinquennales*, а Галлиен – *decennales*, и хотя происходило это примерно с разницей в два года, тип отчеканенных монет имеет определенно сходство [18]. Особое внимание уделяется образу императора, сакрализации не только его власти, но и личности. Более того, монетные легенды, посвященные взаимоотношению императора и гражданского населения, военных подразделений, требовали особо пристального внимания. Поэтому, как уже указывалось выше, подразделения получали особые титулы, в т.ч. связанные с именем императора. На монетах позиционируется верность войск, их удачные походы, военные победы (RIC, Gallien., 11, 34, 39, 174 (medal.), 286, 348, 360, 362–363; Postum., 116, 123, 335). В отношении гражданского населения император изображается уделяющим пристальное внимание жалобщикам и просителям, законодателем, готовым решать внутренние проблемы (RIC, Postum., 276).

Идеологическая борьба между двумя императорами была гораздо более глубокой, чем видно на первый взгляд. Постум создавал собственную идеологическую основу, активно используя доступную ему пропаганду. Так, в этот сложный период Галлиен ввел культ *Sol* в официальный римский пантеон [3], но *Sol* появляется и на монетах галльского императора Постума [15, р. 568]. Изображение *Sol* с копьем имеет отсылку к культу Марса, являвшегося покровителем военного дела

и встречается на монетах тех императоров, которые вели продолжительные войны, в частности, Гордиана III, Аврелиана [1, с. 276], при этом на монетах последнего он имеет эпитет *Invictus*. Интересно, что, например, на монете первого галльского императора Постума, в образе Аполлона-Sol выступает сын и наследник императора (RIC, Postum., 18d). Как отмечает М.Г. Абрамзон, Sol входит в число божеств, регулярно встречающихся на штампах и клеймах, а их иконографическая близость свидетельствует об усилении «идеологического прессинга» в наиболее сложный период для Римской империи [Там же, с. 36].

Таким образом, новые археологические и эпиграфические данные значительно расширяют наше представление о политике первого галльского императора Постума, позволяют рассмотреть его конкретные мероприятия по становлению военной и гражданской инфраструктуры, системы управления, и уже на основании конкретных примеров выстроить основательный фундамент структуры «Галльской империи» в целом, а, кроме того, увидеть причины ее столь долгого существования в сложный период III в. Новые методы и взгляд под иным углом на уже, казалось бы, изученную проблему ярко продемонстрировали всю глубину политического противостояния императоров-соперников, которые в действительности использовали не только военные методы укрепления своей власти и авторитета, но и идеологические. При более пристальном рассмотрении может оказаться, что в период духовного кризиса и поисков в Римском государстве наибольшее значение имели именно они. На это указывает оформление структуры Церкви в этот период и проведение позднее религиозной реформы императором Аврелианом.

Библиографический список / References

1. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. [Abramzon M.G. *Monety kak sredstvo propagandy ofitsialnoy politiki Rimskoy imperii* [Coins as a means of propaganda of the official policy of the Roman Empire]. Moscow, 1995.]
2. Куликова Ю.В. «Галльская империя» от Постума до Тетриков. СПб., 2012. [Kulikova Yu.V. «Gallskaya imperiya» ot Postuma do Tetrikov [“Gallic Empire” from Postumus to Tetricks]. St. Petersburg, 2012.]
3. Куликова Ю.В. Культ Sol и религиозная реформа императора Аврелиана // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 3. С. 11–27. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-11-27 [Kulikova Ju.V. The Cult of Sol and the religious reform of the Emperor Aurelanus. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 3. Pp. 11–27. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-11-27]

4. Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. [Shtayerman Ye.M. Krizis rabovladelcheskogo stroya v zapadnykh provintsiyakh Rimskey imperii [The crisis of the slave system in the Western provinces of the Roman Empire]. Moscow, 1957.]
5. Alföldi A. The Numbering of the victories of the emperor Gallienus and the loyalty of his legions. *NC*. 1929. Ser. 5. Vol. 9. S. 218–279.
6. Bastien P. Les travaux d’Heracle dans le monnay age de Postum. *Revue numismatique française*. 1958. Vol. 6. No. 1. Pp. 60–78.
7. Bleckmann B. Die Reichskrise des III. Jahrhunderts in der spätantiken und byzantinischen Geschichtsschreibung. München, 1992.
8. Bouverier-Ajam M. Les Empereurs gaulois. Paris, 1984.
9. Chastagnol A. Le Sénat romain à l’époque impériale : recherches sur la composition de l’Assemblée et le statut de ses membres. Paris, 1992.
10. Christol M., Christol A. Essai sur l’évolution des carrières sénatoriales dans la seconde moitié du IIIe siècle ap. J.-C. Paris, 1986.
11. Dessau H. Le consulat sous les empereurs des Gaules. *Mélanges Boissier*. Paris, 1903.
12. Drinkwater J.F. The Gallic empire: Separatism and continuity in the North-Western provinces of the Roman empire A.D. 260–274. Stuttgart, 1987.
13. Eck W. Krise oder Nichtkrise – das ist hier die Frage. Köln und sein Territorium in der 2. Hälfte des 3. Jahrhunderts. *Crises and the Roman Empire: Proceedings of the 7th Workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June ed. 20–24, 2006)*. Vol. 7. O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes (eds.). Leiden; Boston, 2007. Pp. 23–44.
14. Eck W. Postumus und das Grenzkastell Gelduba. *Epigrafia di confine. Confine dell’epigrafia, Atti del Colloquio AIEGL – Borghesi 2003*. M.G. Bertinelli, A. Donati (éd.). Faenza, 2004. Pp. 139–153.
15. Elmer G. Die Münzprägung der Gallischen Kaiser in Köln, Trier und Mailand. Bonn, 1941.
16. Gansbeke van P. La mise en état de la défense de la Gaule au milieu du III-e siècle ap. *J. C. Latomus*. 1955. T. XIV. Pp. 405–425.
17. Gansbeke van P. Postume et Lélien gouverneurs de la Germanie inférieure? *RBN*. 1959. Vol. 105. Pp. 25–32.
18. Grandvallet C. L’affrontement idéologique entre Gallien et Postume : l’exemple des bustes casques et des bustes à attributes Herculéens. *Crises and the Roman Empire: Proceedings of the 7th Workshop of the International Network Impact of Empire (Nijmegen, June ed. 20–24, 2006)*. Vol. 7. O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes (eds.). Leiden; Boston, 2007. Pp. 337–354.
19. Kulikova Yu.V. To the question of the fate of the emperor Valerian I. *Znanstvena Misel*. 2019. No. 9–1 (34). Pp. 34–42.
20. König I. Die gallischen Usurpatoren von Postumus bis Tetricus. München, 1981. (Vestigia, Bd. XXXI).
21. Lafaurie J. L’Empire Gaulois apport de la numismatique. *ANRW*. 1975. Vol. II. No. 2. Pp. 855–1012.
22. Mann J.C. The historical development of the Saxon Shore. *The Saxon shore: A handbook*. V. Max et al. (eds.). Department of History and Archaeology; Exeter Studies in History 25. University of Exeter, 1989. Pp. 1–11.

23. Mowat R. Les ateliers monétaires impériaux en Gaule : principalement de Postume à Tetricus (258–273). *RN*. 3 ser. 1895. Vol. 13. Pp. 134–186.
24. The Roman Imperial Coinage. In 6 vol. H.M.A. Mattingly, E.A. Sydenham, P. Webb (eds.). London, 1968. Vol. V.
25. Schiller H. Geschichte der Römischen Kaiserzeit: I–II Bd. Bd. II. Gotha, 1883.

Статья поступила в редакцию 08.12.2024, принята к публикации 12.01.2025
The article was received on 08.12.2024, accepted for publication 12.01.2025

Сведения об авторе / About the author

Куликова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Yulia V. Kulikova – PhD in History; associate professor at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: yuv.kulikova@mpgu.su

А.М. Родригес-Фернандес

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Катар в эпицентре внутриаравийских пограничных конфликтов (XX в.)

Статья посвящена пограничным конфликтам и территориальным претензиям к эмирату Катар со стороны его аравийских соседей, в первую очередь Саудовской Аравии, Абу-Даби и Бахрейна на протяжении большей части XX в. Характерно, что эта конфликтная ситуация, во-первых, имеет многовековую историю, а во-вторых, является лишь одним из аспектов общеаравийской внутренней вражды, настоящей на борьбе племен за территории, оазисы, источники воды и караванные пути. Протогосударственные объединения создавались и распадались, а по мере их консолидации (к XX в.) бывшая вражда и кровная месть принимали характер общегосударственных конфликтов «все против всех». Так, в частности, разногласия между Катаром и Недждом (основа будущего Саудовского королевства) обострились после Первой мировой войны. С течением времени (особенно после обнаружения нефти) они обрели форму конкретных взаимных притязаний. На катарскую провинцию Эль-Уайд претендовал Абу-Даби (впоследствии Объединенные Арабские Эмираты) на том основании, что еще в XIX в. там обосновались отдельные кланы племени баниас, подданных катарского эмира. Более 200 лет назад начались территориальные и пограничные разногласия между Катаром и Бахрейном. В данной статье конфликтная ситуация рассматривается с позиций наиболее острых претензий к Катару (как и взаимных с его стороны). Но важно отметить, что это лишь небольшая часть общеаравийской внутренней вражды, основанной на давних территориальных спорах. Накал борьбы снизили внешние обстоятельства – иранская революция (1979 г.) и последующая ирано-иракская война, в которую насильно втягивались аравийские монархии. Общая опасность заставила не только отложить внутренние

© Родригес-Фернандес А.М., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

конфликты, но даже объединиться в «Совет сотрудничества» (4 февраля 1981 г.), ставшим, по сути, монархическим союзом по спасению и укреплению правящих династий.

Ключевые слова: Аравия, арабские племена, арабские монархии, территориальные конфликты на Арабском полуострове, протектораты Великобритании, иностранное вмешательство, сухопутные и морские границы на Арабском полуострове, союзы и анклавы в Аравии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Родригес-Фернандес А.М. Катар в эпицентре внутриарабских пограничных конфликтов (XX в.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 75–87. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-75-87

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-75-87

A.M. Rodrigues-Fernandes

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Qatar in the epicenter of intra-Arabian border conflicts (XX century)

The article is devoted to border conflicts and territorial claims to the Emirate of Qatar by its Arabian neighbors, primarily Saudi Arabia, Abu Dhabi, and Bahrain for most of the 20th century. It is characteristic that the conflict situation, firstly, has a centuries-old history, and secondly, it is only one of the aspects of the Pan-Arabian internal hostility, based on the struggle of tribes for territories, oases, water sources, and caravan routes. Proto-state associations were created and disintegrated, and as they consolidated (by the 20th century), the former enmity and blood feud took on the character of national conflicts, essentially “all against all”. So, in particular, the differences between Qatar and Nejd (the basis of the future Saudi Kingdom) escalated after the First World War. Over time (especially after the discovery of oil), they took the form of concrete mutual claims. Abu Dhabi (later the UAE) claimed the Qatar province of Al-Waid on the grounds that back in the 19th century

separate clans of the BaniAs tribe, subjects of the Qatar emir, settled there. More than 200 years ago, territorial and border disputes between Qatar and Bahrain began. In the article, the conflict situation is considered from the standpoint of the most acute claims against Qatar (as well as mutual claims on its part). But it is important to note that this is only a small part of the Pan-Arab internal feud, based on long-standing territorial disputes. The intensity of the struggle was reduced by external circumstances – the Iranian Revolution (1979) and the subsequent Iran-Iraq war, into which the Arabian monarchies were forcibly drawn. The common danger forced not only to postpone internal conflicts, but even to unite in the “Cooperation Council” (February 4, 1981), which essentially became a monarchical union to save and strengthen the ruling dynasties.

Key words: Arabia, Arab tribes, Arab monarchies, territorial conflicts in the Arabian Peninsula, British protectorates, foreign interference, land and sea borders in the Arabian Peninsula, alliances and enclaves in Arabia

CITATION: Rodrigues-Fernandes A.M. Qatar in the epicenter of intra-Arabian border conflicts (XX century). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 75–87. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-75-87

В течение ряда десятилетий практически отсутствовали точно установленные границы между Катаром и Саудовской Аравией. Обе стороны отказывались признать законным территориальное размежевание, осуществленное в соответствии еще с англо-турецкой конвенцией от 29 июля 1913 г. (так и не ратифицированной сторонами). Согласно этой конвенции, официально названной «Конвенцией Персидского залива», граница между Катаром и османским санджаком Неджд (вошедшим впоследствии в состав Саудовской Аравии) была определена «голубой линией», обозначенной на карте следующим образом: граница начиналась от пункта, расположенного посередине западного берега залива Эс-Сальва, и следовала строго на юг, где терялась в песках пустыни Руб-эль-Хали. «Голубая линия» отсекала от владений Османской империи на Аравийском п-ове территорию, входившую в зону «особых интересов» Англии, решала спорные вопросы между Османской империей и Англией относительно сфер влияния в районе Персидского залива. Интересы арабских племен и племенных союзов при этом просто не принимались во внимание. Между тем арабы не раз протестовали против «голубой линии». Если их протесты оставались безрезультатными, то главным образом из-за того, что между ними не было единства. Более того, местные шейхи чаще всего враждовали друг с другом,

причем основной причиной вражды являлись именно территориальные споры и притязания.

Разногласия между Катаром и Недждом, касавшиеся проблемы границ, обострились после Первой мировой войны. С течением времени они обрели форму более или менее конкретных взаимных территориальных притязаний, которые стали особенно масштабными, когда в Восточной Аравии столкнулись интересы крупнейших нефтяных монополий Англии и США. Попытки Лондона и Вашингтона собственными силами добиться хотя бы условного размежевания зон «деловых интересов» ничего не дали, ибо англичане упорно отстаивали законность конвенции от 29 июля 1913 г., а американцы столь же упорно отказывались признать «голубую линию» [3, с. 83].

29 мая 1933 г. Ибн Сауд подписал соглашение о предоставлении «Стандард Ойл Компани оф Калифорния» концессии на разведку и добычу нефти в районе Эль-Хасы на побережье Персидского залива; 13 мая 1934 г. он официально заявил о непризнании англо-турецкой конвенции от 29 июля 1913 г. [2, с. 47]. Прямая связь между этими событиями не вызывала сомнений. Англии пришлось пойти на переговоры.

3 апреля 1935 г. саудовский представитель Фуад Хамза предложил следующий вариант границы с Катаром: пограничная линия должна была начинаться на побережье залива Эс-Сальва (примерно в 15 км к северу от селения Сальва) и следовать в широтном направлении (слегка изгибаясь к югу) до противоположного берега полуострова, где она отсекала от владений Катара залив Эль-Удайд, оставляя ему ту часть берега, вдоль которого тянется возвышенность (цепь холмов) Накиян. На приложенной к меморандуму карте пограничная линия была обозначена красной краской и поэтому в документах стала называться «красной линией» (или «линией Фуада») [6, с. 94].

Британское правительство отвергло «красную линию» и 25 ноября 1935 г. предложило (с учетом интересов «Катар Петролеум Компани») свой вариант: пограничная линия (названная «линией Рияда») начиналась у вершины залива Эс-Сальва (в 5–6 км к северу от селения Сальва), следовала в юго-восточном направлении, огибала южную оконечность Себхат-Матти и, отклонившись еще более к востоку, следовала далее вдоль северной оконечности пустыни Руб-эль-Хали до 55° восточной долготы [2, с. 58]. «Линия Рияда» отсекала владения Саудовской Аравии от территорий британских протекторатов Катар и Договорный Оман.

Саудовская Аравия, за спиной которой стояли США, отклонила предложение Англии. Продолжению переговоров помешала Вторая мировая война.

28 мая 1949 г. Ибн Сауд издал декрет, который устанавливал юрисдикцию и контроль Саудовской Аравии над примыкающей к ее побережью зоной континентального шельфа, определял режим территориальных вод королевства и устанавливал их ширину (6 морских миль). По инициативе Англии 8 июня 1949 г. аналогичный декрет издал правитель Катара (правда, в отличие от Саудовской Аравии ширина территориальных вод Катара в соответствии с английским морским законодательством 1878 г. была определена в 3 морские мили). Все это подтолкнуло обе стороны к возобновлению переговоров о границах.

14 октября 1949 г. Эр-Рияд предъявил притязания на шестую часть п-ова Катар, часть прилегающего к его территории шельфа и некоторые прибрежные острова. В Лондон поступило следующее предложение, касающееся в первую очередь сухопутной границы: пограничная линия должна была начинаться на побережье залива Эс-Сальва в точке, где ее пересекает параллель $24^{\circ}56'$ с.ш., следовать в восточном направлении до точки с координатами $24^{\circ}56'$ с.ш. и $51^{\circ}00'$ в.д., а от нее – до противоположного побережья и заканчиваться в точке, определяемой $24^{\circ}48'$ с.ш. Лондон отверг это предложение, сославшись на положения англо-турецкой конвенции от 29 июля 1913 г. Переговоры зашли в тупик [10, с. 103].

Они возобновились лишь 8 августа 1951 г. Но и на этот раз границы между Катаром и Саудовской Аравией определены не были.

В январе–феврале 1952 г. в Даммаме состоялся «круглый стол», в работе которого приняли участие представители Англии, Саудовской Аравии, Катара, Договорного Омана и Маската. Катар предложил свой вариант границы с Саудовской Аравией: пограничная линия должна была начинаться на побережье залива Эс-Сальва у селения Хорэль-Бурейд (в 8–9 км к северу от Сальвы), следовать на юго-восток до селения Сауда-Натиль, затем, отклонившись к востоку, приблизиться к селению Аклят-Манасир и оттуда, сделав поворот к северо-востоку, проследовать до ближайшего берега залива Эль-Удайд. Свои предложения сделали и другие участники конференции, но все они были отвергнуты. В результате «круглый стол» в Даммаме провалился. Воспользовавшись этим, Англия настояла на том, чтобы правитель Катара 13 декабря 1952 г. подписал соглашение о предоставлении «Шелл Компани оф Катар» концессии площадью 26 тыс. км² на разведку и добычу нефти в территориальных водах и континентальном шельфе [9, с. 29].

Резкое обострение международной обстановки на Ближнем и Среднем Востоке вынудило стороны предпринять еще одну попытку решить пограничную проблему. 26 октября 1955 г. правительство Англии выдвинуло очередной вариант разграничения, взяв за основу предложение

Катара от 29 января 1952 г. и внеся в него незначительные изменения. Саудовская Аравия отвергла и этот вариант. В 1956 г. переговоры были прерваны, поскольку под влиянием англо-франко-израильской агрессии против Египта Саудовская Аравия разорвала дипломатические отношения с Англией [7, с. 136].

В 1958 г., напуганные успехами революционно-демократических сил на Арабском Востоке, правящие круги Саудовской Аравии проявили заинтересованность в урегулировании территориальных и пограничных разногласий с соседними странами. Одним из свидетельств этого явилась попытка короля Сауда наладить личные контакты с правителями шейхств Восточной Аравии.

В начале декабря 1959 г. саудовский монарх посетил Доху, где вел переговоры с правителем Катара. Однако они оказались безрезультатными: Сауд настаивал на установлении сухопутной границы между двумя странами несколько севернее Сальвы (от указанной им точки должна была начинаться и морская граница в заливе Эс-Сальва); правитель Катара считал, что отправной точкой для сухопутной и морской границ должно было быть признано именно селение Сальва.

Переговоры возобновились лишь в 1963 г., после того как правитель Катара предоставил американской «Континентал Ойл Компани» концессию на разведку и добычу нефти на площади 23 тыс. км², расположенных как на суше, так и на континентальном шельфе (включая залив Эс-Сальва), а король Саудовской Аравии выступил с резким протестом против этого. Правительство Англии, воспользовавшись восстановлением дипломатических отношений с Саудовской Аравией, попыталось выступить в роли третейского судьи, но успеха не добились.

Переговоры длились два года. В декабре 1965 г. Катар и Саудовская Аравия подписали соглашение о демаркации сухопутной границы и границ территориальных вод и континентального шельфа в заливе Эс-Сальва. Англия в принципе одобрила соглашение, которое предусматривало, что сухопутная и морская границы между Катаром и Саудовской Аравией должны начинаться на побережье залива Эс-Сальва (несколько севернее Сальвы); при этом сухопутная граница должна была следовать на восток (с некоторым отклонением в средней части к югу) до залива Эль-Удайд, а морская – на север при почти равном удалении от берегов залива Эс-Сальва до соединения с бахрейнско-саудовской морской границей [11, с. 78].

Вскоре после заключения соглашения смешанная катаро-саудовская комиссия (при участии английских специалистов) приступила к демаркации сухопутной и морской границ. Однако из-за возникновения ряда спорных вопросов демаркационные работы были прерваны. Они

возобновились после того, как 1 сентября 1971 г. эмират Катар обрел независимость и обе стороны пошли по пути смягчения противоречий, которые ранее в значительной степени вызывались борьбой между нефтяными монополиями Англии и США. Весьма важную роль сыграло заключение в 1974 г. катаро-саудовского соглашения о систематическом проведении взаимных консультаций по всем вопросам внешней и внутренней политики. Все это позволило завершить демаркационные работы [8, с. 34–35].

Территориальные и пограничные разногласия между Катаром и Абу-Даби (затем ОАЭ), в основном, касались части побережья, примыкающего к заливу Эль-Удайд, а также части прибрежных вод и шельфа в Персидском заливе с находящимися там островами и островками.

Вплоть до 1970-х гг. на район залива Эль-Удайд претендовали Катар, Абу-Даби и Саудовская Аравия.

Свои исторические права на этот район правитель Абу-Даби обосновывал тем, что еще в конце 1960-х – начале 1970-х гг. здесь обосновались отдельные роды племени бани-ас – выходцы из Абу-Даби. Однако известно, что, когда в 1871 г. п-ов Катар был насильственно присоединен к владениям Османской империи, бани-ас были изгнаны из района залива Эль-Удайд. Тогда же по рекомендации англичан, обеспокоенных проникновением турок в Восточную Аравию, правитель Абу-Даби начал борьбу за возвращение ему утраченной территории; в ответ турецкий наместник оказал давление на правителя Катара, и тот опротестовал притязания Абу-Даби на указанный район. Конфликт осложнился после того, как ваххабитские лидеры, одинаково враждебно относившиеся к англичанам и к туркам, объявили район залива Эль-Удайд частью своих владений [9, с. 18].

В 1880–1886 гг. Катар, поддерживаемый Портой, неоднократно предпринимал попытки добиться решения спора в свою пользу. Однако все они наталкивались на противодействие со стороны Англии и оканчивались провалом.

После заключения англо-турецкой конвенции от 29 июля 1913 г. британские власти односторонним решением присоединили район залива Эль-Удайд к владениям Абу-Даби. Правитель Катара опротестовал это решение. Не признали его и ваххабитские лидеры [Там же, с. 27].

В 1920–1930-х гг. вопрос о принадлежности района залива Эль-Удайд, а также прилегающих к п-ову Катар территориальных вод и шельфа оставался открытым. Ситуация осложнилась из-за негласного, но весьма активного вмешательства в конфликт английских и американских нефтяных монополий. Попытки британской политической резидентуры Персидского залива примирить Катар и Абу-Даби ничего не дали.

Безрезультатными оказались и переговоры Англии, представлявшей интересы Катара и Абу-Даби, с Саудовской Аравией.

Между тем борьба западных нефтяных монополий за концессии в Восточной Аравии обострялась. Все настоятельнее ощущалась необходимость в принятии конкретных решений. 8 и 10 июня 1949 г. Катар и Абу-Даби опубликовали декреты, устанавливавшие ширину и режим их территориальных вод, а также права на прилегающие к их территориям части континентального шельфа. После этого ситуация еще более осложнилась.

В том же году британской политической резидентуре Персидского залива удалось организовать переговоры по территориальным и пограничным вопросам между Катаром и Абу-Даби. Однако с самого начала эти переговоры зашли в тупик. Катар упорно настаивал на удовлетворении его притязаний на район залива Эль-Удайд. В свою очередь, Абу-Даби потребовало передачи ему прав владения на о. Халуль и ряд других мелких островов (например, Шураава). Переговоры были прерваны [6, с. 192].

Новая попытка Англии добиться урегулирования конфликта также ничего не дала. Единственным конкретным результатом конференции, состоявшейся в Лондоне 8–24 августа 1951 г., было решение отложить обсуждение территориальных и пограничных вопросов. Что же касается «круглого стола», проведенного в Даммаме в январе–феврале 1952 г., то она лишь осложнила положение дел. Делегаты Катара и Абу-Даби представили взаимоисключающие варианты решения проблемы, которые к тому же полностью отрицали права Саудовской Аравии на восточное побережье п-ова Катар и прилегающую к нему часть территориальных вод. Как и прежде, ни одна из сторон не была склонна уступить, и конференция прекратила работу [Там же, с. 201].

Открытие в конце 1950-х – начале 1960-х гг. новых месторождений нефти и газа в восточной части Персидского залива сделало вопрос о границах еще более важным. С согласия правителей Катара и Абу-Даби в начале 1962 г. им занялись британские эксперты. Решение комиссии было таково: о. Халуль должен принадлежать Катару, а расположенный южнее о. Дайина – Абу-Даби. 10 марта 1962 г. шейх Катара особым декретом подтвердил свое согласие с этим решением. Шейх Абу-Даби никак не отреагировал на него, поскольку оставался открытым вопрос о принадлежности района залива Эль-Удайд.

Во второй половине 1960-х гг. с согласия британской политической резидентуры Персидского залива правители Катара и Абу-Даби вступили в прямые переговоры по всему комплексу спорных вопросов. Англия сохранила за собой право контроля. Саудовской Аравии пришлось довольствоваться ролью наблюдателя.

Переговоры проходили трудно и сильно затянулись. Лишь 20 марта 1969 г. правители Катара и Абу-Даби подписали наконец соглашение о демаркации сухопутной и морской границ.

Вопрос о принадлежности района залива Эль-Удайд был решен с учетом взаимных интересов: этот район был поделен пополам, причем пограничная линия прошла по всей длине залива на равном расстоянии от его берегов; северная часть района отошла к Катару, южная – к Абу-Даби (ОАЭ).

29 мая 1970 г. это соглашение было официально зарегистрировано в Секретариате ООН. Демаркация границ территориальных вод и континентального шельфа была завершена к концу 1970 г., а в 1973 г. соглашение было как бы дополнительно подтверждено началом совместной эксплуатации месторождения нефти в районе Эль-Бундук [7, с. 56–57].

Территориальные и пограничные разногласия между Катаром и Бахрейном, которые разделяет пролив шириной 33,5 км, начались более 200 лет назад.

В XVIII – начале XIX вв. п-ов Катар фактически находился под контролем правителей Бахрейна. Но с 31 января 1861 г., когда был подписан англо-бахрейнский договор о протекторате, отношения между Катаром и Бахрейном перешли в сферу компетенции британской политической резидентуры Персидского залива, хотя шейхи из династии аль-Халифа рассматривали их как внутреннее дело шейхства Бахрейн.

13 сентября 1868 г. правители Катара и Бахрейна заключили мирный договор, закрепивший за Англией роль арбитра во всех спорах и конфликтах, которые существовали или могли возникнуть между сторонами в будущем. «Права» британских властей были окончательно узаконены после подписания англо-катарского соглашения 1882 г.

Тем не менее в конце XIX в. отношения между Катаром и Бахрейном были весьма натянутыми. Дело дошло до того, что в начале XX в. правитель Бахрейна официально обратился к правительству Англии с настоятельной просьбой подтвердить законность его прав на владение п-овом Катар. Получив отказ, он не счел вопрос окончательно решенным.

Притязания Бахрейна на п-ов Катар автоматически утратили силу после того, как 3 ноября 1916 г. было подписано англо-катарское соглашение о протекторате. Бахрейнский правитель смирился с этим, однако потребовал передать под его управление северо-западную часть полуострова с центром в Эз-Зубаре [9, с. 16].

После окончания Первой мировой войны территориальные и пограничные разногласия продолжали омрачать отношения между Катаром и Бахрейном. Катар отказывался признать какие-либо права Бахрейна на район Эз-Зубары и на прилегающие к нему территориальные воды

и, в свою очередь, добивался признания за ним права владеть группой островов, включая о. Хавар. Бахрейн продолжал настаивать на своем. Попытки британской политической резидентуры Персидского залива навязать Катару и Бахрейну собственный вариант решения проблемы ничего не дали.

После того как в 1928 г. концессию на разведку и добычу нефти на Бахрейне приобрела «Стандард Ойл Компани оф Калифорния», правитель Катара фактически подчинил своей власти район Эз-Зубары. Протесты Бахрейна долгое время оставались без внимания, и только в 1937 г. по инициативе британского политического резидента Персидского залива наконец начались катаро-бахрейнские переговоры. Предложение правителя Бахрейна, в котором содержался фактический отказ от притязаний на предполагаемые нефтяные месторождения в районе Эз-Зубары при условии, что катарская сторона откажется от притязаний на сам этот район, было отвергнуто правителем Катара. В результате переговоры зашли в тупик. В следующем году представители британской политической резидентуры Персидского залива предприняли очередную попытку примирить участников конфликта признанием прав Катара на район Эз-Зубары, а Бахрейна – на о. Хавар и соседние островки. Однако вскоре началась Вторая мировая война, и переговоры были прерваны.

Во время войны и в первые послевоенные годы район Эз-Зубары формально находился под юрисдикцией правителя Катара, а расположенный всего в 2,8 км к западу от полуострова о. Хавар – под юрисдикцией правителя Бахрейна. Это вовсе не означало, что катаро-бахрейнские территориальные и пограничные разногласия наконец оказались урегулированными. И в Дохе, и в Манаме выражали неудовольствие упомянутым решением британской политической резидентуры Персидского залива. Отсутствием демаркированных морских границ между Катаром и Бахрейном были недовольны и западные нефтяные монополии [2, с. 163].

В начале 1950-х гг. катаро-бахрейнские переговоры возобновились. Хотя правитель Бахрейна к тому времени фактически отказался от притязаний на Эз-Зубару и готов был решить другие спорные вопросы, правитель Катара категорически опротестовал отторжение от его владений о. Хавар и соседних островков. В результате переговоры были прерваны.

Урегулирование разногласий стало еще более необходимо после того, как спорными районами континентального шельфа заинтересовались американские «Континентал Ойл Компани» и «Бахрейн Петролеум Компани» (БАПКО). В связи с этим в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

при содействии англичан правители Катара и Бахрейна возобновили переговоры, но безуспешно, хотя британские эксперты успели подготовить проект разграничения смежных районов континентального шельфа.

Очередной диалог между правителями Катара и Бахрейна состоялся только в 1967 г. Обе стороны признали необходимость скорейшего решения территориальных и пограничных споров и, тем не менее, вновь не сумели договориться. Камнем преткновения и на этот раз стал вопрос о принадлежности о. Хавар и окружающих его островков.

Проблема демаркации морских границ приобрела особую актуальность после того, как в 1971 г. Катар и Бахрейн обрели политическую независимость. К тому же разграничения континентального шельфа между эмиратами в это время стали добиваться заинтересованные нефтяные компании – «Континентал Ойл Компани» и «Сьюпериор Ойл Компани».

В августе 1974 г. в Лондоне состоялся очередной тур катаро-бахрейнских переговоров. Практически дело свелось к рассмотрению проекта решения спорных проблем, подготовленного британскими экспертами. Поскольку этот проект не удовлетворил обе стороны, переговоры опять зашли в тупик. Стремясь предотвратить их полный провал, правитель Катара предложил в качестве компенсации за о. Хавар и прочие острова часть шельфа, а в случае обнаружения на о. Хавар нефти – 10 млн долларов ежегодно. Правитель Бахрейна отверг это предложение, и переговоры были прерваны.

Попытки короля Саудовской Аравии помочь правителям Катара и Бахрейна найти компромиссное решение также ничего не дали, хотя этот высокопоставленный арбитр в 1975–1976 гг. не раз посещал оба эмирата. В ноябре 1977 г. в Тунисе во время работы Совета Лиги арабских государств министры иностранных дел Катара и Бахрейна в присутствии представителя Саудовской Аравии обсудили спорные вопросы, но также не добились взаимоприемлемого решения.

Положение дел приняло угрожающий характер летом 1978 г. Поводом для резкого обострения отношений послужили военные маневры, проведенные с санкции правителя Бахрейна в районе о. Хавар. В ответ на эту демонстрацию силы правитель Катара санкционировал арест нескольких бахрейнских рыболовных судов. Лишь благодаря вмешательству короля Саудовской Аравии, предложившего организовать встречу сторон в Эр-Рияде, удалось предотвратить катаро-бахрейнский вооруженный конфликт.

Проблема разграничения территориальных вод и континентального шельфа между Катаром и Бахрейном, а также урегулирования спора

из-за принадлежности о. Хавар и группы других островов так и осталась нерешенной. Конфликт между этими двумя эмиратами то затухает, то вновь разгорается. В марте 1980 г. правитель Катара заявил резкий протест в связи с тем, что в водах, оспариваемых обоими эмиратами, были опять проведены учения бахрейнских военно-морских сил. Протест был оставлен без внимания [4, с. 121–122].

В целом, можно констатировать, что катаро-бахрейнский, катаро-саудовский, а также и ряд множества других внутриаравийских пограничных конфликтов, взаимных претензий и вражды династов так и не были полностью разрешены вплоть до наших дней. Не разрешены, не урегулированы, но весьма основательно заморожены. Основанием для этого стала не какая-то отдельная, даже знаковая причина, а целый комплекс обстоятельств, радикально изменивших не только региональную, но и геополитическую ситуацию. Разразившаяся в Иране шиитская революция привела к возникновению 1 апреля 1979 г. Исламской Республики Иран. В свою очередь, это резко изменило характер взаимоотношений между Ираном и Ираком. А это лишь стало прелюдией к жестокой войне 1980–1988 гг. между давно враждебными друг другу странами. С одной стороны, война принесла с собой грозную опасность для всех без исключения аравийских монархий. С другой стороны, эта опасность заставила их максимально консолидироваться, максимально снизить накал взаимных претензий и, используя временную свободу действий, интегрироваться в единую экономическую и политическую структуру – Совет сотрудничества аравийских государств Персидского залива (4 февраля 1981 г.). Этот вынужденный и, по сути, монархический союз по спасению и укреплению правящих династий заставил их на долгое время загнать вглубь, закамуфлировать многие поколения копившиеся взаимные претензии, споры и вражду.

Библиографический список / References

1. Al-Baharna H.M. The legal status of the Arabian Gulf States. A study of their treaty relations and their international problems. Manchester, 1968.
2. A Handbook of Arabia. Vol. 1–2. London, 1920.
3. Arabia: The Gulf and the West. London, 1980.
4. Arabia after the Storm. London, 1993.
5. Finnie D.H. Desert Enterprise. Cambridge, 1958.
6. Great Britain. British Foreign and State Papers. Vol. 96 (1920–1969). London, [n.d.].
7. Handbook of Arabia. London, 1981.
8. Persian Gulf. Handbooks prepared under the direction of the Historical Section of the Foreign Office. № 86. London, 1992.

9. Qatar Today. Nairobi. [n.d.].
10. The Cambridge history of British foreign policy (1783–1919). Vol. 3. Cambridge, 1923.
11. The Middle East. 1982, London, 1983.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025, принята к публикации 09.02.2025

The article was received on 12.01.2025, accepted for publication 09.02.2025

Сведения об авторе / About the author

Родригес-Фернандес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Aleksander M. Rodrigues-Fernandes – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: am.rodriiges-fernandes@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-88-107

УДК 94:(327.54+342.7)

И.Г. ЖиряковГосударственный университет просвещения,
105005 г. Москва, Российская Федерация

Права человека и положение в Австрии бывших граждан СССР еврейской национальности в конце 1970-х – начале 1980-х гг. (взгляд советских дипломатов)

В статье на основе архивных документов, хранящихся в МИД РФ, принята попытка расширить представления о положении в Австрии бывших граждан СССР еврейской национальности, об участии австрийских властей в транзите этих бывших советских граждан в Израиль или другие страны в контексте развернувшейся после Хельсинского совещания жесткой дискуссии о правах человека в СССР и других странах социализма. Австрийское руководство, много лет стремившееся не переносить идеологические разногласия на внешнеполитическую деятельность вообще и на отношения Австрии с СССР в частности, под давлением США и их союзников возвело вопрос о правах человека в ранг государственной политики. Австрия одной из первых стран Запада поддержала идею американской администрации по правам человека и стала активным проводником этой политики на социалистические страны. Анализ документов Посольства СССР в Австрии поможет дать ответы на следующие вопросы: под нажимом каких внутренних сил австрийские власти поддержали американский проект борьбы за права человека в странах социализма; как обстояли дела с правами человека в самой Австрии; каково было положение бывших советских граждан еврейской национальности в Австрии; как происходил прием и размещение в Австрии бывших советских граждан еврейской национальности; как происходило оформление выезда из Австрии бывших советских граждан; какие организации участвовали в решении вопросов приема, размещения и оформления в Австрии бывших советских

© Жиряков И.Г., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

граждан еврейской национальности; каковы были особенности положения в Австрии бывших советских граждан еврейской национальности, вернувшихся из Израиля и других стран. Изучение архивных документов, отражающих уже давно ушедшую эпоху, позволяет вопреки распространенному в постсоветское время мнению утверждать, что далеко не все суждения советских дипломатов относительно прав человека на Западе и в СССР были политизированными и искаженными. Прошедшее время показало, и нынешняя международная действительность подтверждает, что истинной целью борьбы за права человека в СССР было не столько улучшение состояния с этими правами, и даже не установление в стране демократического и правового государства, а ослабление геополитического соперника США, как бы он ни назывался – Советским Союзом или Российской Федерацией.

Ключевые слова: права человека, Хельсинское совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, Заключительный акт, идеологическая борьба, пропаганда, сионистские организации, «возвращенцы», «невозвращенцы»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Жиряков И.Г. Права человека и положение в Австрии бывших граждан СССР еврейской национальности в конце 1970-х – начале 1980-х гг. (взгляд советских дипломатов) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 88–107. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-88-107

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-88-107

I.G. Zhiryakov

State University of Education,
Moscow, 105005, Russian Federation

Human rights and the situation in Austria of former Soviet citizens of Jewish nationality in the late 1970's – early 1980's (the view of Soviet diplomats)

Based on archival documents kept by the Russian Foreign Ministry, the article attempts to expand the understanding of the situation in Austria of former Soviet citizens of Jewish nationality, about the participation

of the Austrian authorities in the transit of these former Soviet citizens to Israel or other countries in the context of the fierce discussion about human rights in the USSR and other socialist countries that unfolded after the Helsinki Meeting. The Austrian leadership, which for many years sought not to transfer ideological differences to foreign policy activities in general, and to Austria's relations with the USSR, in particular, under pressure from the United States and its allies, raised the issue of human rights to the rank of state policy. Austria was one of the first Western countries to support the idea of the American administration on human rights and became an active promoter of this policy in socialist countries. An analysis of documents from the USSR Embassy in Austria will help provide answers to the following questions: under pressure from what internal forces the Austrian authorities supported the American project of the struggle for human rights in socialist countries; what was the situation with human rights in Austria itself at that time; what was the situation of former Soviet citizens of Jewish nationality in Austria; how was the reception and placement in Austria of former Soviet citizens of Jewish nationality; how was the exit of former Soviet citizens from Austria processed; what organizations participated in resolving issues of reception, placement and registration of former Soviet citizens of Jewish nationality in Austria; what were the peculiarities of the situation in Austria for former Soviet citizens of Jewish nationality who returned from Israel and other countries. The study of archival documents reflecting a bygone era makes it possible, contrary to popular opinion in the post-Soviet period, to assert that not all judgments of Soviet diplomats regarding human rights in the West and in the USSR were politicized and distorted. The past time has shown and the current international reality confirms that the true goal of the struggle for human rights in the USSR was not so much to improve the state of these rights, or even to establish a democratic and rule of law state in our country, but to weaken the geopolitical rival of the United States, no matter what it was called – the Soviet Union or the Russian Federation.

Key words: human rights, Helsinki Conference on Security and Cooperation in Europe, Final Act, ideological struggle, propaganda, Zionist organizations, “returnees”, “defectors”

CITATION: Zhiryakov I.G. Human rights and the situation in Austria of former Soviet citizens of Jewish nationality in the late 1970's – early 1980's (the view of Soviet diplomats). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 88–107. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-88-107

Тема прав человека была одной из ведущих в общественно-политической лексике в странах Европы, США и Канады после принятия Заключительного акта Совецанием по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки 1 августа 1975 г., одним из важнейших разделов которого было согласованное решение о сотрудничестве в гуманитарной области [2, с. 63–90]. Особенно была востребована проблема личных прав, связанных со свободой передвижения и выбора места жительства, также нашедшая отражение в Заключительном акте [Там же, с. 64–68].

В советской исторической литературе утверждалось, что идея проведения общеевропейского совещания принадлежала Советскому Союзу, хотя в некоторых западных и нынешних отечественных публикациях это утверждение ставится под сомнение [4, с. 12–15]. Бесспорным является то, что СССР принял активное участие в подготовке и проведении хельсинского форума. Свой посильный вклад внесла и Австрия [3].

Казалось, что после Хельсинского совещания сняты были все препятствия на пути гуманитарного сотрудничества. Однако дальнейшее развитие событий показало, что это далеко не так. «Партнеры» США придерживались точки зрения о том, что Хельсинский акт, включая, естественно, и положение о международном сотрудничестве в гуманитарной сфере, обладает всеми чертами международного договора, подлежащего обязательному выполнению [1, с. 25].

СССР, признавая в целом эту точку зрения, все же отмечал при этом, что Заключительный акт закрепил принцип невмешательства во внутренние дела государств, и потому всякое давление на внутривнутриполитическую жизнь считал неприемлемым. Сегодняшние юристы, проанализировав тексты Заключительного акта на разных языках, приходят к выводу о том, что термины «вмешательство» и «интервенция» тогда понимались как синонимы [5, с. 469].

Обострение международных отношений в конце 1970-х гг. было во многом связано, как полагают на Западе, с нарушением прав человека в СССР и других странах социализма. Отчасти это так. Но при этом нельзя отрицать и тот факт, что США и их союзники сознательно, последовательно и агрессивно стали после Совещания продвигать идею переноса проблематики прав человека внутри отдельных стран на международный уровень. Администрация президента США Р. Рейгана включила в свою антисоветскую программу действий и положение о соблюдении прав человека в СССР [6, с. 100].

На эту программу живо откликнулась и нейтральная Австрия, чье руководство немало лет пыталось не связывать свою внешнюю политику с идеологической борьбой. Советские дипломаты в Вене констатировали в начале 1980-х гг.: «Со времени подписания Заключительного

акта Хельсинки Федеральное правительство Австрии возвело вопрос о правах человека в ранг государственной политики. Австрия одной из первых стран Запада поддержала идею американской администрации по правам человека и стала активным проводником этой политики на социалистические страны Европы»¹. «Следуя в русле идеологической пропаганды Запада, Австрия стремится, – отмечали работники Посольства СССР в Вене, – использовать вопрос о правах человека в качестве предварительного условия на переговорах с социалистическими странами по проблемам безопасности и сотрудничества в Европе, продолжения процесса разрядки, ограничения гонки вооружений и так далее»².

На международном уровне Австрия постоянно занимала в рассматриваемые годы проамериканскую позицию в вопросе о правах человека. Так, в январе 1982 г. Австрия одной из первых поддержала идею американской делегации обсудить в Комитете ООН по правам человека вопрос «О нарушении прав человека в Польше», а также прогласовать за проект, внесенный делегацией США по данному вопросу³.

Советские дипломаты в Вене уверяли свое руководство в Москве, что «под нажимом идеологических центров Запада средства массовой информации Австрии проводят в стране крупномасштабную клеветническую кампанию по поводу мнимого нарушения прав человека в Советском Союзе и других социалистических странах», подчеркивая при этом, что эти СМИ «силятся доказать, что существующий в Советском Союзе и других странах Восточной Европы общественный строй не в состоянии обеспечить права человека, в результате чего “западные демократии” должны осуществлять контрольные функции по соблюдению прав человека и выполнения СБСЕ в социалистических странах»⁴.

Советские дипломаты в Вене упрекали австрийские власти в том, что те открыто «поддерживали деятельность австрийской секции международной амнистии, которая посредством дезинформации австрийской общественности стимулировала антисоветские настроения в Австрии, что многочисленные комитеты этой организации регулярно засылали в Совпосольство и другие советские учреждения в Австрии петиции об “освобождении политических заключенных” и “нарушениях прав человека” в Советском Союзе»⁵.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 22.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 23.

⁵ Там же.

Так, во время визита в Австрию с 15 по 18 июня 1979 г. Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева для встречи с президентом США Дж. Картером Федеральный канцлер Австрии Б. Крайский передал членам советской делегации список «политических заключенных» в СССР⁶. В ходе визита в Австрию Председателя Совета Министров СССР Н.А. Тихонова в апреле 1981 г. австрийская сторона предпринимала попытки обсудить вопрос о воссоединении семей и выдаче советских виз бывшим советским гражданам еврейской национальности, получившим гражданство Австрии, об освобождении политических заключенных и облегчении условий выезда для инакомыслящих⁷.

«Усилия австрийского правительства в вопросе о правах человека направлены на то, – полагали советские дипломаты в Вене, – чтобы под прикрытием Заключительного акта Хельсинки добиваться легализации в социалистических странах движения за права человека и деятельности комитетов международной амнистии, которые, по взглядам идеологических центров Запада, должны создать оппозицию социалистическому строю с целью расшатать его изнутри»⁸. Аналитики советского посольства в Вене, анализируя курс австрийского правительства Крайского, приходили к выводу о том, что этот курс находится в русле рассуждений госсекретаря США Г. Кисинджера о необходимости совместной борьбы Запада за «изменения в коммунистическом обществе»⁹.

Как считали советские дипломаты, «все более очевидным становится тот факт, что антисоветская кампания в Австрии по поводу мнимого нарушения прав человека в Советском Союзе» проводится не только под нажимом американской администрации, но и также под воздействием «антисоциалистических, католических, неонацистских и эмигрантских сил в Австрии»¹⁰.

Посольство СССР в Австрии категорично утверждало: «Выступление Австрии за досрочное освобождение политических заключенных и других антисоциальных элементов, совершивших уголовные преступления и отбывающих наказание в соответствии с советским законодательством, стремлении Австрии добиваться упрощения условий и ускорения порядка выезда на Запад для лиц этой категории часто нарушает границы

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 23.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 54. П. 116. Д. 28. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 24.

сотрудничества государств по защите прав человека, определенные СБСЕ и международным договорно-правовыми обязательствами государств, и представляет собой вмешательство во внутренние дела социалистических государств, что также противоречит Закону о нейтралитете и Госдоговору»¹¹.

Верные известному пропагандистскому принципу «лучшая защита – это нападение», советские дипломаты считали нужным обратить внимание на то, что «политика австрийского правительства в вопросе прав человека ориентируется на то, чтобы отвлечь внимание австрийских трудящихся от нарушений прав человека в собственной стране, замолчать достижения реального социализма в обеспечении социально-экономических, политических и гражданских прав граждан социалистических государств и удержать трудящиеся массы Австрии от социальных преобразований»¹².

«Во внутреннем законодательстве Австрии до сих пор не отражены международные пакты по правам человека, ратифицированные Австрией в 1978 году, – продолжали активную наступательную риторику советские дипломаты. – В основном законе Австрийской Республики не содержится конституционных норм, гарантирующих право на труд, охрану здоровья и материальное обеспечение в старости. В настоящее время права на труд в Австрии лишены более 100 тысяч человек»¹³. Они также считали нужным заявить: «Правительство Австрии в нарушении положений Заключительного акта Хельсинки и других международных обязательств проводит дискриминационную политику в отношении рабочих-мигрантов из Югославии, Турции, Греции. До настоящего времени не обеспечено равноправие между рабочими-мигрантами и австрийскими гражданами в том, что касается условий найма и труда, социального обеспечения и обеспечения жильем, получения профессии и изучения языка. Детям рабочих-мигрантов не обеспечен доступ к получению образования на тех же условиях, что и детям австрийских граждан»¹⁴.

«Австрийское правительство не выполняет свои обязательства по Госдоговору в отношении национальных меньшинств, проживающих на ее территории, – отмечало советское посольство в Вене. – До сих пор не достигнуто юридическое и фактическое равенство нацменьшинств в вопросах изучения и применения родного языка в различных сферах

¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 23.

¹² Там же. Л. 24.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

социально-экономической и политической деятельности, существует неравенство в вопросе получения образования, профессиональной подготовки и осуществлении избирательного права»¹⁵. Со слов советских дипломатов, представители словенцев, мадьяр (венгров) и хорватов, проживающих на территории Австрии, заявляли о том, что «Австрия не выполняет соответствующие положения Госдоговора и других международных обязательств по нацменьшинствам, а политика австрийского правительства в этом вопросе подставляет угрозу для самого существования нацменьшинств»¹⁶. Посольство СССР в Вене безапелляционно утверждало: «Австрийское правительство, выступая в рамках Заключительного акта Хельсинки за свободную эмиграцию под предлогом воссоединения семей, в то же время у себя в стране не может обеспечить элементарные права человека для лиц этой категории»¹⁷. Оно упрекало австрийские власти в лицемерии, указывая на «бедственное положение в Австрии бывших советских граждан еврейской национальности»¹⁸.

Известно, что большинство желающих уехать из СССР евреев были из Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Белоруссии. Но и в РСФСР, регионе компактного еврейского проживания, желающих покинуть СССР было немало. Советские власти евреев не выпускали десятки лет и в просьбах уехать отказывали. Положение изменилось в 1971 г., когда советское руководство в условиях начавшейся международной разрядки уступило просьбе американцев разрешить советским евреям выезд, чтобы воссоединиться с семьями. Однако разрешение на выезд всегда сопровождалось выполнением ряда жестких требований.

Каково же было положение бывших советских граждан еврейской национальности в Австрии, по мнению советского дипломатического ведомства в Вене? Оно, ссылаясь на «Венскую религиозную общину израэлитов» (Wiener Israelistische Kultusgemeinde), являвшейся центральным объединяющим и координирующим органом для лиц еврейской национальности, проживавших в Вене в начале 1980-х гг., информировало о том, что 10% всех находившихся в столице Австрии евреев были выходцами из Советского Союза, прибывших в страну за последние года как непосредственно из СССР, так и через Израиль и другие страны; в количественном отношении это составляло около 1,5 тыс. человек¹⁹.

¹⁵ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 24.

¹⁶ Там же. Л. 24–25.

¹⁷ Там же. Л. 25.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Данных лиц можно условно разделить на следующие категории.

1. Лица, прибывшие в Австрию из СССР и выезжающие через некоторое время на постоянное местожительство в Израиль. Советские власти не принимали во внимание тот факт, что вера и Тора требовали от гонимого тысячелетиями народа вернуться на землю своих предков.

2. Лица, прибывшие из СССР для дальнейшего следования в Израиль, но изъявившие желание осесть на постоянное жительство в странах Западной Европы.

3. Та же категория лиц, но изъявивших желание ехать в Канаду, Австралию и, конечно, в США. Многие евреи из СССР хотели эмигрировать в Америку, поскольку там была сильнейшая еврейская диаспора в мире, у многих там были родственники, а, значит, возможности для карьеры в медицине, торговле и науке – традиционные сферы труда представителей еврейской национальности. Правда, далеко не всегда эти возможности становились реальностью.

4. Лица – выходцы из СССР, вернувшиеся в Австрию из Израиля и других стран и получившие австрийское гражданство или ходатайствующие о его получении²⁰.

В свою очередь, последнюю категорию лиц еврейской национальности можно разделить на две группы: первая группа – осевшие в Австрии на постоянное жительство и не желающие подавать заявление о возвращении в Советский Союз (условно, «невозвращенцы»); вторая группа – прибывшие в Австрию с целью подачи заявлений о возвращении в Советский Союз («возвращенцы»).

Количественная оценка в 1,5 тыс. человек относится, в основном, к четвертой категории лиц, т.к. представители других категорий находились в стране незначительное время (от 1–2 дней до 6–10 месяцев). По оценке благотворительной организации «Каритас», в год через Австрию проходило до 21 тыс. евреев²¹.

«В последние два года число лиц, ходатайствующих о возвращении в СССР, значительно сократилось и в настоящее время составляет около 50 семей, хотя в начале 1979 года численность “возвращенцев” и “невозвращенцев” была примерно равна», – констатировало Посольство СССР в Австрии²². Причинами этого, по мнению работников посольства, являлись: потеря надежд на возвращение в СССР (за последние 2 года никто из ходатайствующих не получил такого права); негативное отношение

²⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 25.

²¹ Там же. Л. 26.

²² Там же.

к «возвращенцам» со стороны австрийских властей, которые отказывали лицам данной группы в устройстве на работу, получении квартиры²³.

«Имеются случаи депортации некоторых из “возвращенцев” в Израиль и другие страны по истечении срока действия их австрийских виз, если эти лица открыто высказывают свои намерения добиваться права на возвращение в СССР», – информировали аналитики советского посольства в Вене свое московское руководство²⁴. Наоборот, магистрат Вены оказывал помощь в устройстве на работу и учебу, а также в решении жилищного вопроса для тех «возвращенцев», которые отказывались от намерения вернуться в СССР²⁵.

Из числа «возвращенцев» большинство составляли лица, которые уже неоднократно оформляли документы на возвращение, получали отказы, но, по истечении года после получения отказа, вновь подавали заявления о возвращении²⁶.

В беседах с сотрудниками консульского отдела советского посольства «возвращенцы» открыто говорили о том, что, если будут случаи положительного рассмотрения их ходатайств, то число обращающихся с ними резко возрастет. Имелись случаи, как информировало советское посольство в Австрии, когда из Израиля в Вену приезжали евреи, выходцы из СССР, и говорили в беседе в консульском отделе, что они приехали по поручению нескольких десятков проживающих в Израиле семей с целью выяснения перспектив возвращения в Советский Союз²⁷.

«Возвращенцы» постоянно подвергались, утверждалось в посольстве СССР, активной обработке местных сионистов и граждан Израиля, специально приезжавших с этой целью в Вену, которые пытались склонить их к отказу от намерения вернуться в Советский Союз. «В частности, сионисты старались доказать “возвращенцам”, что в СССР имеет место “государственный антисемитизм”, что Советский Союз, выпуская евреев, избавляется от ненужных ему людей, и поэтому “возвращенцы” могут не надеяться, что их когда-либо пустят на Родину»²⁸. «Австрийские власти под давлением сионистов идут на уступки евреям – выходцам из СССР, предоставляя им гражданство Австрии при наличии у эмигрантов постоянного места работы ранее установленного срока; имеются

²³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 26.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 27.

случаи, когда они получали гражданство уже через один-два года после прибытия в Австрию», – констатировали советские дипломаты²⁹.

Между «возвращенцами» и «невозвращенцами» имелись существенные различия как по географическому происхождению, так и по образовательному уровню. Среди «невозвращенцев» преобладали выходцы из западных районов Украины, а также из промышленно развитых районов СССР. Среди «возвращенцев» большинство было выходцев из Средней Азии и Закавказья³⁰.

Советские дипломаты, между прочим, подмечали, сами, видимо, не обращая внимание на значимость того, что большинство «невозвращенцев» имели высшее или среднее специальное образование, в то время как «возвращенцы» имели в основном 3–8-летнее образование³¹.

Посольство СССР в Вене сообщало в Москву: «Около 50 евреев, выходцев из СССР, арендуют или покупают магазины в Вене. Некоторые из них занимаются спекуляцией валютой и драгоценностями, изготовлением фальшивых денег, контрабандными операциями, торговлей наркотиками, о чем неоднократно писала австрийская пресса. В январе-феврале 1981 года венская полиция арестовала 3 банды, состоявшие из лиц еврейской национальности, выехавших из СССР. Они занимались ограблением квартир и магазинов и торговлей наркотиками»³². Советские дипломаты в Вене утверждали, что некоторые из бывших советских граждан еврейской национальности примкнули к различным антисоветским организациям, действующим на территории Австрии³³. Однако при этом подчеркивали, что «открытых антисоветских выступлений с их стороны в последнее время не отмечается»³⁴.

Как происходил прием и размещение в Австрии бывших советских граждан еврейской национальности? Все они, независимо от конечного пункта маршрута следования, при оформлении выезда из СССР получали израильскую визу, выданную посольством Нидерландов в Москве, на срок пребывания в Израиле до 12 месяцев, а также визу, выдаваемую посольством Австрии в СССР, предусматривающую однократный въезд в страну, пребывание в ней не более трех месяцев и дальнейший выезд в Израиль³⁵.

²⁹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 27.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

Бывших сограждан, прибывающих в Австрию поездом (более 80% всех эмигрантов), на пограничной железнодорожной станции Хоенау встречал и сопровождал до Вены вооруженный наряд специального подразделения австрийской полиции по борьбе с терроризмом «Коюра» в количестве от 5 до 9 человек. На Южном вокзале Вены эмигранты передавались представителям израильской организации «Сохнут» и под охраной полиции в автобусах перевозились в транзитный лагерь Кайзер-Эберсдорф. Лица, прибывшие самолетом, также сразу перевозились в этот лагерь. Кайзер-Эберсдорф расположен в юго-восточной части Вены, на границе города с населенным пунктом Швехат; этот лагерь был единственным в то время пересельным пунктом, используемым для приема, размещения, регистрации и проверки бывших советских граждан еврейской национальности³⁶.

Кроме лагерей, были использованы и гостиницы Вены для размещения тех людей, которые не желали ехать в Израиль, и ожидавших решения вопроса о выезде в соответствующую страну³⁷. Указанную категорию людей могли разместить и в лагере Трайскирхен, хотя по положению об этом лагере в нем должны были содержаться лишь беженцы, т.е. лица, выехавшие из своих стран нелегально, а также лица, которые, по мнению органов безопасности, должны быть подвергнуты дополнительной проверке (неясность цели прибытия в страну, отсутствие австрийских виз и т.д.). На 1 января 1981 г. в лагере Трайскирхен находилось 4585 человек, среди которых 10 бывших советских граждан³⁸.

Как происходило оформление выезда из Австрии бывших советских граждан? По оценке еврейской организации «Jewish Agency», только 30% прибывших в Австрию из СССР евреев изъявляли желание выехать в Израиль³⁹. Оформлением их выезда из Австрии занималась организация «Сохнут» под руководством и контролем посольства Израиля в Австрии. Представители «Сохнут» просматривали наличие израильской визы, составляли списки лиц и комплектовали группы для отправки в Израиль. Необходимо подчеркнуть, что лица, выезжающие в Израиль, сразу по прибытии в лагерь изолировались от остальных лиц. При нахождении в лагере каждый человек получал по 25 шиллингов в сутки (питание трехразовое, бесплатное). При отъезде выдавались билеты на самолет (или на поезд) и минимальное денежное содержание⁴⁰.

³⁶ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 28.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 30.

Лица второй категории (намеривающие остаться на жительство в странах Западной Европы) находились в лагере только одни сутки без права выхода в город. На следующий после прибытия день их отправляли поездом в находящийся в Риме лагерь для перемещенных лиц. Отправлением и отправкой этой категории лиц занималась американская организация помощи беженцам «ХИАС». Длительность проживания лиц этой категории в Австрии зависела от срока оформления виз в те страны, куда они хотели выехать. Например, длительность оформления документов на въезд в ФРГ занимала не менее 1 месяца. Прибыв в ФРГ, бывшие сограждане вновь попадали в лагерь для перемещенных лиц, где находились в течение 6 месяцев. Преимущественным правом въезда в ФРГ пользовались евреи – выходцы из прибалтийских республик. В том случае, если эти лица доказывали факт преследования их со стороны нацистов в годы Второй мировой войны, они получали компенсацию в размере до 20 тыс. марок⁴¹.

Лица третьей категории (намеревающиеся выехать на постоянное жительство в США, Канаду, Австралию и т.д.), через 1–2 дня после прибытия в Австрию переводились из лагеря Кайзер-Эбердорф в дом, расположенный во 2-м районе Вены (Леопольдштадт). Этот дом был предоставлен в распоряжение «ХИАС» благотворительной организацией «Каритас». В этом же доме проживали лица еврейской национальности, выехавшие ранее через Австрию в Израиль, но затем возвратившиеся оттуда и изъявившие желание выехать в указанные страны⁴².

Оформление документов на выезд в США, Канаду, Австралию занимало 6–10 месяцев (заполнение анкет, сдача документов на визу, проведение «интервью» в посольствах указанных стран и т.д.). Необходимым условием для выезда в эти страны являлось наличие там родственников или знакомых и получение от них «гарантий» на прием выехавших из СССР евреев. Одним из условий для въезда в Австралию, например, являлось знание английского языка и наличие высшего образования⁴³.

Отмечались отдельные, весьма редкие случаи, когда бывшие советские граждане сразу по прибытии из СССР подавали заявления с просьбой остаться на постоянное жительство в Австрии. При этом они порой прибегали, судя по информации советского посольства, к подкупу австрийских официальных лиц и представителей сионистских организаций. Предпочтение при рассмотрении подобных заявлений отдавалось наиболее ценным с точки зрения использования в Австрии лицам

⁴¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 29.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

(ученые, музыканты, артисты, спортсмены и т.д.), которые практически беспрепятственно получали право на постоянное жительство, а впоследствии и на австрийское гражданство⁴⁴.

Какие организации участвовали в решении вопросов приема, размещения и оформления в Австрии бывших советских граждан еврейской национальности? Вопросы въезда в Австрию и транзитного проезда через страну находились в ведении Министерства иностранных дел. Вопросами приема и размещения бывших совграждан в Австрии занимались различные организации при непосредственном участии МИДа. К этим организациям относились «Сохнут», «ХИАС», «РавТов», «Джойнт», «Толстовский фонд», «Международный католический фонд», «Каритас» и др.⁴⁵ Некоторые из них позднее прекратят свою деятельность по вопросам приема еврейских эмигрантов из СССР.

В деятельности всех названных организаций работники Посольства СССР в Вене усматривали не без оснований след израильских и американских спецслужб, ведущих работу в среде европейской эмиграции. Так, израильские спецслужбы в транзитном лагере Кайзер-Эберсдорф проводили опрос всех эмигрантов, по мнению советских дипломатов, с целью получения информации политического, экономического и военного характера. При этом определялась возможность использования эмигрантов в интересах спецслужб в Израиле⁴⁶.

Лица, изъявляющие желание ехать на постоянное жительство в США, Канаду, Австралию, поступали, как предполагали советские дипломаты в Вене, в распоряжение филиала американской сионистской организации «ХИАС», где в целях получения информации их опрашивали кадровые сотрудники ЦРУ США⁴⁷.

Активную работу с бывшими совгражданами еврейской национальности вели многочисленные австрийские еврейские организации. В Австрии, как полагали советские дипломаты в Вене, практически все евреи были объединены в различные организации по партийному, религиозному, профессиональному и земляческому признакам⁴⁸. Значительная часть из них входила в «Сионистскую федерацию Австрии» (более 1700 членов, из которых около 50 человек составляли актив федерации)⁴⁹.

⁴⁴ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 29.

⁴⁵ Там же. Л. 30.

⁴⁶ Там же. Л. 31.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

Примечательно, что сионистские организации официально не были признаны австрийскими властями, но их деятельность не встречала препятствия со стороны последних. Правительство Австрии даже оказывало, к примеру, финансовую помощь «Религиозной общине израэлитов», размер которой тщательно скрывался⁵⁰.

Основной задачей сионистских организаций Австрии являлось, как предполагалось в советском посольстве в Вене, оказание финансовой помощи Израилю и содействие увеличению потока иммигрантов из других стран, в первую очередь из Советского Союза и других социалистических государств⁵¹. При этом Посольство СССР заявляло, не утруждая себя доказательством, что «значительное количество еврейских эмигрантов в Вене, а также наличие большого числа сионистских организаций создают благоприятную почву для деятельности спецслужб, как американских и израильских, так и австрийских»⁵².

Каковы были особенности положения в Австрии бывших советских граждан еврейской национальности, вернувшихся из Израиля и других стран? Они размещались в стране, исходя из их возможностей (у родственников, знакомых и т.д.). Все они получали разрешение на пребывание в Австрии в течение трех месяцев. По истечении этого срока виза продлевалась в том случае, если желающий остаться в Австрии находил себе место работы и жительства. В противном случае власти предписывали покинуть страну⁵³.

Лица, прибывшие в Австрию, при наличии денежных средств, места работы и жительства, через 6–10 месяцев после прибытия получали паспорт иностранца (Fremdpass), а через 5–6 лет – австрийский паспорт, что автоматически означало предоставление австрийского гражданства. Оформление личных документов проводилось в районных полицейских комиссариатах по месту жительства⁵⁴. В Посольстве СССР в Вене допускали, что среди бывших наших сограждан «широкое распространение получил подкуп официальных лиц для более быстрого оформления как паспорта иностранца, так и австрийского паспорта»⁵⁵.

Возможности трудоустройства находились в прямой зависимости от желания или нежелания этих лиц вернуться в дальнейшем

⁵⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 31.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 31–32.

⁵⁴ Там же. Л. 32.

⁵⁵ Там же.

в Советский Союз. «Невозвращенцам» всячески помогала в устройстве на работу еврейская религиозная община. Для них не существовало никаких ограничений и для поступления на учебу⁵⁶.

Советские дипломаты в Вене обращали внимание на факты, говорящие о непрестижных профессиях, предлагаемых бывшим советским гражданам еврейской национальности. Основными профессиями и местами работы являлись: для мужчин – мелкая торговля (в основном, на овощном рынке, а также в магазинах галантерейных товаров в районе площади Мексикоплатц), сапожные мастерские, неквалифицированная работа в различных мастерских. Женщины, как правило, были заняты торговлей на рынках, некоторые работали медицинскими сестрами или мелкими служащими в гостиницах и других учреждениях. Дипломированные врачи, в основном, занимали должности ассистентов в клиниках и госпиталях⁵⁷. По глубокому убеждению советских дипломатов, используя наличие в стране дешевой рабочей силы, работодатели допускали дискриминацию при приеме эмигрантов на работу, не считаясь с профессией и квалификацией бывших советских граждан. Их зарплата, как правило, была в 2–3 раза меньше заработной платы австрийца⁵⁸. Многие вынуждены были работать не по специальности, утверждали представители СССР. При приеме на работу обычно делалась оговорка, что, если на это место будет претендовать австриец, то эмигрант подлежит немедленному увольнению⁵⁹.

Значительные трудности с трудоустройством испытывали, по информации советского посольства в Вене, лица, изъявляющие желание вернуться в Советский Союз. Им чинили, как утверждали наши дипломаты, всяческие препятствия как австрийские власти, так и религиозная община. Большинство из них по истечении 3-месячного пребывания в Австрии снова возвращались в те страны, откуда прибыли⁶⁰. Несмотря на неоднократные заявления канцлера Крайского о том, что правительство Австрии не возражает против въезда в страну реэмигрантов из Израиля, их пребывание в стране вызывало недовольство части местного населения.

⁵⁶ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 32.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 33.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 32.

Что касается жилищных условий беженцев из Израиля, то, в основном, они проживали во втором районе Вены в домах, состояние большинства которых, опять же по разумению советских аналитиков Посольства в Вене, не отвечало санитарным требованиям; многие из них проживали в подвальных помещениях, однако их квартплата была выше, чем у австрийцев⁶¹. Этот факт была вынуждена признать и австрийская пресса⁶².

Многие из эмигрантов, стремясь облегчить свою участь, пытались получить австрийское гражданство, но эти попытки, как правило, терпели неудачу, замечали в Посольстве СССР в Вене⁶³.

В ходе бесед представителей Посольства СССР в Вене с рядом беженцев из Израиля выявлялись факты антисемитизма в австрийских школах, где обучались их дети. В 1976 г. 12-й отдел магистрата Вены при финансовой поддержке «Сионистской федерации Австрии» организовал курсы немецкого языка для эмигрантов якобы для оказания им помощи, однако, как обращали внимание советские дипломаты, в действительности этим преследовалась цель, чтобы они отказались от возвращения в Советский Союз⁶⁴.

Ряд бывших советских граждан еврейской национальности, ожидающих возвращения в Советский Союз, создали т.н. «инициативную группу», которая подготовила обращение к Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму. Обращение подписали 300 эмигрантов. Копии обращения были направлены в ЮНЕСКО, Комиссию по правам человека ООН, Верховный Совет СССР, Международный комитет Красного Креста и Красного Полумесяца, руководству Социалистической партии Австрии, в адреса ведущих советских и зарубежных газет⁶⁵.

В противовес западной пропаганде, в обращении выдвигалось обвинение против австрийского правительства в нарушении элементарных прав человека. В нем, в частности, говорилось о том, что правительство канцлера Крайского, выступая за свободную эмиграцию, не может обеспечить их самым необходимым, допускает антисемитизм в школах, дискриминацию при приеме на работу, в оплате труда эмигрантов и обеспечении их жильем⁶⁶. В связи с изложенным группа

⁶¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 33.

⁶² Die Presse. April 1980. № 27.

⁶³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 33.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 33–34.

⁶⁶ Там же. Л. 34.

обратилась к Вальдхайму с просьбой направить в Вену комиссию по правам человека ООН с тем, чтобы она убедилась в нарушении прав человека в Австрии и бедственном положении эмигрантов. Однако обращение осталось без ответа⁶⁷. Тем не менее, оно вызвало определенное беспокойство канцлера Крайского и руководства правящей Социалистической партии. Так, сразу после появления в печати откликов на обращение, газета Arbeiter Zeitung опубликовала интервью Крайского, в котором он, по существу, избежал ответов на вопросы, поставленные в обращении. Вместе с тем, он заявил, что правительство намерено принять ряд мер для облегчения участи эмигрантов⁶⁸.

В целях снижения нежелательного резонанса Arbeiter Zeitung опубликовала открытое письмо, полученное, по утверждению редакции газеты, от группы бывших советских граждан, в котором восхвалялся образ жизни в Австрии, а Советский Союз обвинялся в нарушении прав человека⁶⁹. Советские дипломаты «не остались в долгу» и отмечали случаи увольнения в Австрии с работы лиц, желающих возвратиться в СССР⁷⁰.

В ответ на действия австрийских властей инициативная группа провела пресс-конференцию о нарушении прав человека в Австрии, которая нашла широкий отклик в СМИ. После пресс-конференции еврейская община Вены приняла решение отказать в финансовой помощи, и без того небольшой, лицам, принимавшим в ней участие⁷¹.

Какой же в целом делали вывод советские дипломаты, изучая рассматриваемую проблему? Они пытались доказать, что «правительство Австрии под давлением администрации США стремится проводить активную эмиграционную политику в отношении лиц еврейской национальности, проживающих в Советском Союзе», что Австрия поддерживала усилия США, направленные на то, чтобы использовать вопрос об эмиграции из Советского Союза лиц еврейской национальности в качестве предварительного условия для достижения договоренности по важнейшим вопросам международной жизни⁷².

Посольство СССР в Вене пыталось донести до Москвы нужную ей мысль о том, что «правительство Б. Крайского, выступая в рамках Заключительного акта Хельсинки за свободную эмиграцию, на самом деле у себя в стране не может обеспечить элементарные человеческие

⁶⁷ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 34.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

права эмигрантов, что указывает на лицемерие политики Австрии в защиту прав человека в Советском Союзе и других социалистических странах»⁷³.

Прошедшие годы после рассматриваемых событий показали, вопреки утверждениям в западной и постсоветской политической литературе, что далеко не все суждения не только дипломатов, но и советских аналитиков относительно прав человека на Западе и в СССР были политизированными и искаженными. Ушедшее и нынешнее время подтверждают также и то, что истинной целью борьбы за права человека в СССР было не столько улучшение положения с этими правами, и даже не установление в СССР демократического и правового государства, а уничтожение или, по крайней мере, ослабление геополитического соперника США, как бы он ни назывался – СССР или Россия.

Библиографический список / References

1. Барсенков А.С. Продвижение правозащитной тематики как элемента «мягкого» воздействия стран Запада на государства соцлагеря в годы «холодной войны» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 26–27. [Barsenkov A.S. Promoting human rights issues as an element of the “soft” influence of Western countries on the states of the socialist camp during the Cold War. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 2014. No. 3. Pp. 26–27. (In Rus.)]
2. Во имя мира, безопасности и сотрудничества: К итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июля – 1 августа 1975 г. М., 1975. [Vo imya mira, bezopasnosti i sotrudnichestva: K itogam Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, sostoyavshegosya v Helsinki 30 iyulya – 1 avgusta 1975 g. [In the name of peace, security and cooperation: On the results of the Conference on Security and Cooperation in Europe, held in Helsinki on 30 July – 1 August 1975]. Moscow, 1975.]
3. Жиряков И.Г., Михасюк О.Н. Внешняя политика нейтральной Австрии в «эру» Б. Крайского. М., 2002. [Zhiryakov I.G., Mihasyuk O.N. *Vneshnyaya politika nejtralnoj Avstrii v «eru» B. Krajskogo* [Foreign Policy of Neutral Austria in the “Era” of B. Kreisky]. Moscow, 2002.]
4. Загорский А.В. Хельсинский процесс: к 40-летию подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2015. Вып. 38 (54). С. 12–15. [Zagorskiy A.V. Helsinki Process: On the 40th Anniversary of the Signing of the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe. *Evropejskaya bezopasnost: sobytiya, ocenki, prognozy*. 2015. No. 38 (54). Pp. 12–15. (In Rus.)]

⁷³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 66 (Референтура по Австрии). Оп. 61. П. 134. Д. 32. Л. 35.

5. Лайтман В.И. Принцип невмешательства во внутренние дела государств в международном праве // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 467–470. [Lajtman V.I. The principle of non-interference in the internal affairs of states in international law. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2020. No. 14. Pp. 467–470. (In Rus.)]
6. Мэтлок Дж. Рейган и Горбачев. Как окончилась «холодная война»... и все выиграли / пер. с англ. Т. Кудрявцевой. М., 2005. [Matlock Jr. J.F. *Reygan i Gorbachev. Kak okonchilas «kholodnaya voyna»... i vse vyigral* [Reagan and Gorbachev: How the Cold War ended]. Moscow, 2005.]

Статья поступила в редакцию 10.01.2025, принята к публикации 12.02.2025
The article was received on 10.01.2025, accepted for publication 12.02.2025

Сведения об авторе / About the author

Жириков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории, Государственный университет просвещения, г. Москва

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History, State University of Education, Moscow

E-mail: 79168497010@yandex.ru

Международные
отношения:
история и современность

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-108-119

УДК 327

М.И. Гокджен

Томский государственный университет,
634050 г. Томск, Российская Федерация

Турецкий поток и отношения энергетической безопасности между Турцией и Россией в 2020–2024 гг.

Энергетическая безопасность, которая выступает не только в качестве экономического, но и политического фактора, сохраняет свою актуальность с точки зрения международных отношений и регионального геополитического баланса. Газопровод «Турецкий поток», оказывающий положительное влияние на национальные экономики России и Турции, официально введен в эксплуатацию в 2020 г., поддержав фактор энергетической безопасности, составляющий основу внешней политики двух стран с точки зрения национальных интересов и безопасности. Цель данной статьи – изучить влияние проекта «Турецкий поток» на отношения в сфере энергетической безопасности между Россией и Турцией. Методология исследования основывается на теории неореализма и концепции «4А», представляющей собой четыре ключевых компонента, такие как наличие энергоресурсов, ценовая доступность энергоресурсов, физическая доступность энергоресурсов и удовлетворительная экологическая приемлемость энергоресурсов. В статье энергетическая безопасность рассматривается в рамках данного подхода, динамики международной системы и стратегического сотрудничества. В заключение анализируются последствия функционирования газопровода

© Гокджен М.И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

«Турецкий поток» в контексте энергетической безопасности российско-турецких отношений в период с 2020 по 2024 гг.

Ключевые слова: газопровод «Турецкий поток», Россия, безопасность энергоснабжения, энергетическая политика России, Турция, энергетическая безопасность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гокджен М.И. Турецкий поток и отношения энергетической безопасности между Турцией и Россией в 2020–2024 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 108–119. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-108-119

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-108-119

M.I. Gokcen

Tomsk State University,
Tomsk, 634050, Russian Federation

TurkStream and energy security relations between Turkey and Russia in 2020–2024

Energy security, which acts not only as an economic but also as a political factor, remains relevant in terms of international relations and regional geopolitical balance. The Turkish Stream gas pipeline, which has a positive impact on the national economies of Russia and Turkey, was officially put into operation in 2020, supporting the energy security factor, which forms the basis of the foreign policy of the two countries in terms of national interests and security. The purpose of the article is to study the impact of the Turkish Stream project on energy security relations between Russia and Turkey. The research methodology is based on the theory of neorealism and the concept of “4A”, which is four key components such as availability, accessibility, acceptability, and affordability of energy resources. The article considers energy security within the framework of this approach, the dynamics of the international system and strategic cooperation. In conclusion, the consequences of the operation of the Turkish Stream gas pipeline are analyzed in the context of the energy security of Russian-Turkish relations in the period from 2020 to 2024.

Key words: TurkStream, Turkish Stream, energy, Russia, energy supply security, energy policy, Turkey, energy security

CITATION: Gokcen M.I. TurkStream and energy security relations between Turkey and Russia in 2020–2024. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 108–119. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-108-119

Энергетические ресурсы, которые были жизненно необходимы в ранние эпохи, в дальнейшем превратились в источник экономического богатства. Энергия, имевшая жизненно важное значение со времен промышленной революции, теперь используется как политическое оружие. Российская Федерация стала одним из важных игроков мирового энергетического рынка благодаря месту своих богатых энергоресурсов в экономике, а состояние экономики страны определяется мировыми ценами на энергоносители и торговлей энергоресурсами [6].

Правительство РФ считает углеводородные ресурсы стратегически важными как с экономической, так и с политической точки зрения. Россия занимает первое место в мире с 24,3% запасов природного газа¹ и имеет вторые по величине запасы угля в мире – 57 млрд тонн. Здесь также расположены значительные месторождения нефти и урана, что делает страну ключевым игроком на мировом энергетическом рынке².

В отличие от России, Турция не является страной с обильными запасами нефти и природного газа. Хотя Турция не обладает богатыми месторождениями углеводородов, ее значение на мировом энергетическом рынке возрастает. Расположенная в регионе, соседствующем примерно с 60% разведанных мировых запасов нефти и природного газа, Турция стала одним из крупнейших рынков природного газа в своем регионе³. Турция служит мостом между Европой, одним из крупнейших энергетических рынков мира, и Россией, ее источником энергии.

Турция примерно на 74% зависит от иностранных источников для удовлетворения своего спроса на энергию (Россия, Азербайджан, Ближний Восток)⁴. Многогранная структура энергетической стратегии Турции и внешняя зависимость от энергии повышают важность

¹ Gas Reserves by Country. *Worldometers*. URL: <https://www.worldometers.info/gas/gas-reserves-by-country/> (date accessed: 22.12.2024).

² Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı. t.y. “Kömür”. *Bilgi Merkezi: Tabii Kaynakları*. URL: <https://enerji.gov.tr/bilgimerkezi-tabii-kaynaklar-komur> (date accessed: 22.12.2024).

³ Dışişleri Bakanlığı. t.y. “Türkiye'nin Enerji Stratejisi”. *T.C. Dışişleri Bakanlığı*. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye_nin-enerji-stratejisi.tr.mfa#:~:text=D%C3%BCnyadaki%20ispatlan%C4%B1%C5%9F%20petrol%20ve%20do%C4%9Fal,yakla%C5%9F%C4%B1k%20%74%20oran%C4%B1nda%20d%C4%B1%C5%9Fa%20ba%C4%9F%C4%B1ml%C4%B1d%C4%B1r (date accessed: 22.12.2024).

⁴ Там же.

международных отношений в этой области. Хотя в 2020 г. в Черном море были обнаружены запасы природного газа, в долгосрочной перспективе этих объемов будет недостаточно из-за быстрого роста населения и индустриализации. Мадалина Викари, независимый эксперт по энергетической геополитике, заявила, что открытие газа важно для энергетической безопасности Турции, но оно не изменит ситуацию с точки зрения покрытия импорта газа в Турцию. Уголь, один из основных источников энергии Турции, не является экологически чистым источником, поскольку выбросы углекислого газа в окружающую среду на 45–50% выше, чем у природного газа⁵.

Помимо обеспечения надежности энергоснабжения Турции и Европы, проект «Турецкий поток» вносит вклад в развитие Турции и России за счет передаваемых им ресурсов. Значительные инвестиции были сделаны в безопасное проектирование трубопроводов, научные и экологические исследования для разработки и строительства наиболее точного и подходящего проекта трубопровода. Таким образом, биологическая структура Черного моря не была повреждена, и были приняты необходимые меры для защиты археологического наследия, расположенного на маршруте трубопровода⁶.

Неореализм – это теоретическая основа в области международных отношений, которая пытается объяснить поведение государств в международной системе на основе структурных ограничений и динамики этой системы⁷. Проект «Турецкий поток» можно интерпретировать через призму неореалистической теории как средство укрепления позиций России и Турции на международной сфере.

Проект «Южный поток», являющийся предшественником проекта «Турецкий поток», появился в 2007 г. после того, как Евросоюз объявил о проекте «Набукко» (проект трубопровода, который будет транспортировать природный газ из Турции в Австрию). Проект «Южный поток», имеющий почти тот же маршрут, что и «Набукко», был направлен на блокирование всех других трубопроводов, чтобы природный газ не попадал на европейский рынок вне контроля России. Однако на более поздних этапах он был остановлен Европейской комиссией в 2014 г. на том основании, что он нарушает Третий энергетический

⁵ Büyüteç: Karadeniz’de Yapılan Doğalgaz Keşfinin Türkiye’ye Etkisi Nasıl Olacak? *Teyit*. URL: <https://teyit.org/dosya/buyutec-karadenizde-yapilan-dogalgaz-kesfinin-turkiyeye-etkisi-nasil-olacak> (date accessed: 22.12.2024).

⁶ Çevre. *TürkAkım*. URL: <https://turkstream.info/tr/environment/> (date accessed: 22.12.2024).

⁷ Yapısal (Structural) Realizm: Mearsheimer ve Rusya. *Haberler*. URL: <https://www.haberler.com/egitim/yapısal-structural-realizm-mearsheimer-ve-16215022-haber/> (date accessed: 22.12.2024).

пакет и что межправительственные соглашения, подписанные между Россией и различными государствами-членами Евросоюза, не соответствуют законам Евросоюза. Это решение было принято в некотором роде из-за присоединения Крыма к России [8].

Идея проекта «Турецкий поток» была заложена в 2014 г. после политического конфликта между Россией и Украиной и последующего визита президента России Владимира Путина в Анкару для встречи с президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. Проект был разработан с целью обеспечить безопасную поставку богатых энергетических ресурсов России в страны Европейского союза, который является одним из крупнейших потребителей энергии в мире. В этом процессе Турция выполняет роль связующего моста между Россией и Европой, играя стратегически важную роль в обеспечении региональной энергетической безопасности. Энергетическая безопасность определяется как наличие бесперебойных и доступных по цене источников энергии. Однако энергетическая безопасность является многомерной и многозначной концепцией, которая имеет разное значение для каждой страны. Для одной страны обеспечение энергетической безопасности может заключаться в создании надлежащей энергетической инфраструктуры на долгосрочную перспективу с учетом экологических требований и гарантиях импорта энергии на основе долгосрочных контрактов. В то же время для другой страны это может означать удовлетворение своих энергетических потребностей за счет собственных местных ресурсов без зависимости от внешних поставщиков.

Газопровод «Турецкий поток» начинается на побережье Анапы в России и пролегает под Чёрным морем на расстояние 930 км, выходя на сушу в районе Кыйыкёй в провинции Кыркларели, Турция⁸. Двухниточный трубопровод предназначен для транспортировки российского газа через Чёрное море на территорию Турции, а затем через Грецию в Европу (рис. 1). Физическая доступность российского газа обеспечивается разветвленной сетью газопроводов и прямыми маршрутами поставок в страны-партнеры. В рамках проекта ежегодно транспортируется около 31,5 млрд кубометров природного газа, из которых 15,75 млрд кубометров остаются в Турции, обеспечивая внутренние потребности страны [4]. Основной задачей «Турецкого потока» является решение проблемы транзита российского газа. Н. Цсафос подчеркивает, что, в отличие от «Северного потока – 2», который столкнулся с жестким сопротивлением со стороны Европейского Союза и США, проект

⁸ TurkAkım: Projenin Sağladığı Yararlar. TurkStream. URL: <https://turkstream.info/tr/project/benefits/> (date accessed: 22.12.2024).

«Турецкий поток» не встретил аналогичного уровня геополитического противодействия⁹. Это интерпретируется как признак растущей роли Турции в качестве ключевого энергетического транзитного государства в регионе.

Рис. 1. Турецкий поток: предлагаемый маршрут трубопровода

Источник: South East Med Energy & Defense, 2018. *The "detour" of EU's "Southern Gas Corridor"*. URL: <https://www.semedenergydefense.com/the-detour-of-eus-southern-gas-corridor/> (date accessed: 22.12.2024)

Около 55% (примерно 27 млрд м³) импорта природного газа Турции обеспечивается Российской Федерацией (Министерство иностранных дел Турецкой Республики, 2021). Кроме того, после ввода в эксплуатацию газопровода «Турецкий поток», Турция начала получать весь импортируемый из РФ природный газ непосредственно от России (Министерство энергетики и природных ресурсов Турецкой Республики, 2019).

Таким образом, с открытием газопровода «Турецкий поток» Турция начала получать российский природный газ не через Украину и Болгарию, а напрямую из Российской Федерации. Более того, исключение транзитных стран позволило Турции избежать оплаты транзитных сборов, что привело к снижению стоимости поставок природного газа. До 2020 г. Турции приходилось оплачивать значительные счета за природный газ для удовлетворения своих потребностей, но с вводом в эксплуатацию газопровода «Турецкий поток» и его приобретением центрального значения затраты начали снижаться, что, в свою очередь, способствовало поддержке экономического развития. Российский природный газ остается одним из самых доступных источников

⁹ Tsafos N. The Turk Stream Opportunity. Center for Strategic and International Studies. 2018. URL: <https://tekmormonitor.blogspot.com/2018/12/the-turkstream-opportunity-center-for.html> (date accessed: 22.12.2024).

энергии на международном рынке. Для Европы в 2023 г. стоимость газа, поставляемого по «Турецкому потоку», составляет 270–350 долл. за 1000 куб. м¹⁰, что значительно дешевле сжиженного природного газа из США (400–600 долл.) и Катара (450–500 долл.)¹¹.

Например, министр энергетики Болгарии Теменужка Петкова заявила, что благодаря «Турецкому потоку» им больше не придется платить транзитные сборы Украине и Румынии, что позволит сэкономить миллионы евро в год для государственной казны¹².

В 2020 г. Россия поставила по газопроводу «Турецкий поток» 1 млрд м³ газа. Более половины (около 54%) из этого объема пошли на турецкий газовый рынок, а остальное (порядка 46%) продолжило путь до турецко-болгарской границы (рис. 2).

Проект «Турецкий поток создает надежный источник энергии для Турции, а также для Южной и Юго-Восточной Европы, напрямую соединяя богатые газовые месторождения России с газораспределительной сетью Турции [13].

Несмотря на ограниченные собственные энергетические ресурсы, Турция благодаря своему стратегическому географическому положению играет ключевую роль в обеспечении безопасной транспортировки энергии из России в Европу, что позволяет ей оказывать прямое влияние на региональную энергетическую политику [3].

Энергетическая политика Турции направлена на обеспечение энергетической безопасности путем сохранения доступности потребляемых ресурсов, а также за счет диверсификации энергетического баланса, портфеля поставщиков и маршрутов поставок, особенно в отношении импорта природного газа [8]. Во-вторых, Турция стремится стать энергетическим хабом, принимая на своей территории как можно больше энергетической инфраструктуры, включая газопроводы, что позволяет ей формировать геополитические и геоэкономические рычаги в международных отношениях. Геополитическое положение Турции побуждает ее играть все более «проактивную роль» на энергетических и газовых рынках как с геополитической, так и с геоэкономической точки зрения [1].

¹⁰ Bloomberg. Avrupa gaz fiyatları 8 ayın zirvesine çıktı, 2024. URL:<https://www.bloomberght.com/avrupa-gaz-fiyatlari-8-ayin-zirvesine-cikti-2358210> (дата обращения: 09.12.2024).

¹¹ Anadolu Ajansı. EU countries pay €171.5 billion for LNG between Jan. 22 – Dec. 23, 2024. URL:<https://www.aa.com.tr/en/energy/finance/eu-countries-pay-1715-billion-for-lng-between-jan-22-dec-23/40789> (дата обращения: 09.12.2024).

¹² Болгария получает все разрешения для реализации газового проекта «Балкан» // BNR Radio Bulgaria, June 15, 2018. URL: https://bnr.bg/ru/posti/100977856?forceFullVersion=1&page_1_4=6 (дата обращения: 09.12.2024).

Рис. 2. Поставка газа в Европу по «Турецкому потоку»

Источник: Коммерсант. 22.11.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3806415> (дата обращения: 09.12.2024).

Согласно позиции Российской Федерации, повышение энергетической безопасности является одним из ключевых путей обеспечения национальной безопасности в экономической сфере [5]. Для России обеспечение энергетической безопасности включает в себя следующие основные условия:

- 1) надежное и бесперебойное снабжение потребителей энергетическими ресурсами;
- 2) сохранение технологического лидерства страны на мировом энергетическом рынке;
- 3) преодоление дискриминационных ограничений в отношении российских поставщиков энергетических ресурсов на иностранных рынках¹³.

Россия, рассматривая энергетику в качестве основного фактора обеспечения национальной безопасности, активно использует ее не только во внутренней, но и во внешней политике.

¹³ Лихачев В. Конъюнктура российского газа на рынке Турции. Российский совет по международным делам. 06.10.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/konyunktura-rossiyskogo-gaza-na-rynke-turtsii/?sphrase_id=149936917 (дата обращения: 11.12.2024).

Есть некоторые ситуации, которые могут поставить под угрозу энергетическую безопасность в турецко-российских отношениях, как и в случае почти между всеми странами. Наиболее важной из них является зависимость Турции от российского газа на 39,5% (по данным на конец 2022 г.). Такой уровень зависимости может угрожать энергетической безопасности Турции в случае политического кризиса. В то же время противоположная политика, которую две страны время от времени реализуют в таких регионах, как Сирия, может поставить под угрозу энергоснабжение. Например, проект «Турецкий поток» был официально приостановлен во время авиационного кризиса 2015 г. Отношения вернулись в прежнее состояние с регулярными диалогами о сотрудничестве между двумя странами.

Турецкий поток, который рассматривается как новый символ российско-турецкой дружбы, предоставил России значительное тарифное преимущество за счет прямой транспортировки природного газа в Европу через Турцию, не являющуюся членом Европейского Союза, вместо Болгарии, которая, будучи членом ЕС, обязана соблюдать требования Третьего энергетического пакета [2]. Данный пакет предусматривает обязательное разделение деятельности по поставкам и производству энергии от эксплуатации сетей передачи, что создавало дополнительные регуляторные и финансовые барьеры для российских поставщиков.

Академическая литература подчеркивает, что обход транзитных стран, таких как Украина, снижает риски перебоев в поставках, вызванных политическими спорами. Украина долгое время получала выгоду от транзитных сборов за транспортировку российского газа в Европу через свою территорию. В период пика объем транзита составлял около 90 млрд кубометров газа в год. Однако с появлением «Турецкого потока» значение Украины как ключевого транзитного маршрута снизилось. К 2021 г. объем транзита через Украину сократился до примерно 40 млрд кубометров в год. Более того, это дает России возможность сократить транзитные сборы, которые ранее влекли за собой значительные затраты из-за зависимости от украинской инфраструктуры.

В интервью турецким СМИ Тамара Сафонова отметила, что, благодаря проекту «Турецкий поток», Россия сможет обеспечивать долгосрочные стабильные поставки газа в Европу. При этом Турция, укрепив свои позиции на европейском газовом рынке, получит возможность осуществлять поставки газа в различные направления, что касается возможного сотрудничества России и Турции в Восточном Средиземноморье. Также Сафонова отметила: «Введение в эксплуатацию «Турецкого потока» является результатом взаимных контактов и взаимопонимания. Расширение сотрудничества в энергетической сфере свидетельствует

о надежности принимаемых решений и способности доводить проекты до финальных этапов»¹⁴.

В итоге, проект стал стратегическим инструментом обеспечения энергетической безопасности между Турцией и Россией. В этом процессе «Турецкий поток» стал примером прагматических аспектов турецко-российских отношений, где экономические интересы, особенно в сфере энергетики, преобладают над геополитическим соперничеством.

Турецкий поток предоставил возможность обойти положения Третьего энергетического пакета ЕС, включающие принцип разделения поставок и эксплуатации сетей передачи (unbundling), что дало России большую гибкость в энергетической торговле и преимущества в стоимости.

Несмотря на усилия Европы по снижению зависимости от российской газа после политической напряженности между Россией и Украиной, значимость «Турецкого потока» стала еще более очевидной, т.к. у Европы осталось меньше альтернатив¹⁵. Таким образом, «Турецкий поток» стал как «геоэкономическим инструментом» для России в экспорте газа в Европу, так и стратегическим активом в стратегии Турции по становлению в качестве регионального энергетического центра.

Экономические выгоды: трубопровод, который сделает Турцию жизненно важным транзитным узлом для экспорта энергоносителей в Европу, также позволяет России увеличить объем экспорта газа в Европу, обеспечивая стабильный доход для Газпрома.

Экономия затрат: трубопровод, который устранил необходимость импорта сжиженного природного газа или использования других трубопроводов для транспортировки газа, обеспечит Турции экономию затрат на природный газ. Также позволит России избежать значительных затрат на оплату транзита через Украину и другие страны-посредники. Благодаря прямому трубопроводу через Турцию, Россия сможет экономить до 1,5 млрд долл. в год на транзитных сборах.

Повышенная энергетическая безопасность: газопровод укрепляет позицию России как одного из крупнейших поставщиков природного газа для Европы, создавая альтернативные маршруты, что особенно важно в условиях политических и экономических изменений.

Проект «Турецкий поток», преобразовавший отношения в области энергетической безопасности между Турцией и Россией, создал период

¹⁴ Abay E.G. TürkAkım'la güçlenen Türk-Rus enerji iş birliği Doğu Akdeniz'e taşınabilir. *AA Ekonomik*. 10.01.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkakimla-guclenen-turk-rus-enerji-is-birligi-dogu-akdenize-tasinabilir/1698488> (дата обращения: 15.12.2024).

¹⁵ Temizer M., Ekberova E. Важный шаг для энергетической безопасности: 8 лет с момента подписания соглашения по газопроводу «Турецкий поток», 2024. *AA Ekonomik*. URL: <https://shorturl.at/vQbwa> (дата обращения: 15.12.2024).

интеграции стратегий обеих стран и усиления их взаимной зависимости. Обе страны улучшили свои стратегии энергетической безопасности и заняли более значимое место на мировом энергетическом рынке. В результате Турция повысила свою энергетическую безопасность и укрепила позиции ключевого игрока на энергетическом рынке.

Для России «Турецкий поток» обеспечил поставку газа в Европу в обход Украины и избежание нормативных требований Третьего энергетического пакета ЕС. Таким образом, Газпром экономит около 1,5 млрд долл. ежегодно на транзитных сборах, одновременно удовлетворяя примерно 10% потребности Европы в природном газе, что увеличивает геополитическое влияние России в сфере энергетики.

В результате этого зависимость Европы от российского газа увеличилась, а геополитическая динамика в энергетических отношениях с Европой изменилась. Исследование, посвященное анализу энергетической безопасности в отношениях между Турцией и Россией в рамках проекта «Турецкий поток» (2020–2024 гг.), показало, что данный проект является важным элементом двустороннего сотрудничества, основанного на взаимной выгоде.

Библиографический список / References

1. Алодалы М.Ф.Б., Кокаглу М., Уста С. Политика Турции в области энергетики и значение регионального сотрудничества // Экономика, предпринимательство и управление. 2020. № 2. С. 189–202. [Alodalı M.F.B., Kosaoglu M., Usta S. Turkey's energy policies and the importance of regional cooperation. *Ekonomika, predprinimatelstvo i upravlenie*. 2020. No. 2. Pp. 189–202. (In Rus.)]
2. Виноградова К.А. Стратегическое взаимодействие России и Турции в рамках строительства «Турецкого потока» // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. С. 83–89. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-83-89 [Vinogradova K.A. Strategic interaction between Russia and Turkey within the framework of the construction of “TurkStream”. *Sociopolitical Sciences*. 2024. Vol. 14. No. 2. Pp. 83–89. (In Rus.). DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-83-89]
3. Даровская А.М. Российско-турецкое энергетическое сотрудничество на примере «Турецкого потока» // Вопросы студенческой науки. 2020. Вып. 7 (47). С. 265–269. [Darovskaya A.M. Russian-Turkish energy cooperation on the example of “Turk Stream”. *Voprosy studencheskoy nauki*. 2020. Vol. 7 (47). Pp. 265–269. (In Rus.)]
4. Шаховская Л.С., Тимонина В.И. «Турецкий поток»: новые возможности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. Вып. 9-1 (48). С. 216–220. [Shakhovskaya L.S., Timonina V.I. “Turkish Stream”: New opportunities. 2020. Vol. 9-1 (48). Pp. 216–220. (In Rus.)]
5. Akgul P. Understanding cooperation in Russian-Turkish energy relations. *Comparative Southeast European Studies*. 2024. Vol. 72 (2). Pp. 232–255.

6. Bulut R. Development of world energy resources: The case of the Russian Federation. *Afyon Kocatepe University Journal of Social Sciences*. 2023. Vol. 25. No. 3. Pp. 972–989.
7. Dağlı F.Ö. Putin Dönemi Rusya-Türkiye İlişkilerinde Enerjinin Rolü. *Rusya Araştırmaları Dergisi*. 2021. No. 6. Pp. 131–153. DOI: 10.48068/rusad.964280.
8. Sıvıs E. Search for balance in energy policies, the USA–Russia–EU triangle: Determinant factors of the TurkStream project. *Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 2019. Vol. 23 (3). Pp. 1373–1388.
9. Ülgen S., Çelikpala M. “TurkStream”: Its effects on the Turkish economy and energy security. EDAM, 2017. URL: https://edam.org.tr/wp-content/uploads/2017/11/turkstream_report_eng.pdf (date accessed: 22.12.2024).

Статья поступила в редакцию 21.12.2024, принята к публикации 17.02.2025
The article was received on 21.12.2024, accepted for publication 17.02.2025

Сведения об авторе / About the author

Гокджен Мелис Ипек – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук, Томский государственный университет

Gokcen Melis Ipek – PhD student at the Department of World Politics of the Faculty of Historical and Political Science, Tomsk State University

E-mail: melisipekgokcen@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-120-135

УДК 321.72+323.2

Н.А. Шавеко

Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук,
620108, г. Екатеринбург, Россия

Теория демократии участия в трудах ее основоположников и их критика

Статья посвящена одной из нормативных теорий демократии – т.н. демократии участия (партиципаторной демократии), появившейся в западной политической философии в конце 1960-х гг. и получившей особое распространение в 1970-х гг. Автор кратко формулирует суть данной теории и критически рассматривает взгляды некоторых основных ее представителей (К. Пейтмэн, Б. Барбер, К. Макферсон, П. Бахрах). Делается вывод о недостаточной нормативной обоснованности демократии участия в трудах этих авторов. Утверждается, что несмотря на общность взглядов рассмотренных партиципаторных демократов, к этим взглядам различные авторы приходят разными путями, а потому имеются основания выделять в рамках партиципаторной демократии два направления: либеральное и республиканское. И то, и другое направления исходят из ценности позитивной свободы, однако для партиципаторных демократов республиканского направления политическое участие самоценно, тогда как для партиципаторных демократов либерального направления оно имеет лишь инструментальную ценность. В статье также показано, что общим местом у всех демократов участия является не просто симпатия к формам прямой

© Шавеко Н.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

демократии, но и ряд других характеристик: 1) понимание демократии как средства самореализации личности; 2) осуждение крайнего экономического неравенства; 3) акцент на гражданских добродетелях; 4) убеждение в необходимости децентрализации власти; 5) слабо развитое, но все же присутствующее эпистемическое обоснование демократии. Таким образом, статья выявляет общие и особенные черты, а также недостатки во взглядах основных представителей демократии участия.

Ключевые слова: демократия участия, политическое равенство, политическое участие, республиканизм, либеральная демократия, модели демократии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шавеко Н.А. Теория демократии участия в трудах ее основоположников и их критика // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 120–135. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-120-135

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-120-135

N.A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, 620108, Russian Federation

Participatory democracy: Basic approaches to justification and their criticism

The article is devoted to one of the normative theories of democracy – the so-called participatory democracy that appeared in Western political philosophy in the late 1960s and became particularly widespread in the 1970s. The author briefly formulates the essence of the theory, and then critically examines the views of some of its main developers (C. Pateman, B. Barber, K.B. Macpherson, P. Bachrach). Based on the criticism, firstly, a conclusion is drawn about the insufficient normative validity of participatory democracy in the works of the authors considered, secondly, it is argued that despite the commonality of views of the considered participatory democrats, different authors come to these views in different ways, and therefore there

are grounds to distinguish two directions within participatory democracy: liberal and republican. Both directions proceed from the value of positive freedom, however, for Republican-leaning participatory democrats' political participation is valuable in itself, whereas for liberal-leaning participatory democrats it has only instrumental value. The article also shows that the common place among all participatory democrats is not just sympathy for direct democracy, but also a number of other important characteristics, such as: 1) understanding democracy as a means of personal self-realization; 2) condemnation of extreme economic inequality; 3) emphasis on civic virtues; 4) the belief in the decentralization of power; 5) epistemic justification of democracy is poorly developed, but still present. Thus, the article identifies common and special features, as well as shortcomings in the views of the main developers of participatory democracy.

Key words: participatory democracy, political equality, political participation, models of democracy, republicanism, liberal democracy

CITATION: Shaveko N.A. Participatory democracy: Basic approaches to justification and their criticism. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 120–135. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-120-135

Введение

Настоящая статья посвящена одной из нормативных теорий демократии – т.н. демократии участия (партиципаторной демократии), появившейся в западной политической философии в конце 1960-х гг. и получившей особое распространение в 1970-х гг. Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть взгляды основных ее представителей (К. Пейтмэн, Б. Барбер, К. Макферсон, П. Бахрах), критически их осмыслить, и с учетом этого сформулировать особенности указанной теории. Реализация данной цели, как предполагается, заложит фундамент для более общей нормативной критики демократии участия, предотвратив произвольные обобщения и необоснованные приписывания взглядов.

Предварительно обозначим суть теории партиципаторной демократии. Изначально данная теория появилась как реакция на другую теорию, которую П. Бахрах назвал «демократическим элитизмом» [10]. Согласно демократическому элитизму, обычный гражданин не обладает достаточными способностями и возможностями для самостоятельного принятия политических решений, однако способен выбрать себе политических представителей, в свою очередь, выборность представителей как таковая обеспечивает если не правление в интересах народа,

то по крайней мере защиту от явно антинародной тирании. Отсюда представительная демократия, в которой роль граждан сводилась лишь к избранию представителей, считается демократическими элитистами наиболее привлекательной. В противоположность этому партисипаторную демократию сами ее сторонники определяют как такую модель демократии, при которой принятие политических решений осуществляется при широкомасштабном и, как правило, прямом участии простых граждан, децентрализовано и рассредоточено [14, р. 4]. Таково общее ценностное ядро всех партисипаторных демократов, по которому и происходит выделение соответствующей теории в академической литературе.

Дальнейший анализ, однако, покажет, что общие черты партисипаторных концепций не сводятся к прямому и децентрализованному политическому участию народных масс. Кроме того, несмотря на общность ряда ключевых тезисов, различные авторы приходят к ним разными путями, а потому имеются основания выделять в рамках партисипаторной демократии два направления: либеральное и республиканское.

Несмотря на то, что речь в статье пойдет о теории, которая достигла пика своей популярности около полувека назад, исследование данной теории представляется особенно актуальным в современных условиях, когда теория либеральной демократии переживает кризис, поскольку практическое ее воплощение связано с огромным экономическим неравенством, перерастающем в политическое, а также с социальной разобщенностью и неспособностью ответить на глобальное усиление авторитарных режимов. В российском контексте актуальность статьи обуславливается, в том числе, стремлением государства укрепить консолидирующую общенациональную идентичность, необходимую для защиты государственного суверенитета, поскольку одним из способов обеспечения реальной устойчивости данной идентичности можно рассматривать активную вовлеченность народных масс в политические процессы. В то же время, хотя в отечественной литературе к демократии участия проявляется определенный интерес даже на уровне монографических исследований [4; 7], посвящены они скорее конкретным воплощениям того, что соответствующие авторы считают демократией участия, а не рассмотрению взглядов «корифеев» указанной теории.

Взгляды представителей партисипаторной демократии

Кэрл Пейтмэн

Возникновение соответствующего течения в научной среде нередко связывается с именем английской феминистки К. Пейтмэн, автором книги «Участие и демократическая теория» (1970 г.). Защищая тезис

о необходимости широкого и прямого участия населения в политике, Пейтмэн призывает обратить внимание на таких классических авторов, как Ж.Ж. Руссо и Дж.С. Милль, для которых демократия была, во-первых, способом формирования ответственных, добродетельных и образованных граждан, во-вторых, способом интеграции данных граждан и формирования у них чувства принадлежности к сообществу, в-третьих, способом легитимации принимаемых политических решений [20, р. 22–35].

Но хотя все эти положительные стороны демократии имеют в той или иной мере инструментальный, а не сущностный характер, в трудах Пейтмэн отчетливо прослеживается мысль о том, что политическое участие обладает и некоторой самоценностью. Действительно, теоретически мы можем поручить принятие политических решений квалифицированной, добросовестной и справедливой элите. Однако как мы можем считать граждан полноценными моральными агентами, если не позволяем им быть хозяевами собственной жизни и не способствуем их сознательности и ответственности? Только активное участие в решении политических вопросов, по мнению Пейтмэн, делает граждан творцами той социальной среды, в которой они живут.

Доводы Пейтмэн представляются несостоятельными по следующим основаниям.

Во-первых, в действительности отсутствие тех или иных политических прав не обязательно ставит под сомнение общий статус человека как морального агента (т.е. его право самостоятельно определять свою судьбу). Вообще, возможности человека определять собственную судьбу ограничены как минимум аналогичными возможностями других людей, а также не зависящими от людей объективными факторами. Кроме того, даже в самых продвинутых демократиях граждане не имеют право голоса абсолютно по всем затрагивающим их вопросам, поскольку большинство таких вопросов решается бюрократическим аппаратом. Все это само по себе еще не свидетельствует об ущемлении достоинства граждан. Представляется, что достойное обращение с гражданами подразумевает не максимально широкое народное участие в политике, а всего лишь открытость правящих элит на условиях честной конкуренции (т.е. возможность любого гражданина стать частью этих правящих элит, например, чиновником или депутатом), а также возможность граждан самим определять, какие вопросы они хотят доверить профессиональным управленцам, а какие – рассматривать непосредственно. В конечном счете спор между демократическими элитистами и демократами участия, упрощая, сводится не к тому, что первые не признают человека моральным агентом, а вторые признают,

а к тому, что эти две группы демократов по-разному оценивают желания и способности народа по участию в политике, а также действительную эффективность выборов (представительства) в части реализации воли и интересов народа.

Во-вторых, в действительности практика политического участия является не единственным и далеко не всегда эффективным способом развития политически значимых компетенций и качеств. Безусловно, в целом практика является неременной частью обучения. Однако для того, чтобы обучение было эффективным, практика должна быть выстроена определенным образом, в противном случае она будет способствовать лишь закреплению ошибок. Следовательно, если мы хотим развить политическую квалификацию широких народных масс, нам потребуются создание специальных обучающих политических практик, а вовсе не реальное политическое участие народа. Неслучайно гражданин, задумывающийся над политическими вопросами и участвующий в дискуссиях на политические темы, как правило, избегает реальной политики, в то время как политически активный гражданин обычно не стремится размышлять [13, р. 29].

В-третьих, совмещение политического участия с политической социализацией может нанести ущерб нормативной обоснованности и эффективности политического управления, т.к. любое обучение подразумевает совершение ошибок, как минимум, сначала. Чтобы опровергнуть этот тезис, Пейтмэн уделяет особое внимание эмпирически подтвержденным положительным аспектам массового участия граждан в принятии решений на уровне предприятий и местного самоуправления. К сожалению, приводимые ею ссылки на результаты эмпирических исследований доказывают лишь то, что участие в управлении делает граждан психологически уверенными в своих способностях, а не то, что оно делает их более компетентными, а управление – более качественным. Но сегодня нельзя не принимать во внимание эффект Даннинга–Крюгера, согласно которому некомпетентные люди склонны переоценивать свои знания и умения, а также неспособны адекватно оценивать действительно высокую компетентность других людей, в то время как последние, напротив, в меньшей степени уверены в своей квалификации [16].

В-четвертых, факторы, влияющие на легитимность правления (в значении одобрения большинством населения), меняются в зависимости от множества обстоятельств и должны быть предметом социологических исследований; нельзя утверждать, что любое увеличение возможностей массового политического участия непременно сделает политический режим более легитимным. Действительно, среди политических философов практически общепринятой считается мысль, согласно

которой легитимными могут оказаться даже совершенно недемократические формы правления. Вспомним выделенные М. Вебером типы легитимности: традиционный, харизматический и легальный [3, с. 252–282]. Ни один из этих типов не основан на участии народа в осуществлении власти. И это вряд ли случайно.

Как отмечал С.М. Липсет еще более полувека назад (1959), «легитимность сама по себе может быть связана со многими формами политической организации, включая репрессивные» [17, р. 87]. Несколько позже Р. Арон в своей книге «Демократия и тоталитаризм» (1963) также признавал, что легитимным может оказаться и недемократический режим, т.е. режим, при котором народ вообще не участвует в формировании органов власти (например, о легитимности можно говорить, если граждане поддерживают официальную идеологию правящей партии или полностью доверяют национальному лидеру) [1, с. 277]. П. Розанваллон, в свою очередь, отмечает, что исторически даже в демократических государствах легитимность связывалась не только с выборами или прямой демократией, но и с автономной и рациональной государственной администрацией, с независимыми регулирующими органами, судами и т.д., а также не только с общественной волей, но и с общественной пользой [8, с. 43–71]. Наконец, по убедительному мнению Е. Морозова, «граждане авторитарных государств не обязательно воспринимают свои недемократически сформированные правительства как нелегитимные, поскольку легитимность может быть основана не только на выборах; шовинистический национализм (Китай), страх перед иностранным вторжением (Иран), быстрые темпы экономического роста (Россия), низкий уровень коррупции (Беларусь) и эффективность государственных услуг (Сингапур) были успешно использованы для этих целей» [19, р. 86].

В свете всех этих замечаний вряд ли общий вывод о том, что активное народное участие в политике повышает легитимность власти, может считаться убедительным. Представляется, что любая форма правления имеет тенденцию к самолегитимации: как демократические, так и недемократические режимы вынуждены заниматься самолегитимацией, т.е. создавать такие социокультурные условия, при которых альтернативы действующему политическому порядку не смогут выдержать критики. Это связано не только с корыстными устремлениями власть имущих, но и с объективной потребностью в стабильном функционировании государства, а также с врожденными особенностями человеческой психики, благодаря которым возникают такие явления, как, например, самооправдание стереотипов (самореализация прогнозов) [2, с. 705–706] или живучесть выполняющих функцию социального приспособления установок (упрощенно говоря, люди склонны поддерживать существующие

устои, а поступающую информацию воспринимать как подтверждающую уже имеющиеся воззрения) [2, с. 717].

Наконец, в-пятых, вопреки Пэйтмэн, политическое участие может способствовать не только чувства принадлежности к сообществу, но и обнажению противоречий внутри сообществ: здесь также все зависит от конкретных обстоятельств.

Бенджамин Барбер

Американский политический теоретик Б. Барбер в своей книге «Сильная демократия» (1984 г.) радикализировал тезис о ценности массового политического участия, высказывая убеждение, что демократия является не средством защиты индивидуальных прав и ценностей, а условием их появления, равно как и условием формирования автономной личности: «Чтобы быть свободными, мы должны быть самоуправляемыми; чтобы иметь права, мы должны быть гражданами. В конце концов, только граждане могут быть свободными» [12, р. XXXVI]. Таким образом, в отличие от Пейтмэн, он пытается сказать не просто то, что политическое участие защищает достоинство человека, способствует росту компетентности и ответственности народных масс, а также принятию правильных и легитимных решений, но и то, что без политического участия вообще немыслима индивидуальность, достоинство и интересы которой мы стремимся защитить.

Вместе с тем, данные суждения представляются чрезмерно категоричными по двум причинам. Во-первых, Барбер неправомерно отождествляет самоуправление и социализацию. Нет смысла спорить с тем, что личность формируется только в социуме. Однако социализация во многом осуществляется в рамках специальных «попечительских» институтов (семья, школа и т.п.), не всегда практикующих прямое участие подопечных в решении социально значимых вопросов. Кроме того, социализация во многом связана с игрой, т.е. с имитированием социальных практик, а не с реальным участием в них. Таким образом, социализация личности и принятие ею непосредственного участия в решении публичных проблем не тождественны. Во-вторых, Барбер отождествляет политику с публичной активностью как таковой, а демократию – с участием широких слоев населения в любых общественных делах. Традиционное же понимание политики и демократии (т.е. применительно лишь к управлению государством) сразу поднимает вопрос: действительно ли мы можем отрицать свободную личность жителей деспотических государств или же свободную личность политически апатичных индивидов? Таким образом, отсутствие политического участия вовсе не ущемляет достоинство личности и не является необходимым для ее формирования.

Приведенные соображения в совокупности вынуждают нас отвергнуть тезис Барбера о безусловной необходимости политического участия для формирования полноценной личности. На поверку оказывается, что массовое политическое участие не может быть ничем иным, кроме как средством достижения нормативно правильного социального устройства.

К слову, в другом аспекте понятие политики у Барбера оказывается слишком узким, т.к. политические вопросы для него – это только те вопросы, для решения которых мы не обладаем внешним по отношению к ним самим знанием (как о фактах, так и о ценностях) [12, р. 129–131]. Это сужение предмета политики позволяет автору с легкой руки отвергнуть любой элитизм: там, где нет знания, не может быть и привилегий знающих. Но, по всей видимости, данное утверждение также должно означать, что там, где соответствующее знание наличествует, массовое политическое участие допустимо заменить правлением элит!

Барбер критикует «тонкую модель демократии», т.е. такую модель, которая видит задачу государства в защите негативной свободы и реализации индивидуальных интересов граждан, и которая с этой целью, с одной стороны, пытается предотвратить «тиранию» большинства или меньшинства через права человека и систему сдержек и противовесов, с другой – пытается обеспечить надлежащий уровень отзывчивости власти по отношению к интересам подвластных, но полагает, что это возможно в рамках представительной, а не прямой демократии. Таким образом, «тонкая модель демократии» у Барбера – это, по сути, элитистский вариант либеральной демократии. Этой модели мыслитель противопоставляет свою модель «сильной демократии» (*strong democracy*), ориентированную на республиканское понимание свободы как самоуправления и на «общее благо», политическое участие, децентрализацию и прямую демократию, и видящую основные права и свободы результатом демократии, а не ее предпосылкой. Собственно, «сильная демократия» в терминологии Барбера означает, упрощенно говоря, массовое участие ответственных и разумных (т.е. обладающих добродетелью гражданственности) индивидов в решении политических вопросов в рамках сообществ. По мнению ученого, сообщество без участия лишь рационализирует деспотичный коллективизм, отрицающий свободную индивидуальность, в свою очередь участие без сообщества чревато охлократией, т.е. господством частного интереса толпы; и то, и другое вредит гражданственности [Ibid., р. 155], в то время как «сильная демократия» – это своего рода золотая середина.

Характеризуя политические разговоры (*political talk*) в сообществах, Барбер сближается с идеями «совещательной демократии», к началу

1980-х гг. уже активно набиравшими обороты. И все же, Барбер в целом не ориентируется на консенсус, т.к. понимает политику как сферу конфликта [12, р. 166]. Так или иначе, делиберацией, казалось бы, решается проблема качества (ответственности и разумности) массового политического участия. Но действительно ли качественное политическое участие совместимо с его массовостью? Всегда ли, например, в наших силах сформировать широкую сеть добровольных сообществ и поддерживать должный уровень продуктивной активности внутри них? Способно ли самоуправление сообществ заменить традиционные властные институты? Эти вопросы, бросающие тень на концепцию «сильной демократии», стали впоследствии одними из центральных для сторонников «совещательной демократии». Барбер, понимая возможные трудности, занимает следующую позицию: представительство всегда является «планом Б», а приоритет по возможности следует отдавать непосредственному участию [Ibid., р. 273].

В целом, «сильная демократия» – это ярко выраженный коммунарско-республиканский вариант демократии участия. В литературе Барбера причисляют и к коммунарстам (поскольку он делает акцент на общем благе) [21, S. 362], и к республиканцам (поскольку он придает особую ценность политическому участию, делиберации и гражданским добродетелям, а свободу понимает как самоуправление) [22, S. 158].

Кроуфорд Броу Макферсон

Если Пейтмэн и Барбер акцентировали внимание на самоценности политического участия, то канадский политолог К.Б. Макферсон предложил совершенно другую линию обоснования демократии участия. Данный ученый считал концепцию демократического элитизма (ее он называл «моделью равновесия»), отрицающую ценность активного политического участия масс, правильной лишь с точки зрения описания существующей действительности, но не с точки зрения нормативного идеала. По его мнению, «модель равновесия» (т.е. модель, при которой множество индивидов выбирает правящие элиты в соответствии со своими политическими предпочтениями, и тем самым достигается равновесие между спросом и предложением политических благ) тесно связана с господством рыночных отношений и рыночного мышления. Однако Макферсон выступает резко против такого господства [5; 18]. Таким образом, если демократические элитисты в обоснование своей концепции ссылались на то, что она является наиболее реалистичной с учетом способностей и желаний большинства людей относительно участия в политике, то сторонники демократии участия, не оспаривая

весьма прискорбное положение дел, придерживаются веры в то, что возможно создать другую реальность, отличную от существующей.

По мнению Макферсона, рынок не может обеспечить вознаграждение, пропорциональное вложенным усилиям, поскольку эффективность данных усилий зависит от имеющихся факторов производства, распределяющихся далеко не всегда по заслугам. Кроме того, рынок способен максимизировать лишь то удовлетворение, которое отдельные люди могут позволить себе купить, а не вообще совокупное удовлетворение общества. Следовательно, рынок склонен усиливать неравенства и не является справедливым механизмом. Но Макферсона беспокоит еще и то, что рынок постоянно порождает у человека ощущение дефицита и необходимости постоянной конкуренции. При таких обстоятельствах рыночную систему нельзя считать справедливой, поскольку она не способствует предоставлению каждому возможностей для свободно-го саморазвития.

Ту же критику ученый переносит и на рынок политических благ, где мы встречаем неравные возможности для политического влияния, что порождает политическую апатию большей части населения, а также тенденцию к не учитывающей их интересы олигополии (политики, которые сами по себе уже являются классом «избранных», учитывают интересы только тех субъектов, которые имеют реальные рычаги влияния на них, т.е. чей спрос на конкретную политику является эффективным). Словами И. Шапиро, «подобно тому, как у многих есть потребности, для выражения которых через рынок они не располагают необходимыми экономическими ресурсами, точно так же многие, имея интересы, не имеют ресурсов, чтобы выразить их через организованные политические группы интересов. Если молодежь, бедняки, люди, потерявшие здоровье, душевнобольные и многие другие не организованы в эффективные группы, то это не значит, что все они не существуют» [19, с. 20]. Причем как потребитель на рынке, так и избиратель в политике не являются суверенными, поскольку их предпочтения и способы удовлетворения данных предпочтений уже заранее формируются поставщиками благ. При таких обстоятельствах конкуренция политических элит в политике вовсе не гарантирует ни удовлетворение запросов большинства граждан, ни их права на реализацию собственных пред-дставлений о достойной жизни.

Как и другие партисипаторные демократы, К.Б. Макферсон критикует позицию, согласно которой для функционирования демократии необходимо не слишком активное участие населения в политике. Для него данная позиция имеет отношение только к вполне конкретной модели демократии («модели равновесия»), но именно ее ученый и не принимает.

Отсюда вовсе не обязательно, что справедливое общественное устройство требует политической пассивности масс. Но доказано ли Макферсоном обратное?

Для Макферсона справедливым является предоставление каждому гражданину возможности полноценного и свободного развития своих способностей (т.е. по сути либеральный политический идеал). С этой целью, как он предполагает, необходимо предоставить всем слоям населения возможность артикулировать и эффективно отстаивать свои интересы. Но поскольку низкий уровень политического участия тесно связан с отсутствием такой возможности, справедливое общественное устройство, по всей видимости, предполагает большее политическое участие. Следовательно, весьма вероятно, что создание условий для полноценного и свободного развития личности требует массового политического участия.

В изложенной позиции имеется ряд слабых мест. Так, во-первых, Макферсону следовало бы более убедительно показать, что для достижения его идеала справедливости широкие народные массы должны иметь возможность не только выражать свои потребности, но еще и оказывать давление на правящую элиту (т.е. ученому необходимо опровергнуть не только демократический элитизм, но и идею недемократического «попечительского» правления, регулирующего возникающие конфликты интересов подданных на основе некоторых объективно обоснованных моральных принципов, не испытывая на себе давление народа). Во-вторых, рассматриваемая логика подразумевает стремление именно к увеличению таких возможностей, а не к большему политическому участию самому по себе, т.к. даже при наличии искомых возможностей мыслима политическая апатия, вызванная другими причинами. Например, Ш. Муфф полагает, что даже при создании всех условий политического участия возможна политическая апатия, связанная с навязываемым требованием постоянно стремиться к достижению консенсуса [6, с. 61]. Короче говоря, политическое участие в логике самого Макферсона должно быть лишь средством, но он необоснованно делает его главной целью. В-третьих, предоставление каждому возможности эффективно отстаивать свои интересы вовсе не обязательно должно привести к социальному порядку, при котором каждому будет обеспечена возможность полноценного и свободного развития. Так, даже если каждый гражданин имеет обширные политические права, и эти права у всех равны, это не означает, что в обществе будет установлен либеральный порядок, гарантирующий защиту интересов меньшинств, поскольку все еще сохраняется угроза «тирании большинства».

Кроме того, остается проблема достижимости идеала демократии участия. Макферсон понимает эту проблему и пишет: «Политическая система, которая, например, требует, чтобы граждане были более рациональными или политически более ангажированными по сравнению с тем, какими они ныне являются и, как можно ожидать, будут в любых достижимых социальных условиях, вряд ли заслуживает особой защиты» [5, с. 12–13]. Свою задачу ученый видит в том, чтобы показать достижимость необходимых социальных условий. Однако, как представляется, соответствующие доказательства вряд ли будут универсальными. Целесообразнее исследовать возможности повышения рациональности и активности широких слоев населения применительно к каждому конкретному вопросу.

Питер Бахрах

Другой апологет демократии участия – американский ученый П. Бахрах – в своих трудах высказывал тезисы, разделяемые вышперечисленными сторонниками демократии участия, и попытался выдвинуть дополнительные аргументы в их защиту (правда, при этом раскритиковал Пейтмэн за придание ключевого значения самому процессу демократического участия, а не конечному результату [11, р. 117–124]). Как и Макферсон, Бахрах делает акцент на том, что при формально равных политических правах фактические возможности политического участия большей части населения явно несоразмерны таковым у элиты, что приводит к социальной дискриминации. «Маленькому человеку» в принципе труднее донести до сведения представителей власти свои нужды, а уж если власть отказывается ему содействовать, то для достижения политического влияния ему нужно проявить незаурядные способности к объединению с такими же, как он.

В итоге альтернативные издержки политического участия возрастают настолько, что делают его бессмысленным. Но дело даже не в этом, т.к. сама социальная структура такова, что в ее рамках «маленькому человеку», как правило, наиболее выгодным бывает как раз согласиться с господством над ним капиталистической элиты. Выход Бахрах видит в изменении данной социальной структуры, т.е. «правил игры», создающих неравные возможности. Как и другие авторы, он делает ставку на рабочий контроль и самоуправление рабочих (workplace democracy), и настаивает на том, что политическое участие способствует повышению политической компетентности и ответственности граждан, что в итоге сказывается и на качестве управления [10, р. 95, 105].

Заключение

В завершение статьи представляется необходимым провести краткий сравнительный анализ взглядов всех приведенных авторов.

Так, например, между этих взглядами имеются существенные сходства. Важное сходство состоит в том, что (1) все они воспринимают демократию как средство для того, чтобы представить каждому возможности личностной самоактуализации. Как следствие, (2) они нередко настаивают на необходимости преодоления крайнего экономического расслоения. Кроме того, (3) партисипаторные демократы уделяют много внимания формированию чувства общности и гражданственности, а также (4) участию в решении вопросов на уровне муниципалитета или предприятия. Наконец, (5) практически всех они ищут вдохновения у Руссо и Милля, видевших в демократии способ развития определенных человеческих качеств. Таким образом, партисипаторных демократов объединяет далеко не только общая симпатия к прямой демократии, но и ряд других важных характеристик.

Важное различие во взглядах рассмотренных авторов заключается в том, что для одних (Пейтмэн, Барбер) политическое участие ценно как непрерывный спутник социализации и развития личности, а также основное средство выработки общих представлений о благе, тогда как для других (Макферсон, Бахрах) таковое является, в первую очередь, средством увеличения возможностей личности по реализации собственных интересов, средством в борьбе с социальной дискриминацией и с дегуманизирующей культурой [15]. Создается впечатление, что Пейтмэн и Барбер видят в политическом участии не просто инструментальную ценность для достижения социально или индивидуально правильного результата, но и сам по себе идеал благой жизни. Как результат, мы наблюдаем два различных обоснования политического участия: одно либеральное, другое – республиканское. Макферсон, например, выделяет в рамках либеральной демократии протекционистскую модель (демократия как защита от правительства, акцент на негативной свободе) и модель развития (демократия как возможность раскрытия потенциала личности, акцент на позитивной свободе), рассматривая демократию участия как продолжение моральных тезисов модели развития, т.е. как одну из версий либеральной демократии [5, с. 171–172], тогда как Барбер прямо противопоставляет «сильную демократию» либеральной демократии (понимая свободу как самоуправление, он отдает приоритет общему благу, а не индивидуальным интересам).

В целом же, анализ трудов множества других сторонников демократии участия показывает, что для данных авторов обычно крайне важны

два довода: с одной стороны, демократия участия – это верный способ воспитания добродетельных и ответственных граждан, уважения их достоинства, с другой стороны, это средство достижения в том или ином смысле правильных решений (или, по крайней мере, избегания явно неправильных решений) [11, р. 6–16]. При этом надо заметить, что в трудах партиципаторных демократов не прослеживается достаточно четко, но подспудно присутствует представление о том, что политическое участие содействует не просто достижению нормативно правильных результатов (с социальной или индивидуальной перспективы), но и познанию самой нормы, по которой эти результаты оцениваются. Однако четко и последовательно эпистемологическая ценность демократии у них не сформулирована.

Таким образом, хотя у взглядов рассмотренных партиципаторных демократов есть масса общих черт, им свойственны и отличия, которые позволяют выделить в рамках демократии участия два основных направления: либеральное и республиканское.

Библиографический список / References

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. [Aron R. *Demokratija i totalitarizm* [Democracy and totalitarianism]. Moscow, 1993.]
2. Введение в психологию / Р.Л. Аткинсон, Р.С. Аткинсон, Э.Е. Смит и др.; под общ. ред. В.П. Зинченко и др. СПб., 2007. [Atkinson R.L., Atkinson R.S., Smith E.E. et al. *Vvedenie v psihologiju* [Hilgard's introduction to psychology: History, theory, research, and applications]. Transl. from English. St. Petersburg, 2007.]
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. Социология. М., 2016. [Weber M. *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii* [Economy and society: An outline of interpretive sociology]. Vol. 1. Sociology. Transl. from English. Moscow, 2016.]
4. Желтов В.В., Желтов М.В. Демократия участия: понятие, политическая практика, механизмы. М., 2021. [Zhelтов V.V., Zheltov M.V. *Demokratija uchastija: ponjatie, politicheskaja praktika, mehanizmy* [Participatory democracy: Concept, political practice, mechanisms]. Moscow, 2021.]
5. Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М., 2011. [Macpherson C.B. *Zhizn i vremena liberalnoj demokratii* [The life and times of liberal democracy]. Transl. from English. Moscow, 2011.]
6. Муфф Ш. Демократия в многополярном мире // Прогнозис. 2009. № 2. С. 59–71. [Mouffe Ch. *Democracy in a multipolar world. Prognosis*. 2009. No. 2. Pp. 59–71. (In Rus.)]
7. Петухов В.В. Демократия участия и политическая трансформация России. М., 2007. [Petukhov V.V. *Demokratija uchastija i politicheskaja transformacija Rossii* [Participatory democracy and political transformation of Russia]. Moscow, 2007.]

8. Розанваллон П. Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость. М., 2015. [Rosanvallon P. Demokratischeskaja legitimnost. Bespristrastnost, reflektivnost, blizost [Democratic legitimacy. Impartiality, reflexivity, proximity]. Moscow, 2015.]
9. Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. № 4. С. 17. [Shapiro I. Democracy and civil society. *Polis*. 1992. No. 4. P. 17. (In Rus.)]
10. Bachrach P. The theory of democratic elitism: A critique. Boston, 1967.
11. Bachrach P., Botwinick A. Power and empowerment: A radical theory of participatory democracy. Philadelphia, 1992.
12. Barber B. Strong democracy. Participatory politics for a new age. University of California Press, 2003.
13. Bell D.A. The China model: Political meritocracy and the limits of democracy. Princeton University Press, 2015.
14. Cook T.E., Morgan P.M. Participatory democracy. San Francisco, 1971.
15. Keim D.W. Participation in contemporary democratic theories. *Participation in Politics (Nomos XVI)*. J.W. Chapman, J.R. Pennock (eds.). N.-Y., 1975. Pp. 1–38.
16. Kruger J., Dunning D. Unskilled and unaware of it: How difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77. No. 6. Pp. 1121–1134.
17. Lipset S.M. Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. *The American Political Science Review*. 1959. Vol. 53. No. 1. Pp. 69–105.
18. Macpherson C.B. The real world of democracy. Toronto, 1965.
19. Morozov E. The net delusion: The dark side of internet freedom. N.-Y., 2011.
20. Pateman C. Participation and democratic theory. Cambridge University Press, 1970.
21. Reese-Schäfer W. Grenzgötter der Moral. Der neuere europäisch-amerikanische Diskurs zur politischen Ethik. Frankfurt a. M., 1997.
22. Zeitgenössische Demokratietheorie Band 1: Normative Demokratietheorien. O.W. Lembcke, C. Ritzki, G.S. Schaal (Hrsg.). Wiesbaden, 2012.

Статья поступила в редакцию 31.10.2024, принята к публикации 28.12.2024
 The article was received on 31.10.2024, accepted for publication 28.12.2024

Сведения об авторе / About the author

Шавеко Николай Александрович – кандидат юридических наук; старший научный сотрудник Удмуртского филиала, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Удмурдская Республика

Nikolai A. Shaveko – PhD in Law; senior researcher at the Udmurt Office, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

E-mail: nickolai_91@inbox.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-136-150

УДК 659.4

А.В. СмирновКубанский государственный университет,
350040 г. Краснодар, Российская Федерация

Отечественная мультипликация как источник образов ордынского владычества в российском историческом сознании

В статье анализируется содержание отечественной мультипликации, в котором присутствуют образы ордынского владычества. Мультфильмы оказывают важное влияние на формирование исторических представлений, причем не только у детской аудитории. Действие в мультфильмах подчеркнуто условно. Это позволяет режиссерам затрагивать темы, которые могут быть недоступны художественному кинематографу. Так, в советской мультипликации выделялась роль православной церкви в борьбе с игом. Образ Дмитрия Донского в кинематографии отразился только в анимации. Ордынское иго в советской мультипликации представлено исключительно в негативных тонах. Подчеркивалось значение народной борьбы и национального единения в ней. В современной российской мультипликации трансляцию исторических сюжетов, относящихся к русско-ордынским отношениям, взяла на себя православная церковь, поэтому главными поднимаемыми темами оказываются проблемы морали и нравственности. Государство влияет на создание современной мультипликации финансово, отдавая идейное содержание церкви. Изображение русско-ордынских отношений в отечественной анимации последних десятилетий смягчается,

© Смирнов А.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

появляются намеки на возможное сотрудничество, однако это относится только к фильмам на абстрактные исторические сюжеты, почти не связанные с реальной историей. Проведенный анализ позволил обозначить мультипликацию как репрезентативный источник для изучения формирования образов ордынского владычества в историческом сознании.

Ключевые слова: мультфильм, мультипликация, историческое сознание, образы истории в мультипликации, ордынское иго в мультипликации

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Смирнов А.В. Отечественная мультипликация как источник образов ордынского владычества в российском историческом сознании // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 136–150. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-136-150

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-136-150

A.V. Smirnov

Kuban State University,
Krasnodar, 350040, Russian Federation

Russian animation as a source of images of the Horde rule in the Russian historical consciousness

The article analyzes the content of Russian animation, which contains images of the Horde rule. Cartoons have an important influence on the formation of historical ideas, and not only among children. The action in cartoons is emphasized conditionally. This allows directors to touch on topics that may be inaccessible to feature films. For example, in Soviet animation, the role of the Orthodox Church in the fight against the yoke was highlighted. The image of Dmitry Donskoy in cinematography was reflected only in animation. The Golden Horde yoke in Soviet animation is presented exclusively in negative versions. The importance of the people's struggle and national unity in it was emphasized. In modern Russian animation, the Orthodox Church has taken on the transmission of historical stories related to Russian-Horde relations, so the main topics raised are problems of morality and ethics. The state influences the creation of modern animation financially, giving the ideological content to the church. The depiction

of Russian-Horde relations in Russian animation of the last decades has softened, hints of possible cooperation have appeared, however, this only applies to films on abstract historical plots, almost not connected with real history. The conducted analysis allowed us to define animation as a representative source for studying the formation of images of the Horde dominion in historical consciousness.

Key words: cartoon, animation, historical consciousness, images of history in animation, the Horde in animation

CITATION: Smirnov A.V. Russian animation as a source of images of the Horde rule in the Russian historical consciousness. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 136–150. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-136-150

Аудиовизуальные средства представления информации все чаще становятся для современных историков историческим источником. Это касается в том числе кинематографа (см., например [4; 5; 13]). Но мультипликация нередко остается за рамками исследований специалистов, занимающихся изучением влияния кинематографа на российское историческое сознание. Вместе с тем мультфильм «формирует в детском сознании первые исторические представления, дает первую картину прошлого» [8, с. 6]. Главной особенностью мультипликации является крайне высокая степень условности по сравнению с другими видами искусства. Анимация не стремится к достоверной передаче действительности, часто наоборот – подчеркивает нереальность и сказочность происходящего на экране [1, с. 18]. Ю.М. Лотман утверждал: особенность «языка мультипликации состоит в том, что он оперирует знаками знаков: то, что проплывает перед зрителем на экране, представляет собой изображение изображения» [10, с. 673]. Образ внешнего мира в анимационном кино переводится в условный рисунок, в более простую и доступную форму.

Мультипликация не является исключительно детским жанром. Существуют мультфильмы для взрослых, особенно распространены они были в Советском Союзе. Обладая неисчерпаемым запасом иносказания и иронии, мультфильм может поднимать темы, которые в художественном кинематографе могли считаться слишком острыми или неудобными для реального изображения. Нужно отметить роль мультфильмов как средства подачи новых образов, к которым создатели хотели привлечь массовое внимание. Новый образ, до того, как выйти на больших экранах, может быть опробован в мультипликации и сначала предложен детям.

В.П. Васильева выдвинула продуктивный метод интерпретации содержания советских мультфильмов. Она предлагала поэтапно изучить причины создания ленты, отразившийся в ней образ авторов, выявить целевую аудиторию мультфильма, его историю создания, прием зрителями и критикой, дальнейшую судьбу и после этого охарактеризовать мультфильм в рамках своего исследования [3, с. 258–259]. Эту последовательность целесообразно применять и при анализе современной российской мультипликации, обращая главное внимание на первые три пункта. Также в работе может помочь использование теории монтажа для деконструкции замысла режиссера. Единицей анализа при этом является отдельный кадр [7].

В данной работе для изучения был выбран образ ордынского владычества. Данное событие оставило глубокий след в отечественной исторической памяти и регулярно в нем воспроизводится. Одним из первых мультфильмов, в котором затронута эта тема, является лента И.П. Иванова-Вано и Ю.Б. Норштейна «Сеча при Керженце»¹. Она основана на древнерусской легенде и музыке из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии».

Защитники Керженца гибнут в бою с грозным врагом, но городу удастся спастись, уйдя под воду. Нападающие на Русь не персонифицированы, их образ показан обобщенно, в виде скачущих на горизонте черных всадников. Феврония, которая в начале мультфильма заходит в церковь с младенцем на руках, явно напоминает образ Богородицы с Иисусом средневекового русского искусства. Авторы в начальной заставке указывали, что они использовали материалы русской фресковой живописи и миниатюры XIV–XVI вв. В первом же мультфильме, связанном с ордынской тематикой, подчеркивается роль религии. Русские воины в образе Февронии-Богородицы защищают не только родную землю, но и веру.

Сразу несколько мультфильмов, посвященных историческим событиям, в 1970–1980-е гг. создал режиссер Р.В. Давыдов. В своем интервью он отмечал, что любит историю России и хочет, «чтобы дети наши, ребята, наша молодежь, знали историю»². Значит, главной своей аудиторией режиссер считал людей подросткового и юношеского возрастов, его произведения должны были нести просветительскую и воспитательную функцию.

¹ Сеча при Керженце [Мультфильм] / реж. И.П. Иванов-Вано, Ю.Б. Норштейн. Союзмультфильм. 1971. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/46043/?utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 20.11.2024).

² Сотворение фильма или Несколько интервью по служебным вопросам / сост. Н.Я. Венжер. М., 1990.

Работал Р.В. Давыдов на студии «Союзмультфильм», причем создание анимации на историческую тематику, судя по его воспоминаниям, было личной инициативой режиссера, а не чьим-либо заказом³. Руководящие органы советского кинематографа не видели необходимости в создании мультфильмов, посвященных прошлому, хотя жанр исторического художественного кино в СССР был очень развит. Возможно, мультипликация считалась недостаточно «серьезным» искусством для освещения подобных сюжетов.

Первым мультфильмом Р.В. Давыдова, в котором мы можем встретить образ ордынского владычества, является «Василиса Микулишна»⁴. Его сюжет основан на древнерусской былине о женщине-богатыре, которая переодевается в мужское платье, чтобы вызволить из плена своего мужа Ставра Годиновича, которого заточил в тюрьму киевский князь Владимир. В оригинальной былине Василиса Микулишна предстает перед князем в образе сына короля Ляховицкого [2, с. 332]. У Р.В. Давыдова же она облачается в ордынского посла, который приезжает в Киев требовать «дань за двенадцать лет». Подобное изменение сюжета было нужно режиссеру, чтобы еще больше подчеркнуть негативные качества Владимира: его трусость и раболепие перед послом Орды выступают антитезой заносчивому поведению князя по отношению к Ставру Годиновичу.

Ю.В. Капорина считала господство ордынцев в мультфильме настолько аморфным, «что князь и думать забыл о выплате дани» [8, с. 8]. По нашему мнению, это не соответствует поведению Владимира: он крайне предупредителен с послом, его поражает не само прибытие ханского чиновника и требование дани, а ее размер – за целых двенадцать лет. В истории известны ханские поборы сверх определенного размера, так называемые «запросы», собиравшиеся нерегулярно на конкретные, обычно военные нужды Золотой Орды [12, с. 33–34]. Для удобства посол в мультфильме мог перевести эту плату в привычный для Руси размер ежегодной дани. Важно, что архетипом врага, перед которым склоняется сам великий князь Владимир, является именно ордынец. Перед сыном короля Ляховицкого князь в оригинальной былине не был зависим, у них были равные отношения будущих тестя и зятя, т.к. королевич приезжает к князю исключительно ради сватовства. Ордынский посол не просил, а требовал руки дочери Владимира.

³ URL: <https://george-smf.livejournal.com/382035.html> (дата обращения: 20.11.24); <https://george-smf.livejournal.com/382450.html> (дата обращения: 20.11.2024).

⁴ Василиса Микулишна [Мультфильм] / реж. Р.В. Давыдов. Союзмультфильм. 1975. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/448949/> (дата обращения: 20.11.2024).

Мультфильм «Лебеди Непрядвы»⁵ создан Р.В. Давыдовым к 600-летию юбилею Куликовской битвы и рассказывает об этом событии. В начале ленты показана краткая ретроспектива ордынского ига на Руси. Оно предстает в образе огромной тени всадника, проход которой превращает красивые города и цветущие поля в дымящиеся руины и пустыню. Захваченных русских мирных жителей кладут на землю, сверху них помещают доски, по которым идут тени всадников. Зависимость Руси от Орды представлена в исключительно негативных тонах.

В данном мультфильме впервые в отечественной кинематографии (если не считать короткого немого фильма 1909 г. «Эпизод из жизни Дмитрия Донского»⁶) на экране был воплощен образ Дмитрия Донского. Этому герою русской истории до сих пор не посвящено ни одного художественного фильма, его персонаж воплощен лишь в мультипликации.

Характерной чертой «Лебедей Непрядвы» было упоминание роли Сергия Радонежского в Куликовской битве, под его благословение на бой выделен отдельный эпизод. В советских исторических трудах об этом или не говорилось, или упоминалось вскользь. Пересвет назывался «русским богатырем», но никак не иноком [9, с. 54; 11, с. 555]. Режиссер вспоминал, как научный консультант мультфильма, известный советский историк В.И. Буганов, в своем заключении на сценарий удивлялся, что «слово “господь” зачем-то дается с большой буквой»⁷.

Р.В. Давыдов решил подчеркнуть роль православной веры в победе на Куликовом поле. Это ему позволено было сделать и выпустить на широкий экран из-за того, возможно, что в советской мультипликации допускалось больше гипербол и преувеличений, чем в художественном кино. С точки зрения правящей идеологии подобная роль церкви в событии являлась явным утрированием, но язык мультфильма более условен, в нем можно было отчасти выйти за рамки дозволенной в других искусствах версии происходившего. Благодаря такому изображению роли Сергия Радонежского «Лебедей Непрядвы», по воспоминаниям Р.В. Давыдова, высоко оценили в Московской Патриархии⁸.

Другие моменты мультфильма соответствуют господствующим тогда в историографии воззрениям. Главную роль в Куликовской победе сыграл простой народ. В начальной заставке указывается: «Во славу

⁵ Лебеди Непрядвы [Мультфильм] / реж. Р.В. Давыдов. Союзмультфильм. 1980. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/433758/> (дата обращения: 20.11.2024).

⁶ Эпизод из жизни Дмитрия Донского [Кинофильм] / реж. К. Ганзен, 1909. URL: <https://gosfilmfond.ru/films/252552/> (дата обращения: 20.11.2024).

⁷ URL: <https://george-smf.livejournal.com/382450.html> (дата обращения: 20.11.2024).

⁸ URL: <https://george-smf.livejournal.com/382450.html> (дата обращения: 20.11.2024).

русского народа, одержавшего победу в битве на поле Куликовом»⁹. Когда Сергей благословляет вместе с князем Дмитрием его войско, в нем видно немало ратников, держащих как оружие свои сельскохозяйственные и ремесленные инструменты.

В разговоре с Сергием Радонежским Дмитрий замечает, что благодаря многочисленным стараниям распри между князьями утихли. Именно междоусобицы, по мнению создателей картины, были одной из причин, почему раньше Русь не могла выйти на битву с Ордой. Плечом к плечу с Дмитрием в бою сражается кузнец Егор из Рязани. Как известно, рязанское войско в битве не участвовало. Князь Олег Иванович, скорее, склонялся к поддержке Мамаю. В мультфильме не упоминается о подобном поведении рязанского князя, но воины из его владений показаны в московском войске, которое приобретает этим общерусский характер.

Ордынцы представлены отрицательными персонажами. В поход на Москву Мамай зовет с собой «пожирателей падали, ночных убийц». В Орде царит рабская покорность и жестокость. Один из гонцов, прибывающих к Мамаю, падает на колени и кланяется в ноги его коню, другого темник за известие о переходе Дмитрия через Дон лично сечет плетью.

Один из последних созданных Р.В. Давыдовым мультфильмов «Сказ о Евпатии Коловрате»¹⁰ посвящен обороне Рязани от войск Батыя в 1237 г. Рязанцы представлены свободолюбивыми людьми, они с готовностью соглашались с княжеским призывом: «Лучше нам смертью добыть свободу, нежели в неволе жить», когда узнают о нашествии кочевников. На стенах города к обороне готовятся вместе с воинами обычные жители, в том числе и женщины. После успешного штурма Батыю сообщают, что пленных взяли мало: жители Рязани сдержали свое слово и не променяли свою свободу на жизнь под игмом.

Вернувшийся на развалины родного города Евпатий Коловрат начинает партизанскую борьбу с войском завоевателей. После нескольких успешных рейдов Евпатий соглашается на бой с сильнейшим бойцом Батыя и побеждает его. Монгольский батыр изображен в несколько раз больше стоящих рядом с ним ордынских воинов, хотя с Евпатием он одного роста: этим подчеркивается физическое превосходство русских над степняками. Моральное превосходство следует из того, что ордынцы не выполнили условия честного поединка один на один

⁹ Лебеди Непрядвы [Мультфильм] / реж. Р.В. Давыдов. Союзмультфильм. 1980. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/433758/> (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁰ Сказ о Евпатии Коловрате [Мультфильм] / реж. Р.В. Давыдов. Союзмультфильм. 1985. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/460520/> (дата обращения: 20.11.2024).

и убили Евпатия после его победы над батыром. К мертвому Евпатию хан проявляет большее уважение и отдает его тело для погребения выжившим рязанским воинам. Сопrotивление ордынцам продолжили сыновья Евпатия Коловрата, и благодаря их действиям Батый не остался в русской земле, а ушел за Волгу.

В «Сказе о Евпатии Коловрате» можно найти весьма много параллелей с фильмом С.М. Эйзенштейна «Александр Невский»¹¹. Когда хану Батю в первый раз докладывают о гибели Евпатия в бою, в котором рязанец уничтожил сотню ханских воинов, Батый заявляет о хорошей осведомленности об этом имени. Его соратник замечает, что за его смерть и сотню воинов отдать не жалко. Это схоже с эпизодом в начале фильма Эйзенштейна, где ханский посол осведомлен о победе Александра Невского над шведами.

В войске Батя присутствуют закованные в европейские латы воины. По своему облику и манере речи они явно напоминают рыцарей-крестоносцев. Именно они, а не татаро-монголы, поджигают Рязань при ее штурме с помощью метательных машин. Лицо предводителя этого отряда очень напоминает внешность магистра Ордена из фильма «Александр Невский». Отряд Евпатия побеждает этого неприятеля, бросая затем побитых рыцарей на лед, где они проваливаются в воду.

Мультфильм заканчивается на радостной ноте: Рязань отстраивается, ее население растет, хотя в реальности на прежнем месте Рязань после нашествия Батя не возродилась. Положительно, надеждой на будущее, заканчиваются все советские анимационные фильмы, в которых упоминается ордынское владычество. Иго в этих лентах видится событием преходящим, пусть и тяжелым, но от которого наверняка последует освобождение.

Касаясь современной отечественной анимации, нельзя не упомянуть франшизу «Три богатыря», одно из наиболее популярных у зрителей российских мультипликационных творений. Мы не встретим в них ни единого упоминания монголо-татар или ордынцев, но в первых частях франшизы, особенно в мультфильме «Алеша Попович и Тугарин Змей»¹², враги главных героев представляют собой кочевников с явно монголоидными чертами лица. отождествлять их с Ордой, на наш взгляд, стоит с большой осторожностью.

¹¹ Александр Невский [Кинофильм] / реж. С.М. Эйзенштейн. Киностудия «Мосфильм». 1938. URL: <https://www.culture.ru/live/movies/391/aleksandr-nevskii> (дата обращения: 20.11.2024).

¹² Алёша Попович и Тугарин Змей [Мультфильм] / реж. К.Э. Бронзит. Студия анимационного кино «Мельница»; Кинокомпания «СТВ». 2004. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/81041/> (дата обращения: 20.11.2024).

«Алеша Попович и Тугарин Змей» основан на материале из былин [6; 14]. Создатели фильма намеренно уходят от любых привязок к реальным историческим событиям. Цифры «1234» на украденном Тугариным ростовском золоте, которые некоторые исследователи считают годом [14, с. 46], вполне вероятно, являются простым перечислением натуральным чисел, сделанными исключительно ради комического эффекта. Но даже если их принять за реальную дату, в 1234 г. никаких монголов на русских рубежах еще не было. Врагов в мультфильме герои называют эпонимом «тугары» или «бусурмане».

В начале следующей ленты франшизы, «Добрыня Никитич и Змей Горыныч»¹³, князь посылает Добрыню собрать дань с крымского хана Бекета. Данный сюжет резко переворачивает историческую действительность, в которой дань Крыму платила как раз Россия. На это указывают слова Бекета Добрыне после разгрома богатырем крымского войска и получения дани: «Сам посуди: видано ли дело, чтобы ханы дань князьям русским платили? Надо мной уже все соседи смеются». Хан после поражения относится к Добрыне как к старому знакомому, любезничает с ним. Отношения Руси со степняками в этом мультфильме не представляют собой смертельной вражды.

В сериях франшизы «Три богатыря» используется характерный для русской истории мотив противостояния Руси и Степи. Он зародился гораздо раньше возникновения Золотой Орды и продолжал свое существование после ее распада. Анимационные ленты данной серии направлены на развлечение зрителей, имеют коммерческий характер и не ставят своей целью отображение подлинных исторических событий. Но их популярность свидетельствует о близости поднимаемых в них тем для широкой аудитории.

В современной российской мультипликации исторические сюжеты не слишком распространены. Местные национальные анимационные студии, например, «Татармультфильм», которым может быть интересна тема Орды, создают произведения на обобщенные сюжеты, не связанные с конкретными историческими эпохами и персоналиями. На якутских киностудиях снимают художественные¹⁴, но не анимационные фильмы. В этой ситуации роль транслятора исторических событий в мультипликации на себя взяла православная церковь.

¹³ Добрыня Никитич и Змей Горыныч [Мультфильм] / реж. И.М. Максимов. Студия анимационного кино «Мельница»; Кинокомпания «СТБ». 2006. URL: <https://www.ivl.ru/watch/33530> (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁴ Тайна Чингис Хаана [Кинофильм] / реж. А.С. Борисов. Кинокомпания «Ургэл В». 2009. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/397544/> (дата обращения: 21.11.2024).

Стоит отметить мультфильмы режиссера С.А. Подивилова «Твой крест» и «Пересвет и Ослябя»¹⁵. Оба сняты по благословию Патриарха Московского и всея Руси, на средства, выделенные министерством культуры Российской Федерации. С.А. Подивиллов указывает, что не делит свое кино на детское и взрослое, оно универсально и подходит всем, «ведь язык евангельский и евангельские истины одинаковы и для детей, и для взрослых»¹⁶. Он считает анимацию адекватным языком для православной темы, ведь она использует для показа образы, а не живых людей, поэтому тех же святых проще выразить через мультипликацию¹⁷.

В мультфильме «Твой крест»¹⁸ раскрывается христианская притча о том, что каждому человеку свыше предначертана своя судьба. Обычный русский крестьянин, устав от постоянных разорений ордынцами своего хозяйства, взмолился об изменении своей жизни. Бог позволил побывать ему в роли князя, который сошелся вместе с дружиной в бою с ордынцами, затем главный герой наблюдает за жизнью монаха, которого одолевают различные искушения. В конце концов крестьянин выбирает скромный деревянный крест, который и так оказывается его собственной судьбой.

Ордынцы в мультфильме представлены как безжалостные враги. Основной задачей князя видится бой с кочевниками, а не подчинение им, его крест предстает в виде меча. Идентифицировать противника как монголо-татар можно по узорам дракона на их щитах и доспехах, напоминающим китайский стиль. С Китаем из степных врагов Руси контактировали ордынцы.

В следующем мультфильме С.А. Подивилова, «Пересвет и Ослябя»¹⁹, больше внимания уделено христианскому смирению. Князь Дмитрий поручает славному воину Пересвету охранять ордынского мурзу, т.к. в это раз он приехал собирать «большую дань». В противном случае сарайский посол угрожает сжечь Москву. С тяжелым сердцем Пересвет исполняет поручение, а затем уходит в монастырь.

¹⁵ Твой крест [Мультфильм] / реж. С.А. Подивиллов. Кинокомпания «Рассвет». 2007. URL: <https://azbyka.ru/video/tvoj-krest/> (дата обращения: 20.11.2024); Пересвет и Ослябя [Мультфильм] / реж. С.А. Подивиллов. Кинокомпания «Рассвет»; Кинокомпания «Избор». 2010. URL: <https://azbyka.ru/video/oslyabya-i-peresvet/> (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁶ 25 икон в секунду, или Очень счастливый человек. URL: <https://rusbatya.ru/25-ikon-v-sekundu-ili-ochen-schastliviyi-chelovek/> (дата обращения: 21.11.2024).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Твой крест [Мультфильм] / реж. С.А. Подивиллов. Кинокомпания «Рассвет». 2007. URL: <https://azbyka.ru/video/tvoj-krest/> (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁹ Пересвет и Ослябя [Мультфильм] / реж. С.А. Подивиллов. Кинокомпания «Рассвет»; Кинокомпания «Избор». 2010. URL: <https://azbyka.ru/video/oslyabya-i-peresvet/> (дата обращения: 20.11.2024).

Сергий Радонежский наставляет Пересвета: когда враг угрожает тебе лично, это можно и стерпеть, но если опасность настигла твоих близких, тогда надо взять в руки оружие и защитить их. В начале фильма посвящение: «Героям Куликовской битвы, душу свою положившим за други своя». Сергей сначала призывает князя Дмитрия отдать ордынцам дань, «и по смиреннию твоему Бог не попустит им одолеть нас». Когда же Дмитрий заявляет, что так и сделал, а Мамай двинул свои полки к Дону, Сергей благословляет его на битву и предрекает победу русскому войску. У Р.В. Давыдова Сергей благословляет московского князя без каких-либо упоминаний о попытках умиловить Мамаю смирением. Для православного мультфильма на первое место ставится не собственное освобождение от ига, а защита от него других. Результат, в итоге, получается один и тот же.

Можно заметить разницу между двумя мультфильмами в изображении Пересвета и Осляби. В «Лебедях Непрядвы» они совсем еще юные герои, без бороды. Они называют князю свои мирские имена, а Сергей поправляет иноков и говорит их монашеские: очевидно, оба персонажа к ним еще не привыкли. Пересвет в момент гибели обращается к своей матери, в устах человека более старшего возраста это смотрелось бы нелогично. У С.А. Подвилова Пересвет и Ослябя – умудренные жизнью люди, к ним куда больше определение «старец». Они играют главную роль в мультфильме, а не князь Дмитрий, как у Р.В. Давыдова.

Ослябя в гуще боя бьется рядом с Дмитрием. Перед своей гибелью иннок вешает щит на спину князя, который его спасает: удар ордынского воина приходится в этот щит. Дмитрий теряет сознание, но остается жив. После победы его находят среди тел павших. В советском мультфильме Дмитрий сражается до конца боя и все время стоит на ногах. Источники о Куликовской битве допускают оба этих исхода: в летописной повести Дмитрий остается невредимым, а в «Сказании о Мамаевом побоище» его находят раненым после сражения²⁰. Споры о приоритете одной версии над другой ведутся историками более ста лет.

Каждый режиссер выбрал тот вариант, который в большей мере подходил для его замысла. Р.В. Давыдову необходимо было показать негибкость и неуязвимость князя, никакой слабости в его образе не допускалось. Для С.А. Подвилова главное в Дмитрие Донском – послушное следование воле Всевышнего. В ночь перед битвой он молится и передает свой дух в руки Господа. Способности самого князя играют в бою второстепенную роль, спасся он лишь благодаря Божьему Провидению.

²⁰ Повести о Куликовской битве / изд. подгот. М.Н. Тихомиров. М., 1959.

В «Пересвете и Ослябе» в русских полках показаны представители народа, они изображены без доспехов, в обычной крестьянской одежде. В войске Мамаю присутствуют европейские воины в характерных латах и с гербами на щитах. Они предстают довольно трусливыми бойцами: дрожат, когда мимо них проезжает грозный Челубей, потом поражены его гибелью. Режиссеры мультфильмов, посвященных ордынской теме, и Р.В. Давыдов, и С.А. Подivilов, не смогли обойтись без демонстрации в степном войске воинов с Запада. Это нужно было, по-видимому, чтобы подчеркнуть угрожающую тогда Руси опасность с различных сторон.

Упоминание Золотой Орды можно найти в еще одном современном российском мультфильме. Это одна из серий мультсериала «Гора самоцветов» под названием «По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре»²¹, которая создана по мотивам русской народной сказки. Коварная мачеха предлагает своему сыну-царю вступить в брак с представительницей одной из держав, враждебных Руси. Можно жениться на тевтонской принцессе, тогда западные рыцари помогут защитить Русь от Орды, а можно породниться с ордынцами, в этом случае уже они станут союзниками и помогут одолеть тевтонцев. Но царь отказывается от обоих предложений, т.к. при выборе любого из них русский народ попадет в тяжелую зависимость от приобретенного союзника. Зависимость в случае дружбы с Ордой представлена в виде связанных людей, которых ведет за собой на веревке кочевник. «Ордынцы, конечно, народ грубый, неотесанный» – так в мультфильме характеризуются степняки.

Царь делает свой выбор в пользу морской царевны. Недовольная этим мачеха посылает сообщение ордынцам с просьбой «припугнуть» своего пасынка. Царь вынужден отправиться с войском на границу для ее защиты. Сражения между двумя армиями, однако, не происходит: стороны решают не губить друг друга и померяться силами в чем-нибудь другом. Остановившись на шахматах, играют в них. Хан в итоге проиграл царю все ордынское богатство и разорил Орду. Царь с победой возвращается домой.

В отличие от других рассмотренных нами мультфильмов, «По колено ноги в золоте...» явно не претендует на какую-либо историческую достоверность. Это сказка, предназначенная для дошкольников и младшего школьного возраста. Форма сказки обусловила гуманистические тенденции в изображении ордынцев: с ними можно договориться и даже породниться, избежав смертельной сечи. Но все же кочевники

²¹ Гора самоцветов – По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре [Мультфильм] / реж. С.В. Гордеев. Анимационная студия «Пилот» Александра Татарского. 2013. URL: <https://azbyka.ru/video/multfilmy-iz-cikla-gora-samocvetov/#video62> (дата обращения: 20.11.2024).

по-прежнему представляются врагами, их хан очень маленького роста, явно комичен и совсем не страшен.

Анализ выбранных нами мультфильмов позволил прийти к следующим выводам. Отечественная мультипликация является важным источником для формирования исторического сознания. Ее творения, посвященные Орде, предназначены для широких зрительских кругов и не ограничиваются только детской аудиторией. Это обуславливает возможность их более глубокого влияния на представления об ордынском иге в общественном сознании России.

Образ Золотой Орды в мультфильмах представлен почти исключительно в негативных тонах. Иго приносило Руси только страдания и разорения. Русский народ с самого начала боролся против захватчиков и не позволял им слишком сильно распространять свою власть над родной землей. Борьба с ордынцами героизируется, важное значение в ней отводится роли православной церкви, которая давала силы и укрепляла на бой с кочевниками. Мультфильмы оказались единственным вариантом изображения образа Дмитрия Донского на экране.

Взгляд на Куликовскую битву и действия отдельных героев в ней зависели от режиссерских целей. Для Р.В. Давыдова главным было показать непреклонное стремление народа освободиться от иноземной зависимости, для С.А. Подвилова – роль Божественного Провидения в победе. В составе ордынского войска нередко присутствуют западные рыцари в качестве наемников. В российском сознании средневековая агрессия с Востока и Запада связывались между собой.

В советский период ордынскую тематику в мультипликации развивали режиссеры-энтузиасты, государственного заказа на нее не было. В современной анимации ее разрабатывает Русская православная церковь. Государство финансово участвует в создании исторических сюжетов, предназначенных для детской аудитории, идеологическую сторону при этом доверяя церкви. Светские современные мультфильмы не акцентируют внимание на борьбе с Ордой и ее гнете над русскими землями, предпочитая показывать или их равные отношения, или превосходство Руси над степью. Взгляд на русско-ордынские отношения в 2010-е гг. переходит от жесткого противостояния к возможному сотрудничеству, эта тенденция присуща и историографии данного периода.

Реальные исторические сюжеты в целом не слишком популярны в отечественной мультипликации. Тем важнее становятся те немногие анимационные произведения по историческим событиям, которые доходят до зрителя.

Библиографический список / References

1. Асенин С.В. Мир мультфильма: Идеи и образы мультипликации социалистических стран. М., 1986. [Asenin S.V. Mir multfilma: Idei i obrazy multiplikacii socialisticheskikh stran [The world of cartoons: Ideas and images of animation in socialist countries]. Moscow, 1986.]
2. Былины: Сборник / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Путилова. Л., 1986. [Byliny [Bylinas]. Collection. B.N. Putilov (ed.). Leningrad, 1986.]
3. Васильева В.П. Советская мультипликация как исторический источник: историография и подходы к изучению // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2015. С. 254–260. [Vasilyeva V.P. Soviet animation as a historical source: Historiography and approaches to study. *Aktualnye problemy istoricheskoy issledovanij: vzglyad molodyh uchenyh*. Novosibirsk, 2015. Pp. 254–260. (In Rus.)]
4. Волков Е.В., Пономарева Е.В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2012. Т. 18. № 10 (269). С. 22–26. [Volkov E.V., Ponomareva E.V. Fiction film as a historic source for the studying of cultural memory. *Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*. 2012. Vol. 18. No. 10 (269). Pp. 22–26. (In Rus.)]
5. Горбачев О.В. Советский художественный кинематограф как исторический документ: особенности анализа и интерпретации // Документ. Архив. История. Современность: материалы V Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 5–6 декабря 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 126–136. [Gorbachev O.V. Soviet art cinema as a historical document: Features of the analysis and interpretation. *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Yekaterinburg, December 5–6th, 2014*. Yekaterinburg, 2014. Pp. 126–136. (In Rus.)]
6. Гулицкая Е.А. Рецепция былинного образа в современной мультипликации на примере мультфильма «Алеша Попович и Тугарин Змей» // Art Logos. 2021. № 4 (17). С. 25–34. [Gulitskaya E.A. The reception of the epic image in modern cartoons: The example of the cartoon “Alyosha Popovich and the Tugarin the Serpent”. *Art Logos*. 2021. No. 4 (17). Pp. 25–34. (In Rus.)]
7. Звонарева М.С. Документальное кино как исторический источник: особенности анализа и интерпретации // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 3. С. 98–107. [Zvonareva M.S. Documentary as a historical source: Specificities of analysis and interpretation. *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. 2019. No. 3. Pp. 98–107. (In Rus.)]
8. Капорина Ю.В. Мультфильм как источник первичных исторических знаний // Евразийский союз ученых. 2017. № 3 (36). С. 5–8. [Kaporina Yu.V. Cartoon as a source of primary historical knowledge. *Evraziyskiy soyuz uchenykh*. 2017. No. 3 (36). Pp. 5–8. (In Rus.)]
9. Каргалов В.В. Конец ордынского ига. 2-е изд. М., 1984. [Kargalov V.V. Konec ordynskogo iga [The end of the Horde Yoke]. Moscow, 1984. (In Rus.)]
10. Лотман Ю.М. О языке мультипликационных фильмов // Об искусстве. СПб., 1998. С. 671–674. [Lotman Yu.M. About the language of animated films. *Ob iskusstve*. St. Petersburg, 1998. Pp. 671–674. (In Rus.)]

11. Мавродин В.В. Древняя и средневековая Русь. СПб., 2009. [Mavrodin V.V. *Drevnyaya i srednevekovaya Rus'* [Ancient and medieval Rus']. St. Petersburg, 2009.]
12. Маслова С.А. «Ордынская тягость и протор»: выплаты Золотой Орде с русских земель // Средневековая Русь. Вып. 15. М., 2022. С. 19–60. [Maslova S.A. "The Horde Burden and the protor": Payments to the Golden Horde from Russian Lands. *Srednevekovaya Rus*. Moscow, 2022. Pp. 19–60. (In Rus.)]
13. Слесарчук В.А. Советский кинематограф как исторический источник в современной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32. Вып. 6. С. 1339–1349. [Slesarchuk V.A. Soviet cinematograph as a historical source in contemporary Russian historiography. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2022. Vol. 32. Iss. 6. Pp. 1339–1349. (In Rus.)]
14. Тиво В.С. «Алёша Попович и Тугарин Змей»: от былины к мультфильму // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2018. № 3 (10). С. 43–48. [Tivo V.S. Alyosha Popovich and Tugarin the Serpent: From the epic to the cartoon. *Bulletin of Vologda State University. Series: Humanities, Social Sciences, Pedagogical Sciences*. 2018. No. 3 (10). Pp. 43–48. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 25.11.2024, принята к публикации 16.12.2024
The article was received on 25.11.2024, accepted for publication 16.12.2024

Об авторе / About the author

Смирнов Алексей Викторович – аспирант кафедры истории России факультета истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Alexey V. Smirnov – postgraduate student at the Department of Russian History of the Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

E-mail: alexdf247@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-151-164

УДК 94:(321.61+342.4/9)

А.А. Маслова

Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана,
105005, г. Москва, Российская Федерация

Плоды деятельности Комиссии составления законов в царствование Павла I (1800 г.)

Публикуемая записка, сохранившаяся в фондах Российского государственного исторического архива и впервые вводимая в научный оборот, дает возможность оценить делопроизводственные подробности деятельности Комиссии составления законов при Павле I. Анализ записки позволяет сделать вывод об отличительных чертах работы данной Комиссии по сравнению с аналогичной Комиссией периода правления Екатерины II, а также о преемственности принципов ее работы с последующей Комиссией времени правления императора Александра I. Результаты деятельности павловской Комиссии стали частью содержания «Оснований российского права», изданных в 1822 г. Учитывая задачи, поставленные Павлом I перед Комиссией, и содержание данного документа, можно сделать нетипичный для отечественной историографии вывод о высокой продуктивности процесса систематизации права в царствование императора.

Ключевые слова: Комиссия составления законов, проекты реформ Павла I, кодификация российского законодательства, систематизация российского права в конце XVIII в.

© Маслова А.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Маслова А.А. Плоды деятельности Комиссии составления законов в царствование Павла I (1800 г.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 1. С. 151–164. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-151-164

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-151-164

A.A. Maslova

Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, 105005, Russian Federation

The success of the Commission for Drafting Laws during the reign of Paul I (1800)

The published note, preserved in the collections of the Russian State Historical Archive (RGIA) and introduced into scientific circulation for the first time, makes it possible to evaluate the clerical details of the activities of the Commission for Drafting Laws under Paul I. The analysis of the note allows us to conclude about the distinctive features of the work of this Commission in comparison with a similar Commission during the reign of Catherine II, as well as about the continuity of the principles of its work with the subsequent Commission during the reign of Emperor Alexander I. The results of the Pavlovsky Commission's activities became part of the content of the Foundations of Russian Law, published in 1822. Taking into account the tasks set by Paul I before the Commission and the content of the document, one can draw a conclusion, atypical for Russian historiography, about the high productivity of the process of systematization of law during the reign of the emperor.

Key words: Commission for Drafting Laws, draft reforms of Paul I, codification of Russian legislation, systematization of Russian law at the end of the XVIII century

CITATION: Maslova A.A. The success of the Commission for Drafting Laws during the reign of Paul I (1800). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 1. Pp. 151–164. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-151-164

В отечественной историографии в течение длительного времени доминирует точка зрения о скудости плодов деятельности Комиссии составления законов при Павле I [1, с. 173; 6, с. 98; 7; 94 11, с. 16]. Свою позицию исследователи обосновывали отсутствием каких-либо результатов кодификации или разработки нового Уложения. В то же время, существует положительное мнение об успехах павловской комиссии [4; 8, с. 75]. Тем не менее, стоит отметить, что этот вопрос в исторической науке до конца не изучен. Для продолжения исследования необходимо обратиться к архивному материалу. В фонде 1409 (Собственная Его Императорского Величества Канцелярия) Российского государственного исторического архива (РГИА) в Петербурге нами была найдена записка, впервые вводимая в научный оборот, которая позволяет оценить эффективность занятий членов Комиссии и производительность их работы.

Записка «О существе комиссии по составлению законов Российской империи, об упражнении по оной определенных чиновников и о последовавших успехах»¹ без подписи составлена на серой бумаге без водяных знаков с титульным листом голубой бумаги также без водяных знаков. Она представляет собой изложение делопроизводственных и кадровых подробностей деятельности Комиссии. Датировка отсутствует, но, в силу того, что в описании названы все генерал-прокуроры, кроме П.Х. Оболянинова², можно сделать вывод, что данный обзор составлен не ранее начала февраля 1800 г. В вводной части документа отражена поставленная Павлом I генерал-прокурору кн. А.Б. Куракину³ задача составить три книги законов (уголовных, гражданских и казенных дел)⁴. Эта задача кардинально отличается от замыслов комиссий прошлых царствований, занимавшихся, в основном, компиляцией европейской правовой традиции. Павел I требовал от членов созданной им Комиссии выделить «чистые» законы, что подтверждается в т.ч. наименованием самого учреждения⁵. Было предписано по готовности вносить эти книги на обсуждение Сената. Отдельным указом Павел I повелел Сенату рассматривать вносимые на рассмотрение книги

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (Собственная Его Императорского Величества Канцелярия). Оп. 1. Д. 278. 13 л.

² Оболянинов Пётр Хрисанфович (1752–1841) – фаворит Павла I, вступил в должность генерал-прокурора 2 февраля 1800 г.

³ Куракин Александр Борисович (1752–1818) – дипломат, сенатор, вице-канцлер.

⁴ О собрании в Уложенной Комиссии и во всех Архивах изданных донныне узаконений и о составлении из оных трех книг законов Российской империи: Уголовных, Гражданских и Казенных дел, 16 декабря 1796 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXIV. СПб., 1830. № 17652. С. 241.

⁵ Об именовании Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения: Комиссиею для составления Законов, 30 декабря 1796 г. // Там же. № 17697. С. 258.

незамедлительно, утверждая их к изданию, а генерал-прокурору – привлечь к работе сведущих специалистов, членов гражданской палаты Сената статских советников И. Яковлева и А. Поленова⁶. Позднее к этому составу был также присоединен обер-секретарь 2-го департамента Сената статский советник И.С. Ананьевский⁷.

Яковлев подготовил документ «о форме суда» в нескольких главах и статьях⁸. В общем собрании Сената совместно с членами Комиссии было утверждено его предложение о том, чтобы «судопроизводство непрямо говорить, а на письме отвечать»⁹. Однако результат работы не был законодательно утвержден в связи с частыми кадровыми перестановками. После Куракина генерал-прокурором был назначен кн. П.В. Лопухин (с 8 августа 1798 г.)¹⁰, после чего 7 июля 1799 г. в эту должность вступил А.А. Беклешов¹¹, а потом его заменил, как говорилось выше, Оболянинов. В то же время, в период правления Павла I все же произошли некоторые изменения в судопроизводстве: были приняты законы об употреблении польского и русского языков в тяжбах на территории белорусских провинций, об учреждении судебных заведений в Архангельской губернии, об основательной и мотивированной формулировке наказания и др.¹² Особенно значимым, на наш взгляд, является территориальное распределение дел в зависимости от степени их «важности»¹³, что частично ускоряло судебные разбирательства.

⁶ О рассмотрении в Сенате вносимых от Генерал-Прокурора окончиваемых [так!] в Уложенной Комиссии узаконений и об определении чиновников для составления книг сих законов, 16 декабря 1796 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXIV. СПб., 1830. № 17654. С. 242–243.

⁷ Ананьевский Иван Сергеевич (1739–1812) – сенатор, секретарь генерал-прокурора А.Б. Куракина.

⁸ О существе комиссии по составлению законов Российской империи, об упражнении по оной определенных чиновников и о последовавших успехах // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (Собственная Его Императорского Величества Канцелярия). Оп. 1. Д. 278. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 7 об.

¹⁰ Лопухин Петр Васильевич (1753–1827) – государственный деятель, светлейший князь, фаворит Павла I.

¹¹ Беклешов Александр Андреевич (1743–1808) – государственный и военный деятель, генерал от инфантерии, член Императорского совета.

¹² О производстве дел в Судах Земских, Поветовых и Подкоморских, в Магистрате и в Главном Суде, 11 сентября 1797 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXIV. СПб., 1830. № 18135. С. 727–733; Об учреждении Ратуши и Словесного Суда в городе Коле, 9 ноября 1798 г. // Там же. № 18744. С. 443; О прописывании в сообщениях из Уголовных Палат в Духовные Консистории, о решении дел священно и церковно-служителей [так!], впавших в уголовные преступления, с такою ясностию, чтобы не настояно ни малейшего сомнения в точности Палатских решений, 8 августа 1797 г. // Там же. № 19072. С. 754.

¹³ О рассмотрении дел о проступках в Судах, по частям города учрежденных, 18 июля 1797 г. // Там же. № 18053. С. 659–660.

Поленов приступил к составлению книги уголовных законов, «разделяя оную на разные части и главы по материям»¹⁴. О последовавших в этой сфере результатах в рассматриваемой записке данных нет, однако известно, что эта часть позднее перешла в работу Ананьевскому.

Ананьевский начал составление книги гражданских законов, уделяя пристальное внимание вотчинной части. В силу его опытности в данном вопросе перед ним была поставлена задача составить план по аналогии с утвержденной структурой начатых ранее книг судебной и уголовной частей. Предполагалось, что во вступлении будет дана краткая историческая справка о различии поместий и вотчин, затем последует свод всех указов, относящихся к движимому и недвижимому имуществу, и в завершение будут представлены действующие законы о вотчинной собственности для отделения «чистых» законов от устаревших в силу отмены поместного владения. Наиболее примечательным в данном отрывке является вопрос Ананьевского, к какому виду собственности относить крепостных крестьян. Павел I приказал оставить этот предмет без разрешения.

Ниже публикуется бóльшая часть записки с некоторыми сокращениями (выделены вырезками). Стиль документа сохранен, орфография и пунктуация, в основном, приведены в соответствие с современными правилами. Все прописные буквы сохранены. Все подчеркивания в документе повторены при публикации.

«О существе комиссии по составлению законов
Российской империи, об упражнении
по оной определенных чиновников
и о последовавших успехах» [1800 г.]

В именных Его ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА Указах изображено:

В 1-ом, декабря 16 дня 1796 года данным бывшему тогда генералу прокурору князю Алексею Борисовичу Куракину за собственноручным Его величества подписанием: возложить на вас должность генерала прокурора, заключающую в себе повсеместную бдительность о благоуспешном течении разного рода дел в указах производимых, и о точном сохранении законов на все части государственного правления изданных, и при том, имея всегда желание сократить письменной порядок излишеством одних

¹⁴ О существе комиссии по составлению законов Российской империи, об упражнении по оной определенных чиновников и о последовавших успехах // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (Собственная Его Императорского Величества Канцелярия). Оп. 1. Д. 278. Л. 2.

канцелярских обрядов наполненной и оттого лиш[ь] чистые Законы от множества неясностей временем и обстоятельствами вкравшихся, доставя тем судьям и подсудимым поспешность в делах, до селе с крайнею медленностию текущих, повелеваем вам: первое: собрать в уложенной комиссии, начальству вашему вверенной, и во всех архивах государственных изданные до ныне узаконения и извлечь из оных три Законы Российской империи книги, первую уголовных, вторую гражданских и третью казенных дел, показать в оных прямую черту закона, на которой судья утвердительно основаться должен. Второе, дабы с лучшею удобностию и возможною поспешностию могли вы совершить возлагаемое на вас дело, повелеваем вам избрать искусных в делопроизводстве и законознании чиновников и представить нам для утверждения их в сем деле. И, на конец, третье: сколь скоро какая-либо часть, или отделение из тех трех Законных книг приведется вами к окончанию, то имеет каждую вносить на рассмотрение Нашего сената, а сей по зрелом рассуждении и уважении будет оныя утверждать.

Во 2-ом, того же 16 декабря, данном сенату за собственноручным Его ВЕЛИЧЕСТВА подписанием: поручить нашему генералу прокурору князю Куракину из настоящих законов составить три Законные Российской ИМПЕРИИ книги для уголовных гражданских и казенных дел, и избрать опытных чиновников, ПОВЕЛЕВАЕМ сенату вносимые от него окончиваемые по частям сии узаконения рассматривать не укоснительно, и по делании соображений утверждать оныя к изданию. Для составления сих законных книг определяем в помочь (так в тексте. – А.М.) ему из представленных от него кандидатов наших действительных статских советников, здешней гражданской палаты председателя Ивана Яковлева и находящегося не у дел Алексея Поленова. <...>

Вследствие сих Высочайших Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указов, от господина генерала прокурора назначенным упомянутым чиновникам Яковлеву и Поленову приступить к составлению первому в книгу гражданских дел судной части; второму особой книги законов уголовных дел, кои, приступив к тому, сделали: первой примерной (так в тексте. – А.М.) состав о форме суда в нескольких главах и статьях; второй начертание всей книги Законов уголовных дел, разделяя оную на разные части и главы по материям и по представлению того от них генералу прокурору опробовал такое расположение, а потому продолжали они каждый свою работу, извлекая из Законов все, к сему относящееся, точным в тех Законах изречением, а частию с переменою токмо некоторых изречений, не отступая от настоящего содержания, а соединяя токмо разные по одним материям постановления и предписании (так в тексте. – А.М.). А как при том встретилось по судной части издавна замеченное неудобство в установленном

изданном в 1723 году о форме суда указом обряд¹⁵ говорить судные речи истцу и ответчику пред наоем¹⁶, то, по объяснении о сем господину генералу прокурору, с воли его сделана записка, которая через него поднесена была Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, с таким в той записке представлением: не благоугодно ли будет ВЫСОЧАЙШЕ повелеть сей обряд отменить, а постановить в нынешнем издании подавать ответчику противу исковой просьбы возражение, названное по предписанному о форме суда указу допросом на письме, на оное истцу доказательство и на конец ответчику оправдание также на письме.

Какое представление Его ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ не отринуто, а по ВЫСОЧАЙШЕМУ Его ВЕЛИЧЕСТВА повелению предложено на суждение в общем правительствующего сената собрании, коего определение подтверждено и по донесению о том Его ВЕЛИЧЕСТВУ рапортом сообщена с того определения в комиссию копия, почему господином Яковлевым в сочиняемом им составе и внесено о таковом через письменные акты судопроизводстве. А сверх сего как от него господина Яковлева по судной, так и от господина Поленова по уголовной частям о встретившихся сомнениях подаваны (так в тексте. – А.М.) господину генералу прокурору записки, на кои от него господина генерала прокурора даваны (так в тексте. – А.М.) с ВЫСОЧАЙШЕЙ воли Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, а часть по собственному его разсуждению, разрешения.

В именном Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указе, данном сенату февраля в 11 день 1797 [г.] за собственноручным Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА подписанием, изображено: находящемуся во 2-ом сената Нашего департаменте на месте обер-секретаря статскому советнику Ананьевскому повелеваем быть при нашем генерале прокуроре для составления из настоящих законов трех законных книг Российской империи.

Вследствие сего от господина генерала прокурора назначена Ананьевскому к составлению в книгу гражданских дел вотчинная часть с таким от него господина генерала прокурора приказанием, что, по опытному его о вотчинных делах сведению, предоставляет ему расположить сию часть по его рассуждению, почему, соображаясь с оным предписанием, опробованным по судной и уголовной частям началом и предполагая, что в сию вотчинную часть должны войти все материи и случаи, а по оным и законы относительно до недвижимых и движимых имений, сделать начертание или план, рассудя в начале сей части поместить краткое вступление или введение: о различии по прежним до сего до 7157-го года¹⁷ законам,

¹⁵ О форме суда, 5 ноября 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. VII. СПб., 1830. № 4344. С. 147.

¹⁶ Налой (устар.) – высокий столик с покатым верхом, аналог кафедры.

¹⁷ 7157 год от сотворения мира соответствует 1649 году от Рождества Христова.

по состоявшемуся в оном году Уложению и воспоследовавшем после того Указам и новоуказным статьям: владельческих недвижимых имений на поместья и вотчины, и о различных об них законах и постановлениях, о изданном в 1714 году и продолжавшемся до 1731 года узаконений¹⁸, о бытии тем недвижимым единственно в каждом роде и об отдаче в наследие по первенству одному старшему, об отмене в 1731 году первенства¹⁹, а о повелении именовать поместье и вотчины равно одно недвижимое и поступать в наследствах и разделах по уложению и по новоуказным статьям; о последовавших между теми после сего в разных годах постановлениях и предписаниях; о праве на владение недвижимыми имениями и на приобретение оных, кому оное подлежит и кому не следует; и, сверх того, устроенных заводах и фабриках; о единообразных и неприменяемых законах, относительно движимых имений, а потому составлении сей вотчинной части из законов, касающихся вообще до недвижимых и движимых имений, исключая относящиеся до раздачи поместий по окладам и различия их с вотчинами, также о наследовании старшим по первенству постановлений яко более к поступлению по оным не подлежащие; какое краткое вступление или введение нужным к помещению в начале сей вотчинной части сочтено для того, дабы видна была причина исключению при нынешнем издании многих как из уложения, так и из указов и новоуказных статей предписаний; исключить же те предписания предполагается потому, что оные яко о несуществующих же более поместьях и о различии их с вотчинами вовсе теперь не нужны, а будь то прежним большим поместным и различным с ним вотчинным дачам и есть еще какие-либо продолжающиеся и не оконченные дела, то, конечно, найдется оных весьма малое количество, для которых издавать прежних узаконений яко на настоящие и предбудущие времена к действию по ним не подлежающих (так в тексте. – А.М.) отнюдь не должно, а могут те дела окончание свое получить по тем прежним законам без издания оных вновь. Под таковым вступлением или введением расположена оная вотчинная часть по материям на разные главы, и каждая глава на разные статьи не тем порядком, каков в уложении значит, а начиная различием, что есть недвижимые и что движимые имения и далее чему по порядку быть и чего как вотчинникам и прочим владельцам, так и присутственным местам наблюдать должно, как явствует в начертании; каковое расположение сделано, следуя в точ-

¹⁸ О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах, 23 марта 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. V. СПб., 1830. № 2789. С. 91–94.

¹⁹ О разделе детям движимых и недвижимых имений по Уложению и об отмене указа [1]714 и дополнительных [так!] к оному пунктов [1]725 года, 9 декабря 1730 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. VIII. СПб., 1830. № 5653. С. 345–347.

ности предписанному высочайшего Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Указом повелению, дабы тем самым отделить чистые Законы от множества неясностей и показать в сем издании прямую черту закона как для вотчинников и прочих владельцев, так и для присутственных мест, по которой бы как вотчинники и прочие владельцы полное о правах и обязанностях их, так и присутственные места в наблюдении того и производстве дел поступать основательно могли, чрез что без сомнения уповать можно как со стороны вотчинников и прочих владельцев, не надлежащих на имение перекрытий напрасных на оные притязаний, следовательно, и споров, так и в присутственных местах дел о том весьма мало, или, по крайней мере, менее прежнего будет. Прежним же уложенным порядком сей вотчинной части расположить и составить не токмо не удобно, но и невозможно, потому что в оном постановлены: 16-ая глава о поместьях в 69-ти статьях, состоящих единственно в том, за какими тогдашнего звания чинами поместьям по каким окладам быть, как их раздавать, как из них за службы в вотчину дачи производить, какие после умерших женам и дочерям прожитки давать, за тем достальные (так в тексте. – А.М.) в каком случае детям и родственникам или чужеродцам отдавать и прочие относительно до сего правила; чего теперь уже не делается и к тому поступлению впредь не подлежит 17-я глава о вотчинах в 55 статьях, из которых о наследственной линии состоит только четыре статьи, да и те в генеральных, а не раздробительных правилах; затем прочие статьи простираются на разные по вотчинам действия (так в тексте. – А.М.), весьма не многие, подлежащие ныне и впредь к наблюдению и исполнению, а большую часть относящиеся к таким обстоятельствам, которые ныне и впредь к наблюдению и исполнению уже не следуют; раздробительные о наследствах и разделах правила и разные о праве на владение недвижимыми именными и на приобретение оных, кому оное на каком основании подлежит и кому не следует, большую часть предписаны в изданных после уложения указах и новоуказных статьях, регламентах и учреждениях.

<...>

Приступил он Ананьевский к точному уже составу, соображая уложение и все изданные после оного указы, новоуказные статьи, регламенты и учреждения, какие есть до владельческих имений относящиеся; и как при самом начале того состава встретились сомнения: 1-е, по неимению в законах точного предписания, в числе недвижимого или в числах движимого имения считать состоящих за владельцами крепостных людей и крестьян без земли. 2-е, по разному в законах предписанию о праве секретарей и нижних придворных служителей ниже осьмого²⁰ класса

²⁰ То есть восьмого.

не из дворян на владение недвижимыми именными, то, сделав о сем записку, представлял господину генералу прокурору марта от 12 числа 1797-го года в бытность тогда по случаю Высочайшей коронации в Москве, на что от него письмом того же марта 25 числа дано ему, Ананьевскому, знать, что по сему представлению имел счастье докладывать Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и получил ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление все сии артикулы оставить в настоящем положении... Затем, продолжая сочинением сию часть, простирает он внимание и попечение, дабы не пропустить ничего, до владельческих имений в законах гласящего; а притом, зная из опытов по многолетнему в производстве дел упражнению, какие встречались и встретиться могут по неясному и недостаточному в законах предписанию, как со стороны вотчинников и прочих владельцев разные понятия или вовсе недоумения, так и со стороны присутственных мест, иных нерешимости и недоумения, а иных последование таким законам, кои другими отменены, тщательно старается постановить на всякую материю сколько возможно ясное и несомнительное положение, извлекая из существующих законов и указов, что к какой материи прилично.

<...>

В общем с господами сенаторами и прочими чиновниками генваря в 4-ый день 1798-го года съезде было утверждено предложение Яковлева [о том, чтобы] судопроизводство непрямо говорить, а на письме отвечать.

Таким образом вся оная судная часть расположенного Яковлевым о форме суда, с присовокуплением к тому исполнительного по формальным судам действия и разных относящихся по гражданским делам материй, в том числе о беглых людях и крестьянах и опосредничьем (так в тексте. – А.М.) и третейском суде всего в 17-ти главах кончена, которая для рассмотрения представлена к внесению в сенат в феврале 1798-го года. Но генерал прокурор до рассмотрения судную часть оставил у себя, но до увольнения его августа 8 дня 1798-го года от должности упомянутого съезда не назначал. А по увольнении поступила та часть к кн[язю] Петру Васильевичу Лопухину. Но чиновникам (Колокольцову, Яковлеву) Лопухин отзывался, что за другими делами войти (так в тексте. – А.М.) в рассмотрение о их упражнении время не имеет.

А октября 21-го дня 1798-го года именным Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указом велено: правителю канцелярии генерала прокурора стат[скому] сов[етнику] Пшеничному с пожалованием его в действительные стат[ские] сов[етники] быть в комиссии, коему от генерала прокурора назначена к сочинению книга казенных дел. А ноября в 25-ый день при съезде сенаторов и всех чиновников с господином генералом прокурором кн[язем] Петром Васильевичем, обозревая он предписанную оконченную

сочинением судную часть и начертании (так в тексте. – А.М.) книги уголовных дел и вотчинной части, объявил свое замечание, что в книгу гражданских дел сверх судной и вотчинной частей надлежит составить и внести по всем, кроме уголовных и казенных материй, приличные узаконения, расположа сию книгу таким систематическим порядком, чтобы узаконения различны были по материям, не смешивая одних с другими.

А потому, упражняясь в выправках, Ананьевский сделал выписку с изъяснением: во-первых, о истребовании с 1714-го года из разных присутственных мест по материям пунктов, о своде оных и о сочинении из того нового уложения чрез многих определяемых к тому сенаторов и других знатных персон, также прочих чинов и канцелярских служителей, о собрании из государства к слушанию того уложения депутатов, о переписках из сената в кабинет министров относительно общего с ними или порознь слушания того уложения, но о неприведении ничего в совершенство, а о некоторых токмо сочинениях, в черне остающихся по 1746-й год, с которого все оное оставлено без всякого действия, и как определенные к тому люди, так и собранные депутаты распущены. Во-вторых, о учрежденной в 1754-м при сенате уложенной под дирекцию генерал фельдцейгмейстера (так в тексте. – А.М.), сенатора и кавалера гр[афа П.И.] Шувалова комиссии. О учиненном в оной и апробованном в сенате к сочинению того уложения в четырех частях плане.

По выслушании сей выписки в общем с господами сенаторами съезде генваря в 15 день 1799-го года, соображая прежние предметы с указом 1796-го года, положили [оставить все дело] на Ананьевского.

12 марта предложена была расположенная Ананьевским форма плана, по рассмотрению которой предложено продолжать, разделяя всю книгу на 2 части: на первую о праве общем относительно сохранения целости, доброго порядка и тишины государства, на вторую о праве особенном относительно лиц, вещей и обязанности государственных жителей в губерниях и местах, единственно по великороссийским законам управляемых, предоставляя о законах и обрядах, о личных и общественных правах и преимуществах жителей в присоединенных к Российской империи губерниях и в некоторых городах обитаемых составить особую книгу по различному тех жителей, яко разных между собою, состоянию.

Апреля в 9-ый день назначенные к составлению 2 части [должны] различить каждую на составы, а сии составы на отделения, отделения на главы, а главы на статьи, а как по сему систематическому плану сочиненная судная часть не может остаться в таком виде, в каком сочинена, а следует к раздроблению по материям в обе упомянутые части, то по невозможности работы над ней Яковлева, по тяжелой болезни, передать Ананьевскому.

Ананьевский передал в июне генералу прокурору, тот нашел сочинение ясным и достаточным, чтобы трудился в окончании сего.

А именным 7 июля Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указом велено быть новому генералу прокурору господину генералу от инфантерии Алексан[дру] Андреевич[у] Беклешов[у], [который] 15 августа признал предприятие основательным. Минувшего генваря 18 дня господин генерал прокурор Беклешов по прибытие (так в тексте. – А.М.) в присутствие комиссии, выслушав, кто чем занимается, оставил все без замечаний и пожелал привести к концу возложенные на комиссию поручения.

И того же генваря 26 дня в оную комиссию получена с определения правительствующего сената общего первых четырех межевого департамента собрания копия с приказом генерала прокурора нерешенные дела, числящиеся по общему правительствующего сената собранию, касающиеся до постановления вновь узаконения, препроводить в комиссию с тем, чтобы она, рассмотря каждое дело, учинила свои заключения, которые и возвратить их в общее сената собрание, назначено к отдаче в комиссию 31 дело.

Итак, из приведенного фрагмента (и, безусловно, полного текста) этой записки видно, что работа Комиссии составления законов в царствование Павла I велась активно. Документ позволяет констатировать, что деятели этой Комиссии приступили к выполнению поставленной задачи по поиску противоречий в существующих законах и достигли наибольших результатов в отношении имущественного права: определения разницы между поместьями и вотчинами²¹, ликвидации противоречий по вопросу о движимом и недвижимом имении, а также совершенствованию порядка судопроизводства. К возможным причинам преимущественного рассмотрения депутатами именно этой сферы права можно отнести длительность рассмотрения имущественных дел в Сенате по причине противоречий в законодательстве вследствие объединения поместий и вотчин и отмены указа о единонаследии, увеличение количества прошений о причислении незаконнорожденных (бастардов) к законным детям, введения в наследство (см. подробнее [3, с. 12–14]), а также антидворянское направление политики Павла I, в связи с которым члены Комиссии стремились подчеркнуть свои привилегии, опираясь на законодательство.

²¹ О существе комиссии по составлению законов Российской империи, об упражнении по оной определенных чиновников и о последовавших успехах // Российский государственный исторический архив. Ф. 1409 (Собственная Его Императорского Величества Канцелярия). Оп. 1. Д. 278. Л. 3–4 об.

В результате именно в этот период были заложены основные принципы и структуры будущего свода законов, выработаны ориентиры правовой разработки российского законодательства. Упражнения павловской Комиссии стали подспорьем для последующих успехов членов Комиссии в период правления Александра I (об этом подробнее см. [2]). Результаты деятельности павловской комиссии стали базой изданных уже в период следующего царствования «Оснований российского права»²². Однако кадровые перестановки, частая смена людей на должности генерал-прокурора нивелировали потенциальный успех трудов Комиссии. В то же время стоит отметить, что приведенное изложение хронологии работы павловской комиссии позволяет усмотреть преемственность как в отношении принципов, так и в лицах ее деятелей с Комиссией составления законов при Александре I.

Библиографический список / References

1. Андрусенко О.В. Деятельность законодательных комиссий в 1800–1820-е гг. по систематизации уголовного законодательства России // Проблемы права. 2015. № 2 (50). С. 172–178. [Andrusenko O.V. Activities of legislative commissions on systematization of criminal legislation of Russia in 1800–1820's. *Issues of Law*. 2015. No. 2 (50). Pp. 172–178. (In Rus.)]
2. Арискина Ю.Э., Маслова А.А. «Согласие и преемственность»: частная собственность в трудах Комиссии составления законов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 3. С. 136–155. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-3-136-155 [Ariskina Yu.E., Maslova A.A. "Harmony and continuity": Private property in the proceedings of the Commission for the Compilation of Laws. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 3. Pp. 136–155. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-3-136-155]
3. Иванова А.А. Просветитель И.П. Пнин о правовом статусе незаконнорожденных детей в Российской империи // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 2. С. 10–18. [Ivanova A.A. Educator I.P. Pnin on the legal status of illegitimate children in the Russian Empire. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2017. No. 2. Pp. 10–18. (In Rus.)]
4. Кодан С.В. Создание основных законов Российской империи в деятельности Комиссии составления законов (1800–1820-е гг.) // NB: Вопросы права и политики. 2012. № 3. С. 149–175. [Kodan S.V. Creation of the Fundamental Laws of the Russian Empire by the Law Making Committee (1800–1820). *NB: Voprosy prava i politiki*. 2012. No. 3. Pp. 149–175. (In Rus.)]
5. Майков П.М. Комиссия составления законов при императорах Павле I и Александре I // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 7. С. 256–291. [Maykov P.M. Commission for the Compilation of Laws in the reign of emperors Paul I and Alexander I. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 1905. No. 7. Pp. 256–291. (In Rus.)]

²² Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1822.

6. Медушевский А.Н. Кодификация права в странах Восточной Европы эпохи Просвещенного абсолютизма. Сравнительное историко-правовое исследование // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода. М., 1993. С. 71–104. [Medushevskiy A.N. Codification of law in the countries of Eastern Europe in the era of Enlightened absolutism. Comparative historical and legal research. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii dooktyabr'skogo perioda*. Moscow, 1993. Pp. 71–104. (In Rus.)]
7. Пахман С.В. История кодификации гражданского права: в 2 т. СПб., 1876. Т. 1. С. 381–437. [Pakhman S.V. *Istoriya kodifikatsii grazhdanskogo prava* [History of the codification of civil law]. In 2 vols. St. Petersburg, 1876. Vol. 1. Pp. 381–437. (In Rus.)]
8. Скоробогатов А.В. Систематизация права в России в царствование Павла I // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2015. № 1. С. 68–76. [Skorobogatov A.V. Legal classification in Russia during reign of Paul I. *Aktualnyye teoreticheskiye i prakticheskiye voprosy razvitiya yuridicheskoy nauki: obshchegosudarstvennyy i regionalnyy aspekty*. 2015. No. 1. Pp. 68–76. (In Rus.)]
9. Соловьев К.А. Ретроспективный анализ в управленческом мышлении начала XIX в. По докладу кн. П.В. Лопухина императору Александру I «О преобразовании Комиссии составления законов» // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 1. С. 298–309. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.1.71720 [Solovev K.A. Retrospective analysis in managerial thinking at the beginning of the XIX century. According to the Report of Prince P.V. Lopukhin to Emperor Alexander I "On the transformation of the Commission for Drafting Laws". *historical Journal: Scientific Research*. 2025. No. 1. Pp. 298–309. (In Rus.)]
10. Томсинов В.А. Систематизация российского законодательства в первой четверти XIX века // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2008. № 3. С. 14–49. [Tomsinov V.A. Systematization of Russian legislation in the first quarter of the 19th century. *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*. 2008. No. 3. Pp. 14–49. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 31.01.2025, принята к публикации 11.02.2025
The article was received on 31.01.2025, accepted for publication 11.02.2025

Сведения об авторе / About the author

Маслова Анна Александровна – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Anna A. Maslova – PhD in History; Associate Professor at the Department of History, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation
avonavi.anie@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-1-165-169

УДК 94:130.2

А.Б. Ананченко, С.Д. Половецкий

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Рецензия на книгу:

Киселев А.Ф., Лубков А.В.

Национальная идея

в историческом бытии России. М., 2024

Рецензируемая монография «Национальная идея в историческом бытии России» в определенной степени подводит итоги совместной научной деятельности видных российских ученых – академиков Российской академии образования, докторов исторических наук, профессоров Александра Федотовича Киселева и Алексея Владимировича Лубкова¹. Проблема анализа национальной идеи стала результатом их многолетней деятельности по изучению вопросов истории самосознания российской цивилизации.

Специально подчеркнем: масштаб их исследовательской деятельности, многогранность научных познаний, интенсивность проводимой научной работы, безусловно, впечатляют. Только за последние 4 года вышли в свет три фундаментальные многоаспектные монографии, посвященные анализу и «расшифровке» мирового и российского

¹ Киселев А.Ф., Лубков А.В. Национальная идея в историческом бытии России. М., 2024.

цивилизационного кода². Эти труды, общий объем которых превысил 75 п.л., органично дополняют многочисленные яркие публикации авторов, носящие методологический, проблемный и дискуссионный характер³.

Ряд содержательных публикаций, в которых рассмотрены актуальные философские, гносеологические проблемы современного научного познания, А.Ф. Киселев и А.В. Лубков подготовили и опубликовали в соавторстве с Н.Н. Пахомовым⁴.

Отметим также коллективную монографию, посвященную 150-летию Московского педагогического государственного университета (МПГУ), – старейшего и крупнейшего педагогического университета России. Обстоятельное развернутое введение к ней⁵ подготовлено руководителями авторского коллектива – А.Ф. Киселевым и А.В. Лубковым – видными представителями авторитетной академической школы исторического факультета Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (ныне – МПГУ), внесшими значительный многолетний вклад в развитие вуза.

Во всех отмеченных выше исследованиях авторы плодотворно и подробно исследуют многовековую историю различных обществ и культур, проводят анализ трудов выдающихся мыслителей, обоснованно характеризуют современную эпоху существования общества как цивилизации, в которой производство научных знаний определяет все остальные

² Киселев А.Ф., Лубков А.В. Человек в зеркале столетий. Поиски идеалов личности от Античности до наших дней. М., 2020; Они же. Русь: от язычества к православной государственности. М., 2022.

³ Киселев А.Ф., Лубков А.В. Сократ и Платон: открытие микрокосма человеческой души // Высшее образование сегодня. 2019. № 5. С. 67–73; Они же. Размышления о Великой Победе // Там же. 2020. № 5. С. 2–9; Они же. Последний римлянин. Размышления на пороге нового учебного года // Там же. 2020. № 9. С. 2–6 Они же. Судьбоносные святые Кирилл и Мефодий // Там же. 2021. № 3. С. 64–75; Они же. Русь: от язычества к православному государству // Развитие личности. 2023. № 1. С. 8–69; Они же. Русь: от язычества к православному государству (продолжение) // Там же. 2023. № 2. С. 8–65; Они же. Русь: от язычества к православному государству (продолжение) // Там же. 2023. № 3. С. 8–23; Они же. Русь: от язычества к православному государству (окончание) // Там же. 2023. № 4. С. 10–26; Они же. Сила традиций в русской истории // Наука и школа. 2023. № 2. С. 71–78; Они же. Русская цивилизация: особенности становления и самопознания // Преподаватель XXI век. 2024. № 2–2. С. 269–287 и др.

⁴ Киселев А.Ф., Лубков А.В., Пахомов Н.Н. Образование в перспективе глобального антропологического перехода (педагогическая утопия для XXI века) // Высшее образование сегодня. 2019. № 3. С. 76–83; Они же. Высокая античность: в поиске этических оснований человеческого существования // Там же. 2019. № 7. С. 72–79; Они же. Письмо Древнего Рима человечеству XXI века // Там же. 2019. № 9. С. 55–61; Они же. Мишель де Монтень: жизнь – вот мое занятие // Там же. 2020. № 10. С. 71–74; Они же. Благодарение и варварство по-европейски // Там же. 2020. № 12. С. 68–74.

⁵ Лубков А.В., Киселев А.Ф. Предисловие // На перекрестке времен и судеб. Московскому педагогическому государственному университету 150 лет. М., 2022. С. 5–11.

отношения: социальные, культурные, межличностные. А.Ф. Киселев и А.В. Лубков изучают сущностную основу личности человека и факторов ее формирования, исследуют закономерности и противоречия в понимании идеальной личности в исторической ретроспективе.

В научном и методологическом плане авторы обосновывают непрерывность и преемственность российской истории, исследуют сущность и основное содержание национальной идеи, ее развитие и преемственность. Принцип коллективизма интерпретируется ими в духе соборности, сплачивающей многие поколения людей в единое целое и истоками уходящей в духовное наследие религиозного сознания русского народа. Авторы доказывают, что именно на нем базировалась многовековая историческая традиция сплачиваться в критические периоды исторического бытия России. Это является важным принципом жизнедеятельности российского общества в разные исторические периоды и в разных социально-экономических условиях.

Отметим, что эти идеи получили положительную оценку в научной критике творчества А.Ф. Киселева и А.В. Лубкова. В ней, например, обоснованно отмечается актуальность вектора проводимых ими исследований – использование методологии антропологического подхода, «где основной инструмент – образование, основное направление – развитие человека, и предлагаются меры к такому переходу»⁶.

Остановимся более подробно на структуре и основном содержании рецензируемого труда «Национальная идея в историческом бытии России», носящего комплексный теоретико-методологический и научно-практический характер. Книга включает в себя предисловие, восемь глав и заключение с названием «Сокровенный голос истории». Небольшие выдержки из публицистического, исторического, литературного и философского наследия выдающихся русских мыслителей, подобранные И.В. Литвиновой, отражают различные грани исследуемой проблематики, общее направление исторических поисков и ответов на проблемы духовно-культурного развития России, историософские и мировоззренческие размышления научной и культурной элиты русского общества.

В первых трех главах авторы задают вопрос: «Спасет ли образование мир?», определяют стратегические цели российского образования, его культурную роль и значение, цивилизационные цели и особенности в развитии общества на различных этапах истории. Затем они дают аргументированную, обоснованную и развернутую критику культурной

⁶ Ефимова Н.М. Обращаясь к прошлому, мы находим себя в настоящем // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 4 (24). С. 133.

и духовной ограниченности европоцентризма. Следующие пять глав посвящены тысячелетней отечественной истории – от варяжской Руси к современной России, рассмотрению базовых основ эволюции российской цивилизации от принятия православия при Владимире Святославиче до выработки национальной идеи современности.

Большое внимание авторы уделяют идейному наследию классической русской философской мысли и русскому либерализму. Особое место занимает глава, посвященная историческому призванию, фундаменту и особенностям становления русской цивилизации, русской национальной идеи. Результатом этого анализа стал вывод авторов о том, что соборность – это духовная составляющая коллективизма, который и есть базовая сущность и особенность самобытной и уникальной российской цивилизации.

Значительное место в размышлениях авторов занимает синтез достижений отечественной общественно-политической мысли и культуры в осмыслении ведущих черт национальной идеи, к которым в книге отнесены следующие: общность народов и государств, недопустимость притязаний одних господствовать над другими; сбережение исторической памяти и связи поколений; веротерпимость и уважение к представителям других религий; приоритет нравственных начал в жизни общества; соборность и коллективизм как основа личной свободы и индивидуальности, когда идея служения Богу и идея служения Отечеству слиты воедино.

Рецензируемый труд ученых-педагогов МПГУ, председателя Попечительского совета А.Ф. Киселева и ректора университета А.В. Лубкова, вызвал значительный интерес у педагогов, студентов, научной общественности. Так, первая презентация этого фундаментального труда прошла в переполненном зале заседания Ученого Совета университета, где собрались педагоги, студенты различных вузов страны, представители общественных организаций столицы и Подмосковья. Эта встреча, имевшая не только просветительское, но и прикладное значение, вызвала искренний интерес ее участников.

Также академики РАО А.Ф. Киселев и А.В. Лубков провели презентацию книги в рамках заседания Президиума РАО. Его участники особо остановились на концептуальных положениях монографии, отражающих ключевые периоды развития образования Руси–России, о ее исторической миссии по защите православия и духовно-нравственных ценностей, о значимости сильной государственной власти, без которой не может существовать наша страна. «И сегодня, – подчеркнули авторы книги, – быются два мира с разным мировосприятием, с разным мировоззрением, с разным отношением к жизни западной и нашей.

Говорят, что у России нет союзников. У России мощный союзник – наша история»⁷.

Продолжая академические и цивилизационные традиции университетской исторической школы, за последнее время Институтом истории и политики МПГУ проведены Всероссийские научные конференции, посвященные памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина. В целях дальнейшего изучения и внедрения положений рецензируемого труда в учебно-воспитательный процесс запланирован ряд мероприятий, в т.ч. проведение методологического семинара с профессорско-преподавательским составом.

В современной России актуальными являются проблемы духовного, мировоззренческого и культурного самоопределения нашего общества, его исторической субъектности. Проблемы национальной идеи России, выступающие как историческая память, идеология ценностей, смыслы нашего бытия остаются важными, обсуждаемыми и очень болезненными для общества. Монография А.Ф. Киселева и А.В. Лубкова «Национальная идея в историческом бытии России» дает как историческую ретроспективу этих проблем, исторический опыт их осмысления, так и современный анализ, предложения по синтезу нашего духовного исторического опыта в современной практике.

Сведения об авторах / About the authors

Ананченко Алексей Брониславович – кандидат исторических наук; директор Института истории и политики, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; Director at the Institute of History and Politics, Head of the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ab.ananchenko@mpgu.su

Половецкий Сергей Дмитриевич – доктор исторических наук; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Sergey D. Polovetsky – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: sd.polovetckii@mpgu.su

⁷ Презентация книги «Национальная идея в историческом бытии России» на заседании Президиума РАО. URL: <https://mpgu.su/novosti/prezentacija-nacionalnaja-istoricheskomp-rezidiuma/> (дата обращения: 11.01.2025).

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2025.1

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 27.03.2025 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 10,63 п. л. Тираж 1000 экз.